

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
30 ЛЕТ НА ЗАЩИТЕ ПРАВ ГРАЖДАН
НА ПРИМЕРАХ ПРАКТИКИ**

СОДЕРЖАНИЕ

1. Конституционные гарантии идеологического многообразия, свободы объединений и свободы слова	9
2. Конституционные гарантии свободы передвижения	14
3. Конституционные стандарты порядка организации и проведения публичных мероприятий	17
4. Защита прав и свобод в избирательных правоотношениях	24
5. Конституционные гарантии местного самоуправления	38
6. Конституционные гарантии реализации права на обращение	42
7. Конституционные гарантии личной и семейной тайны	43
8. Гражданство Российской Федерации	46
9. Гарантии прав иностранных граждан и лиц без гражданства	48
10. Гарантии сохранения национальной и этнической самобытности	54
11. Защита прав жертв политических репрессий	58
12. Охрана окружающей среды	60
13. Гарантии в сфере налогов и иных публично-правовых платежей	64
14. Гарантии при привлечении к административной ответственности	72
15. Конституционные гарантии при применении мер пресечения и в иных случаях ограничения свободы	82
16. Право на помощь адвоката с момента фактического начала применения мер уголовно-процессуального принуждения	90
17. Недопустимость выполнения судом функций обвинения	93
18. Право на законный суд в уголовном процессе	99
19. Защита прав потерпевших от преступлений	101
20. Право умершего обвиняемого, подозреваемого на защиту доброго имени	109
21. Приостановление смертной казни	111
22. Развитие института суда присяжных	114
23. Обеспечение определенности уголовного закона	118
24. Защита чести, достоинства и деловой репутации	125
25. Защита права собственности и интересов добросовестных приобретателей недвижимого имущества	126
26. Защита прав на землю	132
27. Конституционные гарантии в жилищной сфере	138
28. Защита прав вкладчиков по договору банковского вклада	148
29. Защита прав граждан, страдающих психическими расстройствами	151
30. Защита права на возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью	156
31. Конституционные гарантии права на труд	162
32. Защита права на справедливую оплату труда	168
33. Защита от безработицы	173
34. Гарантии конституционного права на забастовку	176
35. Конституционные гарантии права на пенсионное обеспечение	178
36. Конституционные гарантии реализации процессуальных прав в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве	185
37. Конституционные гарантии исполнимости судебных решений	196

Фундаментом правовой системы любого государства является конституция, которая закрепляет базовые принципы взаимоотношений личности, общества и государства, а также организации публичной власти в конкретной стране. Особая роль конституции в политико-правовом пространстве государства выражается в ее верховенстве, обязывающем государство и личность соотносить свои действия с конституционными предписаниями.

Частным проявлением верховенства конституции является то, что за очерченные ею рамки не могут выходить никакие правовые акты, составляющие возглавляемую конституцией правовую систему. Обеспечивает это соответствие специализированная форма государственной деятельности — конституционный контроль (надзор). Он может осуществляться и осуществляется различными государственными органами, поскольку все они обязаны соизмерять свою деятельность и деятельность поднадзорных (подотчетных) им органов с конституционными предписаниями, обеспечивать реализацию и защиту конституционных прав и свобод граждан. Вместе с тем наиболее эффективной формой осуществления конституционного контроля, как показывает опыт многих государств, в том числе России, является деятельность специализированных судов — конституционных судов. Решения конституционных судов действуют непосредственно, не требуют подтверждения другими государственными органами, их юридическая сила основывается на высшей юридической силе конституции. Признание конституционным судом какого-либо акта неконституционным означает прекращение его действия, не требует дополнительного подтверждения со стороны правотворческого органа и исключает последующее применение оспоренных нормативных положений.

Положение конституционных судов в системе разделения властей и специфика их деятельности были осмыслены в первой половине XX века, однако закономерностью процесс создания органов конституционного правосудия стал после Второй мировой войны.

Россия присоединилась к общемировой тенденции в 1991 году, когда был создан первый в российской истории судебный орган конституционного контроля — Конституционный Суд РСФСР. Его учреждение означало передачу конституционного контроля в ведение судебной власти, наиболее беспристрастной и независимой, что стало важным рубежом правового развития России. Со дня, когда 13 избранных Верховным Советом РСФСР конституционных судей провели свое первое рабочее совещание — 30 октября 1991 года, — и отсчитывается история конституционного судопроизводства в России.

Конституционный Суд рассматривал дела о соответствии Конституции Российской Федерации международных договоров и нормативных правовых актов, однако граждане не имели возможности поставить соответствующий вопрос в рамках конституционного судопроизводства. Такие дела разрешались только по ходатайствам высших органов государственной власти Союза СССР, РСФСР и союзных республик, а также общественных организаций. Тем не менее граждане, иностранцы, лица без гражданства и юридические лица могли обратиться в Конституционный Суд с индивидуальной жалобой о проверке конституционности правоприменительной практики. Это стало одним из наиболее значительных достижений организации конституционного правосудия на первом этапе его существования. Любой, кто столкнулся с неконституционным, по его мнению, применением закона, мог обжаловать его в Конституционном Суде.

Между тем опыт оценки Конституционным Судом правоприменительной практики убедительно продемонстрировал, что индивидуальные жалобы зачастую были вызваны не просто неисполнением Конституции Российской Федерации и законодательства, а дефектностью самих законов, на основании которых функционировали и принимали решения органы власти. Насущной необходимостью стало наделение Конституционного Суда полномочием по рассмотрению дел о конституционности законов по индивидуальным жалобам. Эта задача была решена уже в действующей Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 года.

Новый Основной закон в полной мере отразил понимание Конституционного Суда как самостоятельного органа власти. Такое его восприятие основывалось на богатой практике конституционно-контрольной деятельности, наработанной им на первом этапе деятельности, и прочно укоренилось в общественном сознании. Конституционный Суд стал неотъемлемой частью правовой системы России. Теперь без него нельзя представить ни систему разделения властей, ни систему сдержек и противовесов. Без Конституционного Суда стала бы неполной и сама судебная власть, осуществляемая согласно Конституции Российской Федерации посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства (статья 118, часть 2).

Конституция Российской Федерации наделила граждан правом обращения в Конституционный Суд с жалобой на нарушение законом их конституционных прав и свобод. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», развивая приведенное конституционное положение, не только сохранил прежний плодотворный опыт конституционного правосудия, но и существенно его усовершенствовал.

В частности, законодательно были закреплены требования к конституционной жалобе и условия ее допустимости, детально описаны порядок рассмотрения жалоб и юридические последствия принимаемых по ним решений. Акцент в обновленной модели конституционной жалобы был сделан на проверке конституционности непосредственно примененного в деле заявителя закона, а не правоприменительной практики. Вместе с тем закон особо оговорил, что оценка оспариваемого регулирования осуществляется Конституционным Судом с учетом не только его буквального смысла, но и смысла, придаваемого ему официальным и иным толкованием, сложившейся правоприменительной практикой.

В соответствии с указанным Федеральным конституционным законом Конституционный Суд Российской Федерации — это высший судебный орган конституционного контроля в Российской Федерации, осуществляющий судебную власть самостоятельно и независимо посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации.

В этом определении прослеживается важнейшая роль конституционного правосудия, которое является ключевым способом разрешения конфликтов между личностью и обществом, с одной стороны, и государством — с другой. Конституционный Суд тем самым на основании Конституции Российской Федерации наделяется исключительными полномочиями по определению конституционного баланса зачастую противопоставленных интересов.

Специфической характеристикой конституционного судопроизводства является то, что Конституционный Суд оценивает именно конституционность действующего правового регулирования, т.е. эталоном контрольной деятельности Конституционного Суда является Конституция Российской Федерации. Это предопределяет особый стиль решений Конституционного Суда, используемую им модель аргументации, а главное — критерии оценки оспариваемых нормативных положений. В своей деятельности Конституционный Суд рассматривает действующее законодательство сквозь призму норм и принципов Конституции Российской Федерации. Это, однако, не означает, что Конституционный Суд мыслит недоступными абстракциями, далекими, как может показаться, от конкретных правовых проблем. Напротив, оценка действующего законодательства с опорой на Основной закон позволяет проникнуть в суть спорных отношений и выстроить такую их модель, которая поддерживала бы права всех сторон в равновесном с точки зрения Конституции Российской Федерации положении.

С момента создания и по настоящее время основным направлением деятельности Конституционного Суда является рассмотрение жалоб на нарушение конституционных прав и свобод граждан законом, примененным в их деле. При этом в практике Конституционного Суда нормативные основы регулирования конституционной жалобы интерпретировались с точки зрения расширения возможностей конституционного правосудия. Так, со временем было признано наличие права на обращение с конституционной жалобой у иностранных граждан, лиц без гражданства, юридических лиц. Формально закрепленная возможность проверки конституционности только закона существенно расширилась за счет права оспаривания конституционности иных актов, сопоставимых по своему регулятивному воздействию. В частности, Конституционным Судом была обоснована возможность подачи конституционной жалобы в отношении постановлений Государственной Думы об амнистии, нормативных актов Правительства Российской Федерации. Конституция Российской Федерации с учетом изменений, вступивших в силу по результатам общенародного голосования 4 июля 2020 года, еще больше расширила круг нормативных актов, которые граждане вправе обжаловать в Конституционном Суде.

Современный облик Конституционного Суда во многом определяется теми вопросами, которые ему приходится разрешать. Будучи судебным органом конституционного контроля, Конституционный Суд не выбирает подлежащие рассмотрению проблемы и не инициирует проверку того или иного нормативного правового акта самостоятельно. Поэтому жалоба в Конституционный Суд становится необходимым поводом к рассмотрению дела, который дает старт процессу точечной, конституционно-правовой настройки действующего законодательства.

Законодательство о конституционном правосудии, основываясь на предписаниях Конституции Российской Федерации о судебной защите, предусматривает право гражданина обратиться с жалобой на нарушение конституционных прав только нормативного акта, который применен в отношении данного гражданина судом, а не любого нормативного акта, с содержанием которого гражданин не согласен. Таким образом, для обращения в Конституционный Суд с жалобой необходимо наличие конкретной правовой ситуации, в которой вопрос о правах и обязанностях заявителя разрешается обычным судом. При этом Конституция Российской Федерации с учетом изменений, вступивших в силу по результатам общенародного голосования 4 июля 2020 года,

связывает обращение гражданина с жалобой в Конституционный Суд с исчерпанием всех других внутригосударственных средств защиты, т.е. прохождением всех судебных инстанций в системе судов общей юрисдикции или арбитражных судов вплоть до Верховного Суда. Этот подход позволяет обеспечить предметность конституционного судопроизводства, поскольку при таких условиях отчетливо отображается проблема, поставленная заявителем.

Заявитель, обращаясь с жалобой в Конституционный Суд, ставит, по существу, два главных вопроса: о нарушении его конституционных прав в конкретном деле и о соответствии Конституции Российской Федерации примененного в его деле закона. Соответственно, и последствия принятия Конституционным Судом решения по конституционной жалобе могут условно разделяться на индивидуальные меры, применяемые в отношении заявителя, и общие меры, относящиеся к рассматриваемому в ходе конституционного судопроизводства нормативному положению.

Если Конституционный Суд приходит к выводу о неконституционности оспоренного регулирования или о необходимости выявления его конституционно-правового смысла для изменения правоприменительной практики, то судебные акты, вынесенные в отношении заявителя, пересматриваются в той мере, в какой они были основаны на не соответствующих Основному закону нормах или на придании норме смысла, не соответствующего ее конституционно-правовому смыслу, выявленному Конституционным Судом. Возможность пересмотра дела заявителя, отстаившего свою позицию в Конституционном Суде, позволяет восстановить его нарушенные права, стимулирует правовую активность, направленную на устранение из действующего законодательства неконституционных норм, что в конечном счете обеспечивает защиту прав и свобод других лиц.

Однако защита конституционных прав и свобод в Конституционном Суде в полную силу проявляет свои особые черты в связи со вторым аспектом конституционной жалобы, предполагающим рассмотрение вопроса о соответствии закона Конституции Российской Федерации. Разрешая дело конкретного заявителя, Конституционный Суд не только восстанавливает его права, но и исправляет законодательный дефект, освобождая правовую систему от неконституционного регулирования, или же, давая обязательное для всех конституционно-правовое истолкование нормы, направляет правоприменительную практику в конституционное русло. Эффект решения Конституционного Суда, таким образом, выходит далеко за пределы проблемы заявителя, обратившегося за конституционно-судебной защитой, и распространяется на всех потенциальных участников аналогичных правоотношений.

Системное воздействие решений Конституционного Суда, принятых по индивидуальным жалобам, можно оценить по нескольким примерам.

Так, немало было сделано в области обеспечения свободы передвижения, когда и законодатель, и правоприменительные органы нередко препятствовали последовательной замене носившей разрешительный характер прописки уведомительной регистрацией по месту жительства. Разного рода квоты на переселение и денежные сборы за регистрацию по месту жительства признавались неконституционными по жалобам граждан, столкнувшихся с такими неоправданными ограничениями.

Многие положения избирательного законодательства приобрели конституционно-правовые очертания благодаря рассмотренным Конституционным Судом жалобам кандидатов и избирателей на выборах. Выиграли от этого и сами заявители, и другие

потенциальные участники выборов, и, разумеется, многонациональный народ Российской Федерации, который, выступая единственным источником власти в России, имеет вполне объяснимый интерес в соответствии избирательного законодательства конституционным принципам и нормам. Избирательные права, выступающие в качестве элемента конституционного статуса избирателя, хотя и носят субъективный характер, вместе с тем являются элементом института выборов и воплощают как личный интерес каждого конкретного избирателя, так и публичный интерес в объективных итогах выборов и формировании на этой основе органов публичной власти.

Примечателен эффект конституционных жалоб, подаваемых иностранными гражданами и лицами без гражданства в целях защиты своих прав. Разветвленная система требований и правил, которые должны соблюдать иностранные граждане и лица без гражданства, проживающие в России, нередко порождает не согласующиеся с Конституцией Российской Федерации ограничения прав таких лиц, например чрезмерно продолжительное ограничение свободы. Конституционный Суд, указывая на недопустимость неограниченного по времени задержания иностранца, по существу, гарантирует безопасность каждого лица, пребывающего на территории России.

Приведенные примеры не отражают в полной мере весь спектр разрешенных Конституционным Судом проблем. Однако они подтверждают, что главное предназначение конституционного правосудия во всех его проявлениях связывается с защитой прав и свобод. К этому Конституционный Суд, как и любой другой публично-властный орган, обязывают прямые предписания Конституции Российской Федерации о том, что Россия является демократическим и правовым государством (статья 1, часть 1), в котором права и свободы признаются высшей ценностью (статья 2), определяют деятельность органов публичной власти и обеспечиваются правосудием (статья 18).

Рассматриваемое в контексте указанных принципов, конституционное правосудие становится мощным инструментом защиты прав и свобод. Закон, будучи нормативным актом общего действия, рассчитанный на многократное применение в отношении индивидуально-неопределенного круга лиц (равно как и иные, сопоставимые с ним акты), является основным правовым способом формализации отношений личности и государства. Однако конкретное законодательное решение или его правоприменительная интерпретация нередко выходят за пределы определенных Конституцией Российской Федерации полномочий. И единственным способом противодействия несправедливому и неконституционному регулированию может стать его оспаривание в Конституционном Суде. В этом явно проявляется публично-правовое значение конституционной жалобы. Заявитель, обращаясь в Конституционный Суд, не только отстаивает свой интерес, но и фактически вносит вклад в защиту прав всех других лиц.

Решение Конституционного Суда окончательным образом разрешает конституционно-правовой спор относительно соответствия конкретного нормативного регулирования Конституции Российской Федерации. В результате инициированного заявителем конституционного судебного процесса Конституционный Суд определяет, будет ли действовать в дальнейшем то или иное законодательное положение, сохранится ли оно в правовой системе России. Тем самым деятельность Конституционного Суда, если оценивать ее последствия, противопоставлена неконституционным законодательным установлениям. Выступая по существу в роли «негативного законодателя», Конституционный Суд на будущее блокирует оспариваемую норму.

Вместе с тем дисквалификация неконституционного акта — это лишь один из инструментов Конституционного Суда, который используется в самых крайних случаях. Решений Конституционного Суда, которыми оспоренные нормы признавались полностью не соответствующими Конституции Российской Федерации, становится все меньше. Вместо этого, рассматривая дела о проверке конституционности нормативных правовых актов, Конституционный Суд все чаще стал обходиться «терапевтическими» средствами и давать законодательству конституционно-правовое истолкование. Это во многом предопределено тем, что количество системных дефектов законодательного регулирования, имевших место на начальном этапе становления и развития правовой системы Российской Федерации, постепенно сокращается.

За тридцать лет, прошедших с момента организационного оформления конституционного правосудия в России, Конституционный Суд рассмотрел большое количество дел. Немало судебных актов, основанных на неконституционном законодательстве, было отменено в связи с вынесенными Конституционным Судом решениями. Огромное число граждан смогло благодаря решениям Конституционного Суда реализовать свои конституционные права.

Такой эффект конституционного правосудия свидетельствует об особом месте Конституционного Суда среди механизмов судебной защиты прав и свобод человека и гражданина. Сам заявитель, отстоявший свою правоту, получает пересмотр вынесенных по его делу судебных актов. Орган, принявший оспоренный нормативный акт, не имея интереса в дальнейшем действии неконституционного регулирования, получает конституционные ориентиры дальнейшего правотворчества. Акт Конституционного Суда, дисквалифицирующий все неконституционное и несправедливое, наконец, записывается и на баланс общества, полагающего ценными права и свободы человека, гражданский мир и согласие. Тем самым конституционное правосудие не делит стороны на победивших и проигравших. Жалоба в Конституционный Суд в этом смысле всегда работает на пользу личности, общества и государства, приближая их к конституционным идеалам равенства, добра и справедливости.

Практику Конституционного Суда Российской Федерации за тридцатилетний период его деятельности можно условно поделить на несколько рубрик, охватывающих достаточно крупные блоки общественных отношений, которым было посвящено внимание Конституционного Суда Российской Федерации.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МНОГООБРАЗИЯ, СВОБОДЫ ОБЪЕДИНЕНИЙ И СВОБОДЫ СЛОВА

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 1992 года № 9-П «По делу о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации от 23 августа 1991 г. № 79 «О приостановлении деятельности коммунистической партии РСФСР», от 25 августа 1991 г. № 90 «Об имуществе КПСС и коммунистической партии РСФСР» и от 6 ноября 1991 г. № 169 «О деятельности КПСС и КП РСФСР», а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР»

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 1992 года № 9-П было принято по результатам рассмотрения одного из самых сложных дел на начальном периоде функционирования конституционного правосудия в России. Данное дело было критической точкой идеологического противостояния, которое было как никогда острым в начале 90-х годов прошлого века.

Оспоренными группой народных депутатов Российской Федерации в Конституционный Суд Российской Федерации указами Президента Российской Федерации фактически запрещалась деятельность КПСС и КП РСФСР, а в отношении их имущества вводились ограничительные меры. В ходе рассмотрения дела в Конституционный Суд Российской Федерации поступили ходатайства ряда народных депутатов Российской Федерации, просивших признать КПСС и КП РСФСР неконституционными организациями, а указы Президента Российской Федерации, напротив, — соответствующими Конституции Российской Федерации.

Сращение партийных и государственных финансов, имевшее место в ранее существовавшей политической системе, позволило обоснованно утверждать, что имущество, управлявшееся КПСС, находилось в ее распоряжении без правового основания. Поскольку это имущество принадлежало разным собственникам (государству, самой партии, иным лицам), вопросы о его распределении между ними Конституционный Суд Российской Федерации постановил решать в порядке гражданского или арбитражного судопроизводства.

Говоря о возможности прекращения деятельности партии, Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что в стране в течение длительного времени господствовал режим неограниченной, опирающейся на насилие власти узкой группы коммунистических функционеров, объединенных в политбюро ЦК КПСС во главе с генеральным секретарем ЦК КПСС. Фактически произошло сращивание государственного и партийного аппарата, которое проявлялось на уровне руководящих структур КПСС и КП РСФСР. Принимая это обстоятельство во внимание, Конституционный Суд Российской Федерации посчитал, что соответствующие структуры присвоили государственно-властные полномочия, и признал прекращение их деятельности конституционным. Однако первичные партийные организации, т.е. низовые партийные ячейки, которые состояли из обычных граждан, ждала иная судьба. Поскольку они не могли принимать значительного участия в осуществлении партийно-государственной власти, их запрет был бы неконституционной мерой. Такой сбалансированный подход, продиктованный, в частности, тем, что членами партии являлось большое количество граждан, позволил предотвратить усиление раскола, преследовавшего общество.

Вопрос о конституционности КПСС и КП РСФСР (а фактически — коммунистической идеологии) Конституционный Суд Российской Федерации считал возможным не рассматривать по существу. С формальной точки зрения данное полномочие могло быть осуществлено только в отношении действующих общесоюзных политических организаций. На основании исследованных материалов Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу о том, что КПСС к ноябрю 1991 года перестала отвечать признакам такой организации, а КП РСФСР, будучи составной частью КПСС, никогда не оформлялась в самостоятельную организацию. Такой подход позволил избежать обострения и без того исключительно непростого вопроса о конституционности названных партий.

Председатель Госкомнаца Сергей Шахрай выразил полное удовлетворение решением Конституционного суда по делу КПСС. Он отметил, что назначать восстановительный съезд коммунистической партии России — нонсенс, так как компартия РСФСР как самостоятельная партия фактически не была создана и сейчас возможно только ее создание людьми, исповедующими коммунистические идеалы.
(Эхо Москвы, 12.02.1993)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 февраля 1993 года № 3-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 28 октября 1992 г. № 1308 «О мерах по защите конституционного строя Российской Федерации»

Президент Российской Федерации, полагая, что деятельность общественного объединения представляла угрозу целостности Российской Федерации и независимости соседних суверенных государств, своим указом запретил это объединение.

Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь принципами разделения законодательной, исполнительной и судебной властей и разграничения компетенции между высшими органами государственной власти и управления, признал данный акт Президента неконституционным. В данном Постановлении была сформулирована принципиальная позиция о том, что право граждан на объединение может быть ограничено только решением суда на основании закона, а введение ограничений прав и свобод актом законодательного характера — недопустимо.

Кроме того, Президент Российской Федерации предписывал главам органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации принять строжайшие меры к пресечению деятельности экстремистских элементов, однако каким-либо юридическим содержанием понятие «экстремистские элементы» не наделялось. На практике это могло бы привести к произвольному правоприменению и нарушению прав граждан, что предопределило решение Конституционного Суда Российской Федерации — в этой части Указ Президента был признан неконституционным.

Решение КС РФ о ФНС. Мнение Ильи Константинова, председателя ФНС:
«Я полагаю, что больше у президента не будет охоты запрещать общественные организации по своему усмотрению. И главное, что сегодня, в этой сложной

политической обстановке, решение КС послужит стабилизации, консолидации политических сил и пойдет на пользу всему нашему обществу».

(Эхо Москвы, 12.02.1993)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2004 года № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И.В.Артемова и Д.А.Савина»

Конституцией Российской Федерации гарантируется право создавать на добровольной основе политические партии, при условии что их цели и деятельность не посягают на фундаментальные ценности государства и не приводят к разжиганию розни в обществе. В развитие указанных конституционных положений федеральный законодатель исключил создание политических партий по признакам национальной или религиозной принадлежности. Этот запрет предполагал, что политические партии, объединяющие общество в законной и демократической борьбе за власть, не могут иметь целью выражение интересов какой-либо национальной или религиозной группы. Прежде всего, отражение подобных интересов проявлялось в наименованиях политических партий: в них включались слова, указывающие на то или иное религиозное течение, что в условиях многонациональности народа Российской Федерации могло также восприниматься и как продвижение интересов одной из множества национальностей, проживающих в России.

Конституционный Суд Российской Федерации признал запрет создания политических партий на религиозной или национальной основе не противоречащим Конституции Российской Федерации.

Религиозные объединения, создаваемые в целях совместного исповедания определенной религии, не могут в своей деятельности подменять политические партии в силу конституционного принципа светского государства. Политическая партия, в свою очередь, является интегрирующим общество институтом, находится за пределами конфессиональных различий: членство в политической партии доступно для представителей любой национальности и любого вероисповедания без каких-либо ограничений. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, в многонациональной и многоконфессиональной России указание на принадлежность партии к конкретным конфессиям и отдельным нациям может привести не к необходимой интеграции на основании общности взглядов, а к разъединению и поляризации общества.

При этом использование в наименовании политической партии каких-либо указаний на национальные или религиозные интересы не является достаточным основанием для ее запрета. Хотя наименование и выступает в роли признака, по которому судят об основных политических целях партии, наличие национальной или религиозной направленности определяется исходя из системной связи наименования партии с ее уставом и программой. Поэтому если учредительные документы политической партии не свидетельствуют о создании партии на религиозной или национальной

основе, а ее наименование соответствует действительным целям политической партии, то уполномоченный регистрирующий орган обязан ее зарегистрировать при отсутствии иных законных причин для отказа в регистрации.

Ценности, которые политические партии отстаивают в ходе реализации своей основной цели — борьбы за власть, являются общими, едиными для всего многонационального народа Российской Федерации. Однако на сохранности этих ценностей могло бы негативным образом сказаться внедрение религиозных или национальных интересов в демократический процесс выбора направлений развития общества и государства и достижения гражданского согласия. При таких обстоятельствах взвешенная правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации гарантировала самостоятельное и независимое развитие религиозных и политических объединений.

КС полагает, что такой запрет не нарушает прав граждан на объединение в политические партии. «Представители любой национальности и любого вероисповедания могут без каких-либо ограничений стать членами партии, близкой им по целям и устремлениям, и таким образом реализовать свое право на объединение, в том числе на объединение в политические партии», — говорится в постановлении. Представитель президента в КС Михаил Митюков назвал решение суда взвешенным и мотивированным.

(ИТАР-ТАСС, 15.12.2004)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 года № 14-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 201 Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами граждан Л.Н.Кондратьевой и А.Н.Мумолина»

Предметом рассмотрения в данном деле стали законодательные нормы, которые запрещали государственным гражданским служащим и сотрудникам органов внутренних дел публично оценивать деятельность государственных органов, в которых они замещают должности. За несоблюдение этого запрета к заявителям применялись меры дисциплинарной ответственности, вплоть до увольнения.

Публичное высказывание государственным служащим возражений или порицания деятельности органа государственной власти, так же как и его похвалы и одобрения может негативно сказаться на эффективности властной деятельности, а значит, и на защите прав и свобод граждан. Поэтому регулирование, ограничивающее появление таких суждений, в особенности в средствах массовой информации, как таковое не расходится с гарантированными Конституцией Российской Федерации свободой слова и свободой мнений. Поэтому Конституционный Суд Российской Федерации воздержался от полной дисквалификации оспоренного регулирования и счел возможным дать ему конституционно-правовое истолкование.

Одним из ключевых аргументов в данном деле стало то, что буквальное следование рассматриваемому запрету не всегда способствует надлежащему исполнению функций органом государственной власти и в некоторых случаях может затруднить или сделать

невозможной защите конституционных ценностей. Например, это может произойти в ситуации, когда лояльность государственного служащего, обеспечиваемая ограничением на публичную оценку деятельности органа государственной власти, противодействует борьбе с коррупцией, замкнутостью, неэффективностью государственной службы. Однако административная лояльность не должна приводить к замалчиванию и сокрытию информации, имеющей значение для обеспечения публичного интереса.

Соответственно, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, оспариваемые законоположения не означают запрет всех без исключения публичных высказываний государственных служащих о деятельности органов государственной власти. В каждом деле необходимо учитывать общественную значимость таких высказываний, мотивов, побудивших государственного служащего к публичному выступлению, и других значимых обстоятельств.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации провозгласило, что принцип открытости государственной службы и ее доступность общественному контролю предполагают объективное информирование общества о деятельности государственных служащих. Запрет для государственных служащих на публичные высказывания не должен использоваться для поддержания режима корпоративной солидарности работников государственного аппарата, исключающей доведение до граждан информации, имеющей важное публичное значение. Сбалансированный характер данного решения позволил сохранить важный общественный интерес в получении информации о деятельности государственной власти, а также снабдить государственных служащих дополнительными гарантиями. Было исключено применение необоснованных и произвольных дисциплинарных мер по отношению к государственным служащим только на том основании, что ими были высказаны любые публичные оценки деятельности органов государственной власти.

Конституционный суд принял вчера поистине сомоново постановление. С одной стороны, КС отказался признать не соответствующим Конституции запрет государственным служащим публично обсуждать деятельность органов власти. С другой стороны, судьи решили, что такой запрет не должен быть абсолютным. Дескать, законоположения не могут ограничивать все без исключения публичные оценки. Полномочный представитель правительства в высших судебных инстанциях Михаил Барщевский... уверен, что необходимо соблюдать баланс: «Согласитесь, было бы странно, если бы сотрудник министерства после совещаний и обсуждений, например, выходил на публику и говорил, как плохо работает его ведомство». С другой стороны, эксперт указал на то место постановления, где КС прямо определяет, что при оценке деятельности государственного чиновника нужно учитывать соотношение репутационного вреда, который он нанес, и общественной пользы, которой он достиг. «Представьте: сотрудник полиции говорит, что начальство берет взятки. Он наносит репутационный вред, но предотвращенный им вред более значим».

(Независимая Газета, 01.07.2011)

2. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ СВОБОДЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 1995 года № 3-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н.Ситаловой»

Обратившейся в Конституционный Суд Российской Федерации заявительнице было отказано в праве на вселение в жилое помещение в связи с нарушением правил о прописке, предусмотренных Жилищным кодексом РСФСР. Долгое время проживая не по адресу прописки, заявительница не получила согласия уполномоченного органа на прописку в той квартире, где она жила в действительности.

Действовавший на момент рассмотрения дела Жилищный кодекс не конкретизировал, в каком порядке должно производиться вселение в жилое помещение, что приводило к отличающемуся регулированию в разных субъектах Российской Федерации. Это приводило к произвольному определению круга лиц, имеющих право на жилище, и тем самым не только нарушало жилищные права, но и вступало в противоречие с конституционным принципом, согласно которому ограничение прав и свобод возможно только федеральным законом.

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что норма указанного Кодекса, на основании которой правоприменительными органами право на жилище по-прежнему связывается с институтом прописки (замененным на регистрацию), не соответствует Конституции Российской Федерации. Более того, наличие или отсутствие регистрации по месту жительства, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, в принципе не могут являться условием реализации прав и свобод. Данное Постановление Конституционного Суда Российской Федерации стало важным правовым аргументом для граждан, отстаивающих свое право на жилище, тесно взаимосвязанное со свободой передвижения и правом выбора места жительства. Правоприменительные органы отныне не вправе обосновывать отказ во вселении в жилое помещение отсутствием прописки.

Главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ доктор юридических наук Светлана Пяткина считает, что данное решение Конституционного Суда должны знать все граждане буквально до запятой. Ибо они получают в руки надежное средство в борьбе за свои права. Отныне, считает ученый, суды не имеют законного права при вынесении решений по жилищным спорам ссылаться на институт прописки.

(Известия, 27.04.1995)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 апреля 1996 года № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской

области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы»

Конституционный Суд Российской Федерации рассматривал вопрос о конституционности правового регулирования, принятого рядом субъектов Российской Федерации, которым устанавливался разрешительный режим регистрации граждан по месту жительства. В соответствии с названными нормами регистрация на территории конкретного субъекта Российской Федерации была возможна в пределах определенной квоты и осуществлялась только по решению уполномоченного органа. Кроме того, в законодательстве субъектов Российской Федерации содержались нормы, которые предполагали, что для получения права зарегистрироваться на соответствующей территории гражданину необходимо было уплатить значительный денежный сбор.

Фактически приведенные требования возрождали признанный неконституционным разрешительный институт прописки, который был заменен федеральным законодателем на уведомительный институт регистрации по месту жительства. Однако субъекты Российской Федерации в своем законодательстве парализовали действие этого правового режима.

Исходя из того, что ограничения прав и свобод, в том числе свободы передвижения, допустимы только на уровне федерального закона, Конституционный Суд Российской Федерации признал неконституционными установление квот на право проживания в определенной местности и взимание платежей, обуславливающих возможность проживания на территории субъекта. Тем самым вновь был подтвержден уведомительный характер регистрации по месту проживания.

Важно, что эти ограничения не действовали исключительно на территории субъектов Российской Федерации, которые, вопреки нормам федерального законодательства, пытались затруднить действие института регистрации. На самом деле подобные преграды затрагивали всех граждан Российской Федерации. Учитывая их явно несоразмерный, необоснованный характер, Конституционный Суд Российской Федерации исключил существование связанных с отмененным институтом прописки ограничений целого спектра прав и свобод — права на жилище, свободы выбора места проживания, свободы передвижения и многих других. Рассматриваемое Постановление стало сигналом для других субъектов Российской Федерации о необходимости отмены неконституционного регулирования.

Вчера Конституционный суд России сделал очередную попытку положить конец существующему в ряде субъектов РФ унижительному порядку регистрации граждан по месту постоянного жительства, который предполагает уплату умопомрачительного по размеру специального сбора. Поскольку такой порядок подменял уведомительный характер регистрации разрешительным и был неразрывно связан с нарушениями прав человека действиями должностных лиц и властных структур, КС признал неконституционными все правовые акты, на основании которых граждан заставляли платить за регистрацию в своих собственных квартирах, а в случае отказа от оплаты сбора лишали целого ряда прав и свобод, гарантированных действующей Конституцией РФ.

(Независимая газета, 05.04.1996)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2008 года № 7-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 1 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» в связи с жалобами ряда граждан»

Заявителям по данному делу правоприменительными органами было отказано в регистрации по месту жительства, поскольку местом, где они намеревались зарегистрироваться, были их дачные дома, расположенные на садовых земельных участках. Причем при разрешении вопроса о регистрации в таком доме не учитывалось даже то, что он был единственным местом проживания гражданина. Подобные отказы приводили к невозможности получения медицинской помощи по месту жительства, пользования предоставленными льготами.

Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание на то, что регулирование по вопросу регистрации гражданина по месту жительства в доме на садовом участке является несогласованным. Так, предусмотренное целевое назначение садового земельного участка заключалось в его использовании для отдыха, т.е. не для постоянного проживания. В то же время закон допускал использование расположенных на садовых земельных участках строений в качестве жилых. Такая противоречивость законодательных норм приводила к произвольному правоприменению, что однозначно свидетельствовало об их конституционной дефектности.

Право на регистрацию по месту жительства не обусловлено ни определенным имущественным правом на конкретное жилое строение, ни определенным целевым назначением земельного участка, на котором оно возведено, подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации. Регулирование, которое препятствовало постановке на регистрационный учет в пригодном для постоянного проживания жилом строении, расположенном на садовом земельном участке, таким образом, было признано противоречащим Конституции Российской Федерации. Многие граждане получили возможность законно зарегистрироваться по месту жительства, что было особенно важно для лиц, не имеющих иного жилья, кроме дачного дома.

Вчера Конституционный суд РФ вынес решение, благодаря которому появился шанс перестать быть «бомжами» у тех, чье единственное жилье — дом на садовом участке.

(Комсомольская правда, 15.04.2008)

3. КОНСТИТУЦИОННЫЕ СТАНДАРТЫ ПОРЯДКА ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 мая 2012 года № 12-П «По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 3 части 4 статьи 5 и пункта 5 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина С.А.Каткова»

Организатор публичного мероприятия был привлечен к административной ответственности за то, что в проведенном шествии приняло участие больше лиц, чем было заявлено в уведомлении о публичном мероприятии. Однако оспоренное регулирование определяло, что одного формального превышения численности участников публичного мероприятия достаточно для привлечения к административной ответственности его организатора. При этом судами не учитывалось то, насколько значительным было превышение, а также не выяснялась степень вины организатора публичного мероприятия в разрастании численности его участников.

Конституция Российской Федерации гарантирует право собираться мирно и без оружия. Однако это право требует надлежащей законодательной регламентации, которая с учетом потенциальной конфликтности особенно массовых публичных мероприятий гарантирует баланс частных и публичных интересов. Этот баланс позволяет достичь процедура предварительного согласования публичного мероприятия, которая направлена на обеспечение надлежащего общественного порядка и безопасности. В частности, указание в уведомлении о проведении публичного мероприятия предполагаемой численности его участников позволяет органам публичной власти принять адекватные меры по предупреждению нарушений общественного порядка и обеспечению защиты участников публичных мероприятий и иных лиц, в них не участвующих.

Рассмотрев данное дело, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу о том, что привлечение организатора публичного мероприятия за превышение заявленной численности его участников возможно только при условии, что к этому привели именно деяния организатора публичного мероприятия. Он должен либо намеренно содействовать превышению заявленной численности участников публичного мероприятия, либо не принимать меры, направленные на ее соблюдение. Только тогда он может быть привлечен к административной ответственности. Такая позиция Конституционного Суда Российской Федерации позволила предотвратить необоснованное привлечение организатора публичного мероприятия к ответственности за то, что ему нередко неподконтрольно.

Зампред профильного комитета Госдумы Вадим Соловьев /КПРФ/ назвал справедливым решение КС. «Я считаю это решение абсолютно правильным, учитывающим специфику проведения таких мероприятий, — заявил он сегодня ИТАР-ТАСС. — Это была абсолютно надуманная статья /в законе о митингах, предусматривающая ответственность за формальное несоответствие заявленного и реального числа участников митинга/, и ее, безусловно, нужно было отменить, потому что она

противоречит Конституции». По словам Соловьева, сегодня организаторам акции становится все труднее прогнозировать количество участников мероприятия. Это, в свою очередь, связано с активным использованием Интернет-технологий при организации массовых мероприятий. «Это /превышение количества участников/ объективный момент, связанный с проведением акции. Тем более, что количество участников, как правило, никогда не влияет на характер проведения мероприятия», — добавил депутат.

(ИТАР-ТАСС, 18.05.2012)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 года № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В.Савенко»

Одним из рассмотренных Конституционным Судом Российской Федерации в данном деле вопросов была конституционность размеров штрафов за такое несоблюдение порядка организации и проведения публичных мероприятий, которое повлекло нарушение общественного порядка.

Само по себе установление значительных штрафов за такого рода административные правонарушения, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, не лишено конституционного обоснования. Подобное регулирование направлено на предотвращение совершения таких деяний, которые по общественной опасности приближаются к уголовно наказуемым деяниям и свидетельствуют об утрате публичным или иным массовым мероприятием мирного характера. Поэтому при таких обстоятельствах даже значительные размеры штрафов — с учетом возможности суда учесть обстоятельства дела и не назначать в каждом конкретном случае самый большой штраф — не рассматриваются Конституционным Судом Российской Федерации как чрезмерные.

Иной подход Конституционный Суд Российской Федерации избрал при оценке минимальных размеров штрафов за указанные административные правонарушения: они равнялись или значительно превышали размер назначаемого гражданам по общему правилу штрафа. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, установление такого нижнего предела административной санкции не позволяет в должной степени индивидуализировать наказание, поскольку у суда отсутствует возможность назначить штраф ниже низшего предела. При таких обстоятельствах не исключается превращение административного штрафа из меры воздействия, направленной на предупреждение правонарушений, в инструмент чрезмерного ограничения права собственности граждан, несовместимого с требованиями справедливости при назначении административного наказания.

Тем самым Конституционный Суд Российской Федерации предписал правоприменительным органам придерживаться более гибкого подхода при назначении штрафов и стремиться к учету всех обстоятельств дела, в том числе позволяющих снизить размер штрафа ниже низшего предела.

Отдельно Конституционный Суд Российской Федерации затронул вопрос о специально отведенных местах для проведения публичных мероприятий. Определение в субъектах Российской Федерации таких мест направлено на создание дополнительных условий реализации свободы мирных собраний и позволяет практически беспрепятственно реализовать названную свободу, в частности, за счет возможности проводить публичные мероприятия в указанных местах без предварительного направления в органы публичной власти соответствующего уведомления. Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что при определении специально отведенных для проведения публичных мероприятий мест следует исходить из необходимости наличия таких мест как минимум в каждом городском округе и муниципальном районе, поскольку иное с учетом значительного размера территории субъекта Российской Федерации означало бы неравенство юридических условий реализации гражданами права на свободу мирных собраний.

В нынешних условиях такое решение можно считать революционным, говорит один из заявителей — депутат от КПРФ Вадим Соловьев <...> Представитель Госдумы в Конституционном суде Дмитрий Вяткин удовлетворен тем, что суд подтвердил конституционность закона о митингах в целом, а также установил четкие жесткие рамки, в которых должен применяться данный закон. Поправки будут подготовлены в ближайшее время и в соответствии с рекомендациями и указаниями Конституционного суда. Адвокат Сергей Голубок <...> уверен, что вчерашнее решение Конституционного суда принималось без оглядки на Страсбург: свою линию Конституционный суд проводит последовательно. В мае 2012 г., например, он разъяснил, что организаторы митинга не могут нести ответственность за превышение заявленной численности его участников, а в начале нынешнего года защитил компании от слишком высоких антимонопольных штрафов, напоминает Голубок. (Ведомости, 15.02.2013)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 мая 2014 года № 14-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина А.Н.Якимова»

Согласно закону уведомление о публичном мероприятии подается в уполномоченный орган не ранее 15 и не позднее 10 дней до дня проведения публичного мероприятия. Заявителем такое уведомление было подано за 9 дней до публичного мероприятия, запланированного на 19 января, на основании чего ему было отказано в согласовании акции. Однако предусмотренный законом срок подачи уведомления полностью приходился на праздничные дни, вследствие чего гражданин в принципе не имел возможности соблюсти срок уведомления.

Государство обладает правом регулировать порядок проведения публичных мероприятий, обеспечивая реализацию гражданами соответствующего конституционного права таким образом, чтобы оно находилось в балансе с интересами других лиц и не вступало с ними в противоречие. Сроки подачи уведомления о публичном мероприятии

в определенной мере ограничивают свободу усмотрения его организаторов, однако позволяют органам публичной власти предпринять необходимые меры по обеспечению общественного порядка в ходе манифестации. Вместе с тем для конкретного публичного мероприятия дата его проведения может иметь особое значение, например, если оно неразрывно связано с определенной годовщиной.

При таких обстоятельствах запрет проведения публичного мероприятия в избранный его организатором день, если он обосновывается исключительно несоблюдением сроков подачи уведомления, не согласуется с гарантированным Конституцией Российской Федерации правом на свободу мирных собраний. На этом основании Конституционный Суд Российской Федерации признал не соответствующими Конституции Российской Федерации оспоренные законоположения, которые не позволяли своевременно подать уведомление о проведении публичного мероприятия в случае полного совпадения соответствующего срока с нерабочими праздничными днями.

Такая позиция, кажущаяся на первый взгляд решением очень конкретного, единичного вопроса, который к тому же не так часто может возникнуть на практике, на самом деле имеет большое ориентирующее значение. Правоприменительные органы не вправе подходить к законодательному регулированию порядка организации и проведения публичных мероприятий сугубо формально и пытаться выдвинуть любые возражения против проведения мирных акций.

Проблема, разрешенная судом, носит скорее частный характер, отмечает адвокат Дмитрий Аграновский. Но сам по себе факт неоднократной правки закона о митингах уже говорит о качестве работы законодателя — это откровенный брак в их работе. Теперь его приходится исправлять через Конституционный суд — а это очень непростой путь, подчеркивает юрист. Он уверен, что будут и другие жалобы на закон о митингах.

(Ведомости, 15.05.2014)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 марта 2017 года № 8-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 13 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» в связи с жалобой гражданина В.И.Сергиенко»; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 мая 2021 года № 19-П «По делу о проверке конституционности части 11 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки И.А.Никифоровой»

В фокусе внимания Конституционного Суда Российской Федерации неоднократно оказывались вопросы проведения публичных мероприятий в форме пикетирования, проводимого одним участником (так называемые «одиночные пикеты»).

Так, в одном из дел (Постановление от 17 марта 2017 года № 8-П) гражданин, проводивший одиночный пикет, был доставлен в отделение полиции, после чего был отпущен без составления протокола об административном правонарушении и без предъявления каких-либо обвинений. Доставка правоприменительные органы мотивировали

необходимостью защиты прав пикетчика. Заявитель же полагал, что этим необоснованно ограничиваются его права, поскольку сотрудники полиции фактически ограничивают его свободу, вместо того чтобы защищать участника пикета на месте.

Конституционное содержание права на мирные манифестации предполагает, что такая форма публичного мероприятия, как одиночное пикетирование, может использоваться гражданами практически без ограничений. При этом не исключаются определенные законодательные меры, направленные на обеспечение безопасности и участника пикета, и других граждан и предусматривающие вмешательство органов полиции, если безопасность указанных лиц под угрозой. Это полномочие в особенности важно с учетом того, что пикет в некоторых случаях может вызывать негативную реакцию иных лиц. В частности, такого рода конфликтная обстановка может обосновывать доставление гражданина в отделение полиции для его же собственной защиты, если он не способен позаботиться о себе либо если опасности невозможно избежать иным способом. Принципиально важен тот аспект, что такая деятельность полиции направлена на защиту организаторов и участников мирных публичных мероприятий от возможных неправомерных действий любых лиц, пытающихся нарушить мирный характер публичной акции.

Исходя из этого, Конституционный Суд Российской Федерации счел необходимым сохранить предусмотренную оспоренными нормами возможность доставления участника одиночного пикета. Однако в деятельность правоприменителя были внесены конституционные ориентиры: сотруднику полиции должно быть очевидно, что угрозы участнику одиночного пикета невозможно избежать иным способом, кроме как посредством доставления гражданина в соответствующее служебное помещение, что подлежит отражению в протоколе доставления. Тем самым Конституционный Суд Российской Федерации указал на недопустимость произвольного применения к участнику мирной акции принудительных мер и лишения его возможности реализовать свое право на проведение публичного мероприятия.

Конституционный суд гарантировал право россиян на свободу собраний и одиночные пикеты. Одновременно суд обязал полицейских предпринимать «разумные меры» для «предотвращения нарушений общественного порядка и безопасности, а также защиты» одиночных пикетчиков. Если же полицейские прекратили одиночный пикет без оснований, суд может счесть это нарушением прав пикетчика.

(Snob.ru, 21.03.2017)

Заложенные в Постановлении от 17 марта 2017 года № 8-П правовые позиции стали неотъемлемой частью конституционно-правовой характеристики одиночных пикетов как формы публичного мероприятия, которая может использоваться гражданами практически без ограничений. Этот подход стал важным элементом аргументации в делах, где затрагивалась проблематика организации и проведения одиночных пикетирований.

В Постановлении от 17 мая 2021 года № 19-П рассматривалась следующая проблема. Заявительница организовала серию одиночных пикетов, объединенных общей тематикой и проведенных в одном и том же месте, причем в один день проводился

только один одиночный пикет, который длился не более часа. Однако ее привлекли к административной ответственности за организацию несогласованного публичного мероприятия, поскольку, по мнению правоприменительных органов, проведенные одиночные пикеты территориально тяготели друг к другу и были объединены тематически и организационно, а значит, заявительница организовала коллективное пикетирование, требовавшее предварительного направления уведомления.

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что право на проведение публичных мероприятий не исключает их протестного характера. Несмотря на это реагирование со стороны публичной власти на организацию и проведение публичных мероприятий должно быть нейтральным и нацеленным на обеспечение возможности реализации соответствующего права в том числе путем выработки четких правил проведения таких акций.

Одиночный пикет, не предполагая массового скопления людей в одном месте, по общему правилу, не требует заблаговременного принятия уполномоченными органами специальных мер по обеспечению общественного порядка и безопасности в месте проведения такого публичного мероприятия. В то же время несколько пикетов, формально подпадающих под признаки одиночного, на самом деле могут представлять собой скрытую форму публичного мероприятия, требующего предварительного уведомления, однако признание таких пикетов единым публичным мероприятием может осуществляться только судом. При этом признание совокупности одиночных пикетов, объединенных единым замыслом и общей организацией, единым публичным мероприятием возможно исключительно при условии их одновременного проведения в одном месте. Этот признак очевидно отсутствовал в деле заявительницы, что и привело к неправомерному, расходящемуся с конституционным содержанием права на публичные мероприятия, привлечению ее к административной ответственности.

Оценивая законодательное регулирование одиночных пикетов, Конституционный Суд Российской Федерации неизменно исходит из того, что оно не предполагает предварительного уведомления уполномоченного органа власти и позволяет без какого-либо вмешательства государства проводить их в любых местах и в любое время, если иное прямо не установлено законом. Однако нормативные положения, примененные в деле заявительницы, несоразмерно ограничивали право на проведение одиночных пикетирований, что стало основанием для признания оспоренного регулирования не соответствующим Конституции Российской Федерации.

Единство замысла и общая организация одиночных пикетов не могут говорить о том, что они являются скрытой формой проведения единого публичного мероприятия. КС призывает суды учитывать другие обстоятельства: количество одиночных пикетов, территориальные границы, временные интервалы, а также наступившие последствия. Правила проведения коллективных акций могут применяться для одиночного пикетирования, только «когда совокупность одиночных пикетов выражается вовне в одновременном и, как правило, непрерывном участии в ней группы лиц, объективно требующем принятия необходимых обеспечительных мер».

(Коммерсант, 20.05.2021)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2019 года № 33-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 6 статьи 5 Закона Республики Коми «О некоторых вопросах проведения публичных мероприятий в Республике Коми» в связи с жалобами граждан М.С.Седовой и В.П.Терешонковой»

Заявительницы по данному делу подали уведомление о проведении публичных мероприятий у здания администрации муниципального образования и на центральной площади города. В согласовании одного из мероприятий было отказано со ссылкой на установленный в субъекте Российской Федерации абсолютный запрет проведения публичных акций на избранной организатором площади. Проведение мероприятия у муниципального органа было запрещено на основании общего запрета таких мероприятий вблизи органов государственной власти и местного самоуправления, также установленного законодательством субъекта Российской Федерации. Такой подход исключал значительное количество мест, где допускалось проведение мирных акций. Причем подобное регулирование было предусмотрено во многих субъектах Российской Федерации.

Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации были признаны неконституционными оспоренные положения законодательства субъекта Российской Федерации, поскольку они вводили абсолютные и определенные абстрактным образом запреты на проведение публичных мероприятий в определенных местах.

Практически любое публичное мероприятие затрагивает привычный уклад жизни в населенном пункте, это неотъемлемый элемент в особенности массовых, масштабных мероприятий. Поэтому такого рода издержки свободы мирных собраний сами по себе не могут служить веской причиной для отказа в проведении публичных мероприятий, и задача органов публичной власти — стремиться к минимизации неудобств, вызываемых мирной акцией.

Введение абсолютного и непреодолимого запрета проведения публичных мероприятий в конкретном месте создавало бы необоснованные препятствия в реализации соответствующего права. В особенности дефектность этого подхода проявляется в случае запрета проводить публичные мероприятия на центральных площадках населенных пунктов. Правоприменительным органам надлежит учитывать специфику конкретного публичного мероприятия, время и дату его проведения, связь с конкретным местом, с тем чтобы не допускать произвольных и абсолютных отказов в проведении мирных акций.

Сформулированный законодателем субъекта Российской Федерации абстрактный запрет проведения манифестаций вблизи государственных и муниципальных органов выходил за пределы нормотворческих полномочий субъектов Российской Федерации, которые не вправе регулировать и тем более ограничивать права и свободы. Только на федеральном уровне мог быть предусмотрен подобный запрет, однако федеральный закон не содержал такого рода ограничений. Поэтому и субъект Российской Федерации не вправе подменять федерального законодателя и абстрактным образом формулировать круг мест, где проведение публичных акций запрещается.

Юрист <...> Эрнест Мезак, представлявший обеих заявительниц, называет это решение большой победой. Аналогичный запрет есть во многих регионах, и чиновники часто используют его, чтобы обосновать запрет на митинги.

(Ведомости, 07.11.2019)

4. ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 апреля 1998 года № 12-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 92 Конституции Республики Башкортостан, части первой статьи 3 Закона Республики Башкортостан «О Президенте Республики Башкортостан» (в редакции от 28 августа 1997 года) и статей 1 и 7 Закона Республики Башкортостан «О выборах Президента Республики Башкортостан»

В запросе Государственной Думы оспаривалась конституционность установленных законодательством субъекта цензов на выборах главы субъекта (требования к минимальному и максимальному возрасту кандидата, сроку его проживания на территории субъекта и владению национальным языком этого субъекта).

Подобные ограничения могли привести к тому, что в законодательстве субъекта устанавливались бы — в нарушение статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, допускающей ограничения прав и свобод только федеральным законом, — дополнительные условия приобретения гражданином пассивного избирательного права. Более того, введение таких требований на уровне субъекта Российской Федерации посягало бы на фундаментальный конституционный принцип равенства. С учетом этого Конституционный Суд Российской Федерации признал соответствующие законоположения не соответствующими Конституции Российской Федерации, а также предписал иным субъектам Российской Федерации отменить аналогичное регулирование. Это позволило предотвратить недопустимые отличия в условиях реализации пассивного избирательного права гражданами России.

Что касается условия о владении государственным языком республики, то, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, в отсутствие необходимых правовых предписаний, позволяющих определить статус государственного языка (языков) и связанные с ним правовые последствия, невозможно установить конституционность данного требования. При этом Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что в ходе избирательного процесса государственными органами должна обеспечиваться реализация избирательных прав граждан вне зависимости от требований к знанию языка.

Конституционный суд не разрешил башкирским властям требовать от кандидата в президенты Башкирии знания башкирского языка. Вердикт суда касается и всех остальных республик, присвоивших право отсеивать претендентов на президентское кресло по языковому признаку. Знание двух языков (русского и языка титульной нации республики) требуется по конституциям Бурятии, Ингушетии, Якутии, Северной Осетии, Татарии, Тувы и Адыгеи <...> Суд предложил регионам самостоятельно урегулировать проблему.

(Коммерсант-Daily, 28.04.1998)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 1998 года № 26-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений

Федерального закона от 21 июня 1995 года «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»

В данном деле Конституционный Суд Российской Федерации разрешил несколько ключевых вопросов, касающихся конституционного статуса одной из палат российского парламента — Государственной Думы.

Во-первых, была признана не нарушающей Конституцию Российской Федерации смешанная избирательная система. Данная модель предполагает, что половина депутатов Государственной Думы избирается по одномандатным округам, т.е. избиратели голосовали за конкретных кандидатов. Другая же половина депутатов попадала в Государственную Думу в составе списка кандидатов, которые выдвигались политическими партиями. Такая система, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, позволяет в условиях свободных выборов отобразить разделяемые гражданами убеждения и выразить их волю о составе парламента. При этом Конституционный Суд Российской Федерации исходил из того, что Основной закон не предусматривает конкретной избирательной системы для выборов депутатов Государственной Думы, а значит, при разрешении этого вопроса законодатель обладал определенной свободой усмотрения. Тем самым вывод о конституционности смешанной избирательной системы не предполагает, что лишь такой способ выбора депутатов Государственной Думы согласуется с Конституцией Российской Федерации.

Во-вторых, Конституционный Суд Российской Федерации оценил конституционность допустимого отклонения от единой нормы представительства при образовании избирательных округов. По общему правилу на территориях каждого одномандатного округа, от которого избираются депутаты, устанавливается одинаковая единая норма представительства, т.е. приблизительно равное количество избирателей. В то же время законом предусматривалось, что на труднодоступных территориях с низкой плотностью населения возможно отступить от законодательно установленной численности избирателей, образующих избирательный округ. Такие отклонения, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, не нарушают принцип равенства, а наоборот, призваны гарантировать представительство субъектов Федерации с малочисленным населением. Этим обеспечивается надлежащий представительный характер и легитимность федерального парламента. Проведение же выборов по одномандатным округам, образованным на основании строгого соблюдения единой нормы представительства, приводило бы к тому, что субъекты Российской Федерации с малочисленным населением не были бы представлены в Государственной Думе.

В-третьих, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что пятипроцентный заградительный пункт, т.е. процент от общего числа голосов, который должен набрать список кандидатов, чтобы быть представленным в Государственной Думе, может рассматриваться и как конституционно допустимый, и как чрезмерный. При этом пятипроцентный барьер будет несоразмерно ограничивать избирательные права, если избирательные объединения, преодолевшие его, все вместе не получают хотя бы абсолютного большинства голосов избирателей, принявших участие в голосовании.

Установление конкретного избирательного барьера однозначно находится в сфере дискреции законодателя. Позиция же Конституционного Суда Российской Федерации не позволяет вводить такое регулирование, которое привело бы

к установлению монопартийности в Государственной Думе. Однако и слишком низкий заградительный пункт может иметь негативные последствия — чрезмерное дробление парламентских фракций, что не может не отразиться на эффективности деятельности представительного органа.

Как заявил нам председатель ЦИК Александр Иванченко, «...Конституционный суд поставил преграду на пути возможной монополии Думы одной партией... Депутаты обязаны прописать это в законе». Судя по всему, решение КС позволило Иванченко вздохнуть спокойно: «Теперь нам не придется резко перекраивать все 225 округов, а мы к этому уже мысленно готовились», — признался глава ЦИК. Вчерашним решением КС остались довольны и в Думе. Лидеры трех думских фракций — КПРФ, НДР и «Яблоко» — в унисон друг другу заявили о своем одобрении решения КС. Так, заместитель Григория Явлинского Сергей Иваненко признался, что иного решения от КС «Яблоко» и не ожидало. По прогнозам второго человека в КПРФ Валентина Купцова, в Госдуме следующего созыва будет представлено больше партий, чем сейчас, причем в их число войдут фракции Александра Лебедя, Юрия Лужкова и Аграрной партии. Один из лидеров НДР Владимир Рыжков заметил, что пятипроцентный барьер для партий — дело полезное: «Если бы не было этого барьера, то в Госдуме было бы не семь, а 70 фракций по три человека в каждой», — сказал Рыжков.

(Новые Известия, 18.11.1998)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2002 года № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М.Траспова»

Заявителю по данному делу решениями избирательной комиссии было отказано в регистрации в качестве кандидата на выборах депутатов Государственной Думы по одномандатному округу. Рассматривая жалобу на решения избирательной комиссии, суд признал отказ в регистрации незаконным и предписал зарегистрировать заявителя в качестве кандидата. Поскольку к моменту признания решения избирательной комиссии незаконным выборы в Государственную Думу уже прошли, заявитель попытался через суд признать выборы по его избирательному округу недействительными, в чем ему было отказано. Как полагали суды, неправомерный отказ в регистрации заявителя кандидатом в депутаты не повлиял на достоверность определения результатов волеизъявления избирателей, что является условием для признания выборов недействительными.

По существу, правоприменители в деле заявителя исходили из такой трактовки законодательных норм, которая при условии состоявшихся выборов позволяет игнорировать грубейшие нарушения прав кандидатов, допущенные в ходе избирательного

процесса. Более того, в таких условиях под сомнение ставилась и эффективность судебной защиты, поскольку обращение гражданина в суд не привело к устранению нарушения его прав.

Конституционный Суд Российской Федерации признал, что незаконное лишение гражданина возможности участвовать в выборах в качестве кандидата приводит к искажению характера выборов как свободных не только для кандидатов, но и для избирателей. При таких условиях отмена итогов голосования, результатов выборов не могут исключаться. Более того, такие меры не означают отказа от использования компенсаторных механизмов, предполагающих признание и возмещение государством причиненного вреда.

В рассматриваемом Постановлении было также указано на то, что суды, рассматривающие вопрос о возможности отмены результатов выборов, не вправе ограничиваться одной только формальной проверкой подлинности бюллетеней, правильности голосования и его количественных итогов. При разрешении таких дел суды обязаны исследовать влияние обнаруженных существенных нарушений в ходе выборов на адекватное отражение действительной воли избирателей в итогах голосования (в частности, отказ в регистрации конкретного кандидата). Тем самым была прекращена практика признания выборов законными, притом что один из кандидатов из-за признанного судом незаконным решения избирательной комиссии не смог принять участия в выборах.

Вчера Конституционный суд принял сенсационное решение: отныне незаконный отказ в регистрации кандидатов может являться основанием для отмены результатов выборов. КС неожиданно для многих полностью встал на сторону заявителя, признав нормы законов «О гарантиях...» и «О выборах депутатов Госдумы» неконституционными <...> Судьи отметили, что организаторы выборов должны еще до дня голосования своевременно восстанавливать нарушенные избирательные права граждан, чтобы не доводить дело до отмены результатов волеизъявления. КС также указал на необходимость дополнительных законодательных мер, которые бы препятствовали необоснованному отказу в регистрации кандидатов <...> Иными словами, отныне избиркомам станет сложнее лишать кандидатов регистрации, а суды получат возможность отменять результаты проведенных с нарушениями закона избирательных кампаний.

(Коммерсант, 16.01.2002)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 года № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А.Бунтмана, К.А.Катаняна и К.С.Рожкова»

Заявители утверждали, что действовавшее законодательное определение понятия предвыборной агитации, а также открытый перечень деятельности, относившейся к предвыборной агитации, не позволяли отграничить ее от информирования избирателей. На практике это приводило к тому, что сотрудников средств массовой

информации привлекали к ответственности за нарушения избирательного законодательства в части распространения агитационных материалов в отсутствие четкого законодательного регулирования. Это ставило под сомнение эффективность деятельности средств массовой информации, являющихся важной частью гражданского общества и правового государства.

В ходе избирательного процесса свое выражение находят не только права, непосредственно связанные с выборами (активное и пассивное избирательное право), но и свобода слова, свобода мнений и другие. Чрезвычайно важное значение имеет и свобода деятельности средств массовой информации, которые, выполняя социальную функцию по информационному обеспечению выборов и референдумов, гарантируют их свободную и демократическую природу. Вместе с тем закон отводит средствам массовой информации сферу информирования о выборах, а не агитации, с тем чтобы гарантировать свободное волеизъявление граждан и гласность выборов. Однако, вводя такие меры, законодатель не обеспечил надлежащего, т.е. точного, ясного и недвусмысленного, разграничения информирования и агитации, что приводило к произвольному правоприменению.

Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что критерием, позволяющим различить предвыборную агитацию и информирование, может служить лишь наличие в агитационной деятельности специальной цели — склонить избирателей в определенную сторону, обеспечить поддержку или, напротив, противодействие конкретному кандидату, избирательному объединению. В противном случае граница между информированием и предвыборной агитацией стирается и любые действия по информированию избирателей можно было бы подвести под понятие агитации. Следовательно, само по себе выраженное в средствах массовой информации позитивное или негативное мнение о ком-либо из кандидатов не является предвыборной агитацией. Оно не может служить основанием для привлечения к административной или дисциплинарной ответственности представителя организации, осуществляющей выпуск средств массовой информации, если только не будет доказана специальная цель — поддержка или противодействие конкретному кандидату, избирательному объединению, избирательному блоку. Благодаря данному Постановлению правоприменительные органы получили инструмент, позволяющий разграничить агитацию и информирование на выборах.

Владимир Путин: Прежде всего мне бы хотелось отметить последнее решение Конституционного суда. Много было споров по этому поводу. Я думаю, что все-таки оно является оптимальным, позволит и партиям себя проявить, депутатам себя проявить и гражданам узнать объективную информацию от средств массовой информации, которые не будут искусственно ограничены в своей деятельности.

(Первый канал, 04.11.2003)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 марта 2008 года № 4-П «По делу о проверке конституционности подпункта «л» пункта 25 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и пункта 10 части 9 статьи 41 Закона Вологодской области «О выборах депутатов Законодательного

Собрания Вологодской области» в связи с жалобой общественного объединения «Политическая партия «Союз правых сил»

Гарантированное Конституцией Российской Федерации право избирать и быть избранными (статья 32) хотя и является по своей природе индивидуальным, при этом не исключает того, что существенную роль в его реализации играют политические партии. Реализуя свою публичную функцию коллективных участников избирательного процесса, политические партии, в частности, осуществляют выдвижение кандидатов на выборах. В рассматриваемом деле законодателем были предусмотрены требования к формированию списка кандидатов на выборах депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Эти требования заключались в необходимости разделения списка на определенное количество региональных групп, соотносящихся с той или иной территорией данного субъекта Российской Федерации, причем конкретное количество таких региональных групп, как и численность входящих в каждую из них кандидатов, определяется законом субъекта Российской Федерации.

В то же время федеральным законом предусматривалась возможность отказа в регистрации списка кандидатов, если в результате выбытия кандидатов из списка число региональных групп кандидатов в списке кандидатов оказалось меньше установленного законом. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, данное законоположение допускает отказ в регистрации списка кандидатов, только если из него выбыло так много кандидатов, что это свидетельствует о фактической утрате главной функции партии — выражения политической воли народа.

Однако, если указанное требование автоматически и без учета приведенной правовой позиции применяется на выборах в тех субъектах Российской Федерации, где список кандидатов делится на большое количество региональных групп, состоящих из малого количества кандидатов, это может приводить к необоснованным ограничениям избирательного права. Так происходит, например, если из списка кандидатов, выдвинутого политической партией-заявителем по данному делу, выбыли все кандидаты из одной региональной группы, в результате чего количество региональных групп стало меньше требуемого законом субъекта Российской Федерации количества таких групп. С формальной точки зрения — это основание для отказа в регистрации такого списка кандидатов.

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что такой отказ, который к тому же обусловлен не зависящими от избирательного объединения причинами, расходится с конституционными принципами свободных выборов и нарушает право граждан избирать и быть избранными. Этот конституционный дефект усугубляется еще и тем, что нормы законодательства субъекта Российской Федерации не допускали разумного уменьшения количества региональных групп в случае выбытия кандидатов из списка. В результате политические партии получили необходимые гарантии права выдвижения списка кандидатов в ситуации, когда выбытие из него небольшого, незначительного числа кандидатов ранее приводило к невозможности участия в выборах.

Вчера «Союз правых сил» успешно оспорил в Конституционном суде РФ отказ в регистрации своего списка на прошлогодних выборах в Вологодский областной парламент. Закон, на основании которого местные власти вынесли данное

решение, суд признал противоречащим Конституции. Теперь все регионы, где действуют подобные нормы, обязаны привести в порядок свое законодательство. В руководстве СПС судебным решением остались довольны и не исключили, что пойдут дальше и опротестуют результаты региональных выборов, в которых им так и не удалось поучаствовать. «Эта норма была обоснованно и недвусмысленно признана неконституционной», — подчеркнул адвокат СПС Вадим Прохоров.

(Новые Известия, 12.03.2008)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 ноября 2009 года № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 32 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», подпункта «к» пункта 2 статьи 21 Федерального закона «О политических партиях», части 3 статьи 30 Закона Краснодарского края «О выборах депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края» и части первой статьи 259 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.З.Измайлова»

Гражданин, являющийся заявителем по данному делу, входил в список кандидатов, выдвинутый на выборах депутатов законодательного органа субъекта Российской Федерации. По решению партийного органа он был исключен из этого списка, что впоследствии было отражено в решении избирательной комиссии. В результате гражданин утратил возможность быть избранным депутатом законодательного органа субъекта Российской Федерации.

Пассивное избирательное право, хотя и является индивидуальным по своей природе, нередко опосредуется в деятельности политических партий, которые являются основными коллективными участниками избирательного процесса. Однако принадлежащее партии правомочие определять порядок формирования списка кандидатов, выдвигаемого на выборах, не может реализовываться ею произвольно. Вопросы состава списка кандидатов приобретают еще большее значение, когда он через избирательную комиссию доводится до избирателей. При таких обстоятельствах немотивированное решение политической партии об исключении кандидата из списка затрагивает не только его избирательные права, но и активное избирательное право других граждан.

Конституционный Суд Российской Федерации признал, что оспариваемые законоположения, допуская исключение гражданина из списка кандидатов по решению выдвигавшей его политической партии, при этом не предполагают, что такое решение может быть немотивированным и произвольным. В результате выдвижения в составе списка кандидатов гражданин вступает в избирательные правоотношения не только с выдвигавшей его политической партией, но и с другими субъектами избирательного процесса, в частности с избирателями. Соответственно, после представления списка кандидатов в избирательную комиссию его состав и порядок размещения в нем кандидатов не может изменяться избирательным объединением исключительно по мотивам целесообразности.

Судьба избрания гражданина, выдвинутого в составе списка кандидатов, находится в серьезной зависимости от выдвигнувшего его избирательного объединения.

Соответственно, решение политической партии об исключении гражданина из зарегистрированного избирательной комиссией списка кандидатов в депутаты, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, не должно ставить этого гражданина в ситуацию неопределенности. Только конкретные действия (бездействия) кандидата, несовместимые с законными интересами политической партии, могут стать основанием для его исключения из списка. Сбалансированное решение позволило сохранить роль политических партий в качестве основных участников избирательного процесса и при этом гарантировать, что их произвольными действиями не будут нарушены права конкретного гражданина-кандидата.

«Удалять кандидатов с выборов, как с футбольного поля, нельзя». Конституционный суд обязал партии мотивировать исключение из списков... Решение КС является прямым указанием для судов общей юрисдикции проверять решение партии об исключении кандидата не только по процедуре, но и по существу. Секретарь ЦИКа Николай Конкин, который выступал в суде на слушании дела, заявил «Ъ», что решение КС защищает права кандидатов, которых порой даже не уведомляют об исключении из списка, а также подтверждает право партии принимать решение об исключении.

(Коммерсант, 10.11.2009)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2013 года № 8-П «По делу о проверке конституционности статей 3, 4, пункта 1 части первой статьи 134, статьи 220, части первой статьи 259, части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, подпункта «з» пункта 9 статьи 30, пункта 10 статьи 75, пунктов 2 и 3 статьи 77 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», частей 4 и 5 статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А.В.Андропова, О.О.Андроновой, О.Б.Белова и других, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и регионального отделения политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Воронежской области»

Право избирать и быть избранным не ограничивается только голосованием на выборах. Сложный избирательный процесс сопровождается целым блоком иных отношений, в частности связанных с судебной защитой избирательных прав. Несмотря на то что такая защита гарантирована Конституцией Российской Федерации, гражданам-избирателям было отказано даже в возможности обратиться в суд. Ссылаясь на неправильный подсчет голосов, избиратели попытались перед судом поставить вопрос о законности результатов голосования. Однако им было отказано в праве на обращение в суд, как не имеющим согласно закону интереса в корректности итогов голосования. В деле об оспаривании итогов голосования на избирательном участке не получил судебной защиты и гражданин, голосовавший на выборах Президента Российской Федерации, поскольку не подтвердил, что каким-либо образом было нарушено его активное избирательное право.

Заявители оспаривали конституционность процессуальных норм, на основании которых им было отказано в судебной защите их избирательных прав. При этом нарушения, допущенные в ходе подсчета голосов и установления итогов голосования, определения результатов выборов, судами рассматривались как затрагивающие только пассивное избирательное право кандидатов.

Такая трактовка оспоренного регулирования не была поддержана Конституционным Судом Российской Федерации. Активное избирательное право не исчерпывается только участием в голосовании на выборах. Это право предопределяет отношения, связанные с подсчетом голосов избирателей и установлением итогов голосования на том избирательном участке, на котором гражданин принимал участие в выборах в качестве избирателя. Не меньшее значение имеет и определение результатов выборов, которые должны соответствовать зафиксированному в итогах голосования волеизъявлению избирателей. С учетом этого избиратель, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, не может быть исключен из круга субъектов, наделенных правом обжалования итогов голосования и обжалования результатов выборов. Особую роль это право приобретает применительно к возможности обжалования решений и действий (бездействия), связанных с подсчетом голосов на конкретном избирательном участке, где голосовал избиратель.

Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил, что избиратели не только имеют интерес в подаче своего голоса, но и вправе рассчитывать, что он будет надлежащим образом учтен. Отсутствие возможности подтвердить это в судебном порядке расходилось бы с конституционным смыслом активного избирательного права. Однако позиция, высказанная Конституционным Судом Российской Федерации, гарантировала судебную защиту гражданам-избирателям, столкнувшимся с нарушениями избирательного закона.

«Дела заявителей подлежат пересмотру, то есть пойдем дальше и продолжим то, с чего начинали, — рассмотрение жалоб заявителей в районном суде о нарушениях на избирательном участке», — прокомментировал решение КС представитель заявителя <...> Антон Бурков. Он убежден, что «КС вынес положительное решение», показав пример всем судам в Российской Федерации, поскольку в своем решении ссылается на нормы Европейской конвенции, а значит, можно не жаловаться в ЕСПЧ и решать вопрос в рамках нашего правосудия.

(Российская газета, 23.04.2013)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 апреля 2017 года № 11-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 40, частей 10 и 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», пунктов 2 и 3 части 1 статьи 128 и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой граждан И.Л.Трунова и М.В.Юревича»

Установленный законом порядок формирования Государственной Думы предполагает, что половина депутатов избирается по пропорциональной системе в едином

федеральном округе, а другая половина — по мажоритарной системе в одномандатных избирательных округах. Кандидаты, которые избираются в одномандатных округах, могут выдвигаться самостоятельно или в порядке их выдвижения политической партией. Если политическая партия принимает решение о выдвижении кандидатов по одномандатным округам в таком порядке, ей необходимо представить их список в Центральную избирательную комиссию, которая заверяет его. Особенностью данного процесса является то, что заверение списка кандидатов является непреложным условием реализации выдвинутыми политической партией гражданами своего избирательного права. Если избирательная комиссия список не заверит, то все кандидаты, входящие в него, не смогут избраться.

Оспоренные заявителями положения наделяли избирательную комиссию правом отказать в заверении списка кандидатов, выдвинутых по одномандатным округам, если в нем содержались сведения о выдвижении в одном округе более одного кандидата. Кроме того, данные нормы не позволяли кандидатам, выдвинутым избирательным объединением по одномандатным округам, самостоятельно оспаривать решения избирательной комиссии об отказе в заверении списка, в составе которого они были выдвинуты. Формальные по своей сути нарушения, к тому же допущенные избирательным объединением, а не самим кандидатом, отражались на реализации пассивного избирательного права конкретных граждан. С учетом того что политические партии являются ключевыми участниками избирательного процесса, судьба избрания кандидата по одномандатному округу находилась в серьезной зависимости от правильности подаваемых именно ею в избирательную комиссию документов.

Конституционный Суд Российской Федерации указал, что избирательная комиссия не вправе отказать в заверении списка, если из представленных избирательным объединением документов возможно однозначно установить поименный состав кандидатов и их распределение по соответствующим одномандатным избирательным округам. То есть принципиально важно, чтобы воля избирательного объединения ясно прослеживалась в поданных в избирательную комиссию документах. При этом при проверке документов недопустим излишний формализм, который приводил бы к необоснованным отказам в заверении списка кандидатов. В частности, полный отказ в заверении списка, если было допущено нарушение, касающееся одной, незначительной его части, представляет, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, несоразмерное и необоснованное ограничение избирательных прав.

Если избирательная комиссия отказывает в заверении списка и это непосредственно затрагивает пассивное избирательное право выдвинутых по конкретным одномандатным округам кандидатов, то они не могут быть лишены права обжаловать такой отказ в суде. Иное расходилось бы с конституционным предназначением права на судебную защиту и ставило бы кандидатов в полную зависимость от избирательного объединения, например в ситуации, когда политическая партия по каким-либо причинам отказалась от обжалования отказа в заверении списка.

Несмотря на ключевую роль политических партий в процессе реализации избирательных прав, их доминирующее положение не может абсолютизироваться. Нельзя забывать, что главным носителем права избирать и быть избранным — являющегося индивидуальным, а не коллективным — является гражданин. Поэтому и зависимость кандидата от выдвинувшего его избирательного объединения не должна быть

всеобъемлющей, а самому кандидату непременно гарантируется возможность судебной защиты своих прав, даже если они реализуются во взаимосвязи с деятельностью политических партий.

Эксперт по избирательному праву Андрей Бузин полагает, что решение КС вынесено в «достаточно правильном направлении». «Если не придерживаться подобной тактики, могут быть провокации со стороны отдельных влившихся кандидатов. Они могут подавать документы, не совсем правильно оформленные, которые очень трудно распознать с партийной стороны», — сказал он «Известиям». Один из истцов, Игорь Трунов, заявил «Известиям», что <...> остается моральное удовлетворение от того, что теперь закон будет лучше и на следующих выборах меньше будет брака со стороны избирательного процесса.

(Известия, 18.04.2017)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2020 года № 12-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 19, пункта 7 части 1 статьи 20, пункта 7 статьи 21 и части 4 статьи 240 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, а также пункта 7 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А.А.Брюхановой и Е.Л.Русаковой»

Заявительницам по данному делу решениями окружной избирательной комиссии было отказано в регистрации в качестве кандидатов на выборах. Обжалование этих решений в вышестоящей избирательной комиссии, а также в Центральной избирательной комиссии не привело к восстановлению их прав, и тогда заявительницы обратились в суд. Однако суд отклонил их доводы о незаконности отказов в регистрации со ссылкой на пропуск срока обращения в суд.

Избирательное законодательство гарантирует два способа обжалования решений избирательной комиссии — в вышестоящую комиссию и в суд. При этом законодатель в целях обеспечения стабильности избирательных правоотношений предусмотрел сокращенные сроки обращения за защитой своих прав. Вместе с тем суды интерпретировали соответствующее регулирование таким образом, что кандидат, в срок обратившийся с жалобой в вышестоящую комиссию, почти наверняка пропускал сроки для обращения в суд. То есть, действуя в рамках закона, гражданин был вынужден выбирать между разными процедурами защиты своих прав, которые к тому же отличаются с точки зрения предоставляемых гарантий. Выбрав же один из этих способов, кандидат почти наверняка лишался возможности обратиться к другому.

На практике оспоренное регулирование приводило к тому, что возможность эффективного судебного контроля за ходом избирательных кампаний серьезно ограничивалась, что ставило под сомнение доверие к институту выборов и способность суда обеспечить надлежащую защиту прав граждан. Эти обстоятельства, недопустимые в правовом демократическом государстве, и стали основанием для признания оспоренных законоположений не соответствующими Конституции Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу о том, что действующее законодательство не исключает ситуацию, при которой обращение с жалобой на решение избирательной комиссии может привести к пропуску пресекательного десятидневного срока обращения по этому же вопросу в суд. Например, максимально продолжительное рассмотрение жалобы вышестоящей избирательной комиссией, допустимое согласно закону, составляет десять дней. Это фактически означает полную утрату возможности реального рассмотрения по существу административного искового заявления, касающегося решения избирательной комиссии об отказе в регистрации кандидата, если первоначально был избран именно внесудебный порядок обжалования этого решения избирательной комиссии.

Государственная защита прав и свобод, гарантированная Конституцией Российской Федерации, может быть реализована разными способами. Внесудебное обжалование решений избирательной комиссии в вышестоящую комиссию — один из таких способов, но не единственный. Во всяком случае, он не может заменять судебную процедуру рассмотрения спора о правах и свободах гражданина или затруднять доступ к ней. Конституционный Суд Российской Федерации в рассматриваемом Постановлении вновь подчеркнул особый характер права на судебную защиту и предотвратил его необоснованное ограничение.

Много лет на российских выборах существовал принцип обжалования «либо ЦИК, либо суд». Кандидаты, которым отказывали в регистрации, с этим принципом мирились. Теперь этого принципа больше нет, прокомментировал постановление КС <...> Григорий Вайпан, представлявший интересы заявителей в КС.

(Коммерсант, 26.03.2020)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 марта 2021 года № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 11 статьи 38 и пункта 1 статьи 39 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.С.Цукасова»

Заявитель выдвигался в порядке самовыдвижения на выборах депутатов законодательного органа субъекта Российской Федерации. Однако решение избирательной комиссии о его регистрации кандидатом в депутаты было отменено судом в связи с тем, что сведения об обязательствах имущественного характера представлены им в избирательную комиссию с нарушением нормативных требований. Доводы заявителя о том, что он не был уведомлен избирательной комиссией об указанных недостатках, вследствие чего лишился возможности их устранить, суд отклонил, посчитав, что закон не устанавливает такой обязанности избирательной комиссии.

Разрешая данное дело, Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что избирательная комиссия обязана известить кандидата о недостатках в представленных им документах и не вправе уклоняться от исполнения этой обязанности. В ином случае кандидат, полагающийся на избирательную комиссию, не уведомившую о наличии нарушений в представленных документах, может безосновательно рассчитывать

на то, что им не допущены нарушения, из-за которых в регистрации ему будет отказано. Уязвимость положения кандидата усиливается еще и потому, что в ситуации, когда избирательная комиссия не уведомила его о допущенных нарушениях в оформлении документов, суд, принимающий решение об отмене решения о регистрации кандидата, не имеет возможности учесть его неуведомление избирательной комиссией. Тем самым в законодательстве был обнаружен конституционно значимый пробел в регулировании соответствующих отношений, что и послужило основанием для признания оспоренного регулирования в этой части неконституционным.

Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что факт неизвещения (несвоевременного извещения) избирательной комиссией кандидата об очевидных для нее и не являющихся намеренным представлением кандидатом недостоверных сведений о себе нарушениях в оформлении документов подлежит учету при разрешении вопроса о судьбе регистрации кандидата на выборах. Выработанное в рассматриваемом Постановлении толкование избирательного законодательства стало значимой гарантией, защищающей кандидатов от выборочного исполнения членами избирательных комиссий своей обязанности, в том числе в зависимости от их политических, административных и иных предпочтений.

Конституционный суд РФ постановил внести поправки в избирательное законодательство России. В условиях, когда страна готовится к проведению выборов в Государственную Думу РФ, а также к избранию депутатов законодательных органов и руководителей ряда субъектов Федерации, это решение имеет важное значение...

Если избирком формально подходит к исполнению требования закона и в одних случаях информирует кандидата, а в других нет, это может привести «к тенденции избирательных комиссий» <...> А судьи высшей юридической инстанции страны нашли в таком подходе и другие недостатки. Бездействие избирательной комиссии, например, может повлечь «расхолаживающий эффект»: кандидат уверен в том, что все сделал правильно, и потому оказывается в уязвимой ситуации. И хотя он может оспорить бездействие избиркома, но даже решение суда в его пользу не приведет к восстановлению регистрации. Налицо «конституционно значимый пробел», указал КС.

(Российская газета, 15.03.2021)

«Теперь если суды установят, что кандидата не уведомили о недостатках, то они обязаны предоставить время для исправления документов и их повторной подачи», — говорит Максим Сикач, автор жалобы и юрист МГК КПРФ. Он отметил, что это будет распространяться на уже зарегистрированных кандидатов, в случае если их пытаются снять через суд за недостатки в документах. Сикач считает, что КС своим постановлением констатировал, что «избиркомы — это люди, а не роботы и не всегда следуют букве закона, однако суды этот факт игнорировали и фактически применяли закон как он есть: без учета факта неуведомления кандидата».

Заявитель в КС Сергей Цукасов сообщил «Ведомостям», что «несправедливая возможность для снятия неугодных кандидатов после решения КС будет прикрыта». Эта ошибка (в документах) очень часта, говорит он. Он напомнил, что такие недочеты находили избиркомы в документах многих независимых политиков.

Цукасов ожидает, что после этого постановления КС «хитрость» избиркомов в части неувещиваний граждан потеряет смысл, так как ее можно будет пресечь в суде.
(Ведомости, 16.03.2021)

Это уже вторая победа в КС представителей оппозиции, не допущенных в 2019 году к выборам в Мосгордуму <...> Тогда КС обязал суды принимать жалобы незарегистрированных кандидатов на действия избиркомов любого уровня в течение пяти дней с даты вынесения последнего решения, а не в десятидневный срок с момента решения избиркома первой инстанции, как это было ранее.
(Коммерсант, 15.03.2021)

5. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 1997 года № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике»

Перед Конституционным Судом Российской Федерации, в частности, был поставлен вопрос о конституционности норм законодательства субъекта Российской Федерации, которыми в ходе оптимизации административно-территориального устройства и корректировки системы органов государственной власти законодатель субъекта Российской Федерации затронул организацию местного самоуправления.

Конституционный Суд Российской Федерации в данном Постановлении подчеркнул, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, но являются при этом органами публичной власти. Надлежащее обеспечение прав и свобод граждан возможно только при условии согласованного функционирования властных институтов. И роль органов местного самоуправления в рамках единой системы публичной власти состоит в эффективном решении самых насущных проблем жителей конкретной территории.

Взаимодействие государственной власти и местного самоуправления необходимо с точки зрения Конституции Российской Федерации. Поэтому устройство государственной власти в том или ином субъекте Российской Федерации не может приводить к исчезновению местного самоуправления как наиболее приближенного к населению властного института.

«При рассмотрении в Конституционном суде России «сложнейшего» дела о проверке конституционности закона Удмуртии о системе органов государственной власти победила Конституция России». Так прокомментировал <...> принятое по запросу президента Бориса Ельцина решение Конституционного суда РФ <...> полномочный представитель главы государства в КС Сергей Шахрай. Как отметил С.Шахрай, «Конституционный суд, подтвердив право субъекта РФ самостоятельно устанавливать систему органов государственной власти в соответствии с административно-территориальным делением республики, одновременно указал на недопустимость нарушения основ конституционного строя страны, в частности, права населения на местное самоуправление».

(Интерфакс, 25.01.1997)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2000 года № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года «О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области»

Уставом одного из субъектов Российской Федерации предусматривался отказ от осуществления местного самоуправления на территории этого субъекта. Население, проживающее на соответствующей территории, наделялось правом посредством

референдума отказаться от реализации права на местное самоуправление, заменив соответствующие органы органами государственной власти.

Конституция Российской Федерации закрепляет в качестве общего принципа, что право на осуществление местного самоуправления реализуется гражданами самостоятельно с использованием институтов прямой демократии (референдум, выбора), а также через выборные и другие органы местного самоуправления. Однако это право не предполагает, что результатом его реализации может стать полный отказ от муниципальной демократии. Местное самоуправление является одной из основ конституционного строя России. Оно возникает в силу Конституции Российской Федерации и ею гарантируется. Таким образом, полное упразднение местного самоуправления на определенной территории противоречило бы предписаниям Конституции Российской Федерации об осуществлении местного самоуправления на всей территории Российской Федерации.

Недопустим с точки зрения Конституции Российской Федерации и государственный контроль целесообразности принимаемых муниципальными органами решений по вопросам местного значения. Конституционные принципы самостоятельности органов местного самоуправления не допускают подобного вмешательства государственной власти, даже с учетом того что муниципальные органы входят в единую систему публичной власти. Конституция Российской Федерации предполагает разрешение органами местного самоуправления самых насущных потребностей муниципального сообщества. Однако в этом муниципальная демократия независима и не полагается на управление и руководство со стороны государственной власти. Иное привело бы к полной утрате смысла существования муниципальной власти, являющейся наиболее приближенным к населению уровнем публичной власти.

Девять положений устава Курской области, ущемляющих права местного самоуправления, подлежат отмене, постановил сегодня Конституционный суд. Конституция РФ устанавливает более высокий уровень гарантий самостоятельности муниципальных властей, чем это предусмотрено международными обязательствами России в рамках Европейской хартии местного самоуправления, и субъекты Федерации не вправе «занижать или ограничивать», заявил КС.

(ИТАР-ТАСС, 30.11.2000)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2002 года № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» и Закона Корякского автономного округа «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе» в связи с жалобами заявителей А.Г.Злобина и Ю.А.Хнаева»

Заявители, являвшиеся главами муниципальных образований, поставили перед Конституционным Судом Российской Федерации вопрос о конституционности законодательного регулирования процедуры отзыва главы муниципального образования. Данные законоположения предусматривали, что глава муниципального образования может быть отозван населением в связи с утратой доверия, причем инициатива об отзыве

не требовала сбора значительного количества подписей и допускала принятие решения об отзыве меньшим числом голосов, чем то, которое требовалось для избрания. При этом заявители указывали, что отзыв главы муниципального образования может применяться в отсутствие четких, формально определенных критериев и оснований утраты доверия.

Муниципальные образования в силу закрепленного Конституцией Российской Федерации принципа самостоятельности местного населения в решении вопросов местного значения не лишены права предусмотреть возможность отзыва местных должностных лиц населением. Вместе с тем надлежит иметь в виду, что муниципальная демократия реализуется не только путем прямого волеизъявления граждан, но и посредством органов местного самоуправления, в том числе выборных. Разные формы демократии не могут противопоставляться и подменять друг друга.

Следовательно, недопустим облегченный порядок отзыва должностных лиц местного самоуправления, не исключающий злоупотребления этим правом, исходя из необходимости непрерывного осуществления функций выборных органов власти. Поэтому отзыв главы муниципального образования может быть реализован, во-первых, при наличии достаточного (не менее требуемого для выдвижения на соответствующих выборах) количества подписей в поддержку такой инициативы. Во-вторых, за отзыв должно проголосовать по крайней мере не меньшее число граждан, чем то, которым отзываемое лицо было избрано. Иное приводило бы к тому, что полномочия главы местного самоуправления, избранного большинством жителей, прекращались бы по решению меньшинства.

Кроме того, как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации, отзыв должностного лица местного самоуправления не может основываться на одной лишь общей негативной оценке его деятельности и возможен только в связи с его конкретными решениями или действиями (бездействием), которые могут быть подтверждены или опровергнуты в судебном порядке.

Вчера конституционные судьи полностью встали на сторону притесняемых руководителей местных органов власти: они признали неконституционными статьи красноярского и корякского законов, допускавшие «применение отзыва вне связи с конкретными решениями или действиями (бездействием), которые могут быть подтверждены или опровергнуты в судебном порядке», и разрешавшие отзыв меньшим числом голосов, чем то, которым должностное лицо было избрано <...> Решение КС фактически означает, что в других регионах, где действует местное самоуправление и в законах которых содержатся аналогичные положения, досрочно уволить выборного главу или депутата местного органа власти станет сложнее.

(Коммерсант, 03.04.2002)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июля 2011 года № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части 3 статьи 23 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и частей 2 и 3 статьи 9 Закона Челябинской области «О муниципальных выборах в Челябинской области» в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и граждан И.И.Болтушенко и Ю.А.Гурмана»

Заявители по данному делу предприняли попытку поучаствовать в выборах депутатов представительного органа местного самоуправления. Однако в соответствии с уставом муниципального образования депутаты указанного органа избирались по пропорциональной системе. То есть кандидатов могла выдвигать только политическая партия и только в составе списка.

Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации не противоречит Конституции Российской Федерации предусмотренное в федеральном законе правомочие субъекта Российской Федерации устанавливать виды избирательных систем, которые применяются на муниципальных выборах. При этом конституционные гарантии самостоятельности местного самоуправления предполагают сохранение за муниципальным образованием права выбора приемлемой и соответствующей местным условиям избирательной системы.

Не вступает в противоречие с Конституцией Российской Федерации и то обстоятельство, что беспартийные кандидаты не имеют возможности самостоятельно избраться в представительный орган местного самоуправления. На этот случай законодательство предусматривает их право обратиться в любую политическую партию (региональное отделение, иное структурное подразделение) с предложением о своем включении в список кандидатов. Более того, в целях наиболее полного представления интересов местного сообщества законом закрепляется право общественных объединений предлагать кандидатов для включения в списки кандидатов на выборах по пропорциональной системе.

Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации признал, что проведение муниципальных выборов на основании только пропорциональной избирательной системы в малочисленных муниципальных образованиях будет противоречить Конституции Российской Федерации. В силу малочисленности населения и малого числа депутатов соответствующих представительных органов создаются риски искажения волеизъявления избирателей, а также чрезмерной централизации органов местного самоуправления за счет федеральных политических партий, которые являлись единственным субъектом выдвижения списков кандидатов на местных выборах.

Приведенная позиция Конституционного Суда Российской Федерации в значительной степени основывалась на том, что смысл муниципальной демократии состоит в преимущественном удовлетворении потребностей местного сообщества, которые связаны с повседневной жизнью граждан (жилье, коммунальное обслуживание, общественный транспорт, благоустройство и др.). Соответственно, выбор конкретной избирательной системы должен учитывать особенности конкретного муниципального образования и обеспечивать при решении местных вопросов наиболее полное отражение интересов разных социальных групп, образующих местное сообщество.

Вчера Конституционный суд России (КС) признал недопустимыми выборы исключительно по партийным спискам в малых поселениях. По мнению судей, это нарушает право граждан быть избранными в органы власти. Признана неконституционной норма Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления», которая фактически отнимала у муниципалитетов право самим решать, как проводить выборы. КС дал задание Госдуме установить четкие границы применения пропорциональной избирательной системы в регионах.

(Независимая Газета, 08.07.2011)

6. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЩЕНИЕ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2012 года № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области»

Конституционность оспоренных законоположений была подвергнута сомнению в той части, в какой они не позволяли однозначно установить, распространяется ли право направлять обращения в органы публичной власти на юридические лица и обязаны ли учреждения и унитарные предприятия рассматривать поступившие к ним обращения.

С точки зрения конституционного регулирования правового статуса объединений граждан то или иное конституционное право человека и гражданина может распространяться на юридические лица в той степени, в какой это право по своей природе может быть к ним применимо. Это наряду с прочим означает, что правом на обращение обладают не только граждане, но и объединения граждан, в частности юридические лица. Неопределенность же федерального закона, прямо гарантирующего это право только для граждан, означает искажение правовой природы права граждан на обращение. Тем самым общий порядок рассмотрения обращений граждан, предусматривающий основные гарантии их прав при рассмотрении обращений, был распространен и на юридические лица. В силу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации уполномоченные органы и организации обязаны рассматривать поступившие от них обращения в соответствии с федеральным законом.

Кроме того, федеральное законодательство не предусматривало обязательного рассмотрения в общем порядке обращений, поступивших в государственные и муниципальные учреждения и предприятия. Этот вопрос ранее был частично затронут Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 9 ноября 2010 года № 1483-О-О, в котором было отмечено, что федеральный законодатель в порядке дополнительного обеспечения прав и свобод человека и гражданина может возложить отдельные публично-значимые функции не только на государственные и муниципальные органы. С учетом этого Конституционный Суд Российской Федерации в рассматриваемом Постановлении отметил, что обязательность рассмотрения обращений граждан и их объединений организациями, не входящими в систему органов публичной власти, означает определенное вмешательство в их деятельность и, по сути, ограничение их прав и свобод. Однако осуществление такими организациями публично значимых функций не только не исключает, но и, напротив, предполагает обязательность рассмотрения ими обращений граждан в предусмотренном законом порядке.

Рассматриваемое Постановление позволило восполнить два значительных пробела правового регулирования института обращений граждан. Благодаря тому что соответствующее право было признано за юридическими лицами, правоприменительные органы лишились возможности необоснованно отказывать в рассмотрении их жалоб, заявлений и предложений. Также Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что право на обращение в государственные и муниципальные органы связано

с осуществляемыми ими функциями. Поэтому если юридическое лицо наделено функциями, например, в областях здравоохранения, культуры, искусства и др., то оно обязано рассмотреть поступившее обращение в соответствии с общим порядком, закрепленным законом. Особое значение эта обязанность приобретает в связи с обращением граждан и их объединений в так называемые многофункциональные центры документов, которые также обязаны рассматривать обращения в установленном порядке.

Своим вчерашним постановлением Конституционный суд порадовал не только ростовских законодателей, но и любого гражданина, который хочет пожаловаться на власть. «Мы благодарны Конституционному суду за это решение и уверены, что оно будет полезно не только нам в Ростове, но и другим регионам», — заявил «РГ» один из заявителей, председатель комитета по законодательству в местном парламенте Александр Ищенко. Это означает, что куда бы уважаемый читатель «РГ» ни захотел пожаловаться, например, главврачу больницы, или директору школы, или, как в случае с Ростовской областью, в многофункциональный Центр предоставления государственных и муниципальных услуг, то ответ на свою жалобу он имеет право получить в жестко фиксированные федеральным законодательством сроки.

(Российская газета, 19.07.2012)

7. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ЛИЧНОЙ И СЕМЕЙНОЙ ТАЙНЫ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 января 2020 года № 1-П «По делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Р.Д.Свечниковой»

Заявительница по данному делу обратилась в медицинское учреждение с просьбой предоставить медицинские документы ее умершего супруга, который ранее наблюдался и проходил стационарное лечение в этом учреждении. В выдаче документов ей было отказано, поскольку наличие у нее права знакомиться с информацией о здоровье пациента (с его согласия) не предполагает ознакомления с медицинской документацией после его смерти. Фактически близкий родственник умершего пациента, который не запретил ему знакомиться со своей медицинской информацией, лишен возможности выяснить действительные причины смерти своего близкого. Особое значение такая возможность приобретает в ситуации, когда супруг или родственник имеет подозрения, что к гибели близкого ему человека привела несвоевременная или некачественно оказанная медицинская помощь.

Конституционный принцип достоинства личности, право на личную и семейную тайну предполагают, что раскрытие медицинской документации должно сопровождаться достаточно строгими гарантиями защиты личной тайны и персональных данных

умершего. Вместе с тем медицинская информация об умерших близких гражданина, как связанная с памятью о дорогих ему людях, может представлять для него не меньшую важность, чем сведения о нем самом. Когда речь идет о смерти человека, не ставится под сомнение реальность страданий членов его семьи.

Исходя из этого, Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что лицам, указанным в добровольном информированном согласии пациента, суд вправе разрешить ознакомление с его медицинской документацией. Отказ в таком доступе может быть признан допустимым, только если при жизни пациент недвусмысленно выразил запрет на раскрытие сведений о себе, составляющих врачебную тайну.

Постановление Конституционного Суда <...> стало широко обсуждаемой темой, поскольку разрешилось многолетнее противостояние между родственниками умерших пациентов и врачами в вопросе получения медицинской документации.

(Адвокатская газета, 17.08.2020)

«Страховщики теперь имеют абсолютно законное право направить акт экспертизы родственникам умершего пациента. Прозрачность системы принятия врачебных решений реализует главный юридический принцип — восстановление справедливости. Если пациент погиб по вине медицинской организации, то родственники вправе обратиться в суд за компенсацией морального и материального вреда. В следующий раз медицинские работники будут более ответственно относиться к организации лечения», — сообщил Алексей Старченко, член рабочей группы по развитию обязательного медицинского страхования Всероссийского союза страховщиков (ВСС).

Также эксперты считают, что благодаря решению суда уменьшится количество уголовных дел против самих врачей: «Нередко родственники умершего пациента стремятся возбудить уголовное дело против врачей только потому, что у них не было доступа к медицинской документации. Это создавало ненужное напряжение между больницей и родственниками умершего. В подобных случаях и диагноз, и ход лечения не должны быть тайной для его родственников. Принятое решение Конституционного суда защищает интересы как пациентов, так и врачебного сообщества: обе стороны получают право на справедливость».

(Доктор Питер, 27.02.2020)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 мая 2021 года № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «МедРейтинг»

В Конституционный Суд Российской Федерации обратилось юридическое лицо, которое являлось учредителем и редакцией сетевого издания, содействовавшего пациентам в информированном выборе медицинской организации и врача путем размещения данных о них на собственном сайте в сети Интернет. Решением суда, принятым по иску врача, заявитель был обязан удалить с сайта профиль этого врача, поскольку

пользователи сайта размещали отрицательно характеризующие качество предоставляемых данным врачом медицинских услуг отзывы, которые носили оскорбительный и уничижительный характер, публиковались в необработанном виде и без предварительной модерации. Обращаясь в Конституционный Суд Российской Федерации, юридическое лицо указывало на то, что оспариваемые нормы позволяют суду произвольно запрещать размещение общедоступных в силу закона данных медицинского работника и тем самым препятствовать профессиональной деятельности журналиста и законной деятельности средств массовой информации.

Признавая роль Интернета в условиях развития информационного общества, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что появление публикаций, содержащих персональные данные гражданина, о котором высказываются в том числе негативные суждения, может быть отнесено к неизбежным издержкам свободы информации в демократическом обществе. Размещение же в Интернете персональных данных врачей обусловлено особым общественным интересом к сведениям о лицах, профессионально занятых оказанием медицинской помощи, поэтому, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, само по себе распространение сетевым изданием раскрытых ранее медицинской организацией на основании закона сведений о медицинском работнике его прав и свобод не нарушает.

Вместе с тем информация о медицинском работнике должна соответствовать действительности и быть актуальной, а размещающее ее для сбора и опубликования отзывов пациентов о враче сетевое издание в обязательном порядке должно обеспечивать предварительный либо последующий контроль комментариев с тем, чтобы исключить появление на сайте очевидно противоправных суждений пользователей в адрес медицинского работника, а также высказываний, не касающихся качества самой медицинской помощи.

Конституционный Суд Российской Федерации признал оспоренное законоположение не противоречащим Конституции Российской Федерации, однако обогатил его конституционно-правовым наполнением. Позиция Конституционного Суда Российской Федерации позволила владельцам сайтов, собирающих отзывы о медицинских работниках, продолжить свою важную деятельность в конституционных рамках и при этом гарантировала врачам возможность защиты своих прав от оскорбительных и не соответствующих действительности высказываний.

Управляющий партнер Semenov&Pevzner Роман Лукьянов отметил, что КС нашел баланс между правом на неприкосновенность частной жизни и свободой распространения информации, который закономерно укладывается в канву ранее сформированных ЕСПЧ и КС правовых позиций <...> По мнению Романа Лукьянова, Конституционный Суд убедительно обосновал, что норма п. 8 ч. 1 ст. 6 Закона о персональных данных не создает препятствия для осуществления профессиональной деятельности журналиста и законной деятельности СМИ, а, напротив, способствует им, поскольку создает условия для соблюдения прав как субъектов персональных данных, так и СМИ, а также для обеспечения публичного интереса в распространении информации.

(Адвокатская газета, 28.05.2021)

Вадим Ковалёв, старший юрист корпоративной практики Capital Legal Services: «Выводы Конституционного суда России представляются логичными и понятными. Фактически он указал на конкретные меры, которые должны предприниматься сетевыми изданиями при работе с персональными данными медицинских работников. В контексте соблюдения баланса между правом на неприкосновенность частной жизни и свободой распространения информации такой подход выглядит разумным и справедливым».

(АПИ, 31.05.2021)

Николай Чернышук, юрист портала «Про докторов»: «Конституционный суд собрал все мнения от Госдумы, представителя президента РФ, от Совета Федерации были получены документы, которые подтверждают, что это не личная жизнь, это профессиональная деятельность. И СМИ имеют право публиковать эти сведения на странице своих изданий».

(НТВ, 21.07.2021)

8. ГРАЖДАНСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 1996 года № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта «г» статьи 18 Закона Российской Федерации «О гражданстве Российской Федерации» в связи с жалобой А.Б.Смирнова»

Конституционный Суд Российской Федерации обратился к одному из самых фундаментальных элементов конституционного статуса личности — институту гражданства. Заявитель по данному делу родился и проживал на территории РСФСР, однако на момент вступления в силу Закона Российской Федерации «О гражданстве Российской Федерации» (6 февраля 1992 года) находился за пределами Российской Федерации. Это стало основанием для отказа в оформлении документов, подтверждающих принадлежность к гражданству России в порядке признания.

Конституционный Суд Российской Федерации указал, что лица, родившиеся 30 декабря 1922 года и позднее и утратившие гражданство бывшего СССР, считаются состоявшими в гражданстве Российской Федерации по рождению, если они родились на территории Российской Федерации. Из этого положения вытекает, что такие лица состояли в российском гражданстве уже с момента рождения и в силу Конституции Российской Федерации не могут считаться лишившимися этого гражданства, если только не утратили его по собственному свободному волеизъявлению. Следовательно, они не утрачивают его в силу одного только факта проживания за пределами Российской Федерации на момент вступления в силу оспариваемого Закона Российской Федерации, поскольку проживание гражданина Российской Федерации за ее пределами не прекращает российского гражданства.

Данное дело имело большое значение для граждан России, которые выехали с ее территории для проживания в другие республики Союза ССР. Конституционный Суд Российской Федерации гарантировал их право подтвердить наличие российского

гражданства, а не получать его вновь. По существу, благодаря правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации законодательство о гражданстве было интерпретировано таким образом, что это позволяло целой группе граждан определить свое гражданство без обращения к процедуре приобретения гражданства в порядке регистрации. О массовом характере проблемы, рассмотренной Конституционным Судом Российской Федерации, свидетельствовали и поступавшие впоследствии в Конституционный Суд Российской Федерации жалобы, которые разрешались с опорой на высказанную в Постановлении от 16 мая 1996 года № 12-П правовую позицию.

Дело выиграл один гражданин. А вздохнуть с облегчением могут тысячи этнических россиян. Граждане России, которые временно выезжали на постоянное жительство в другие республики бывшего СССР, могут восстановить свое российское гражданство без прохождения утомительной процедуры регистрации, положенной для граждан других государств <...> Суд косвенно признал, что союзное гражданство было вторичным и что переезд из одной республики в другую в пределах СССР означал лишь изменение прописки, но не изменение гражданства.

(Независимая газета, 17.05.1996)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 октября 2016 года № 18-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 4 Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя» в связи с жалобой А.Г.Оленева

В связи с принятием в состав Российской Федерации Республики Крым и города федерального значения Севастополя Конституционный Суд Российской Федерации вновь обратился к проблеме приобретения российского гражданства. Согласно закону гражданами Российской Федерации признавались все, кто постоянно проживал на день принятия в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя, т.е. на 18 марта 2014 года. Для тех, кто был зарегистрирован в Крыму или Севастополе и не отказался от приобретения гражданства России, порядок был предельно прост. В сложной ситуации, однако, оказались те, кто проживал в указанный период в Крыму или Севастополе и не имел там постоянной регистрации. Заявитель по данному делу, в частности, проживал в Севастополе, что было подтверждено судом. Несмотря на это правоприменительные органы отказали ему в признании гражданином Российской Федерации по причине того, что зарегистрирован он был в другом регионе.

Сам по себе механизм признания граждан Украины гражданами Российской Федерации представлял упрощенную, по своей сути, процедуру. Поэтому Конституционный Суд Российской Федерации указал на то, что достаточным для приобретения российского гражданства являлся факт постоянного проживания, который не может определяться исключительно на основании формальной регистрации гражданина

Украины на соответствующей территории. При этом правоприменительные органы были ориентированы на необходимость учета совокупности обстоятельств, которые могут быть связаны, в частности, с наймом жилья или постоянной работой на территории Крыма или Севастополя. Эти обстоятельства, как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации, должны подтверждать, что гражданин избрал соответствующие территории местом приоритетных каждодневных жизненных интересов и стремится к установлению реальной, а не только формальной связи с ними. Кроме того, уполномоченные органы во всяком случае не вправе не учитывать решение суда, которым подтверждается факт постоянного проживания гражданина на территории Крыма или Севастополя. Иначе это приводило бы к тому, что имеющий обязательное значение судебный акт преодолевался решением административного органа.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации позволило жителям Крыма и Севастополя избежать длительных судебных процессов, связанных с отстаиванием права, гарантированного им законом. Высказанные Конституционным Судом Российской Федерации правовые позиции подчеркивали важность реально складывающихся отношений применительно к выбору места проживания. Тем более важными они стали в контексте того, что решение такого принципиального вопроса, как приобретение гражданства, не должно было ставиться в зависимость от формальной регистрации по месту жительства.

«Это решение касается нескольких тысяч так называемых «севастопольцев без прописки», — добавил в разговоре с корреспондентом «РГ» адвокат Оленева Александр Молохов. — Заявление о пересмотре дела мы подадим буквально на следующей неделе, но важно, чтобы и остальным гражданам в подобной ситуации больше не чинили проволочек».

(Российская газета, 05.10.2016)

9. ГАРАНТИИ ПРАВ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 1998 года № 6-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 31 Закона СССР от 24 июня 1981 года «О правовом положении иностранных граждан в СССР» в связи с жалобой Яхья Дашти Гафура»

Иностранный гражданин, который подлежал выдворению за территорию Российской Федерации, был подвергнут длительному задержанию и содержался под стражей более двух месяцев вплоть до момента его фактического выдворения. Оспоренные им нормы законодательства, регулировавшего правовое положение иностранных граждан, допускали, по существу, бессрочное задержание иностранного гражданина, подлежащего выдворению.

Конституционный Суд Российской Федерации признал такое регулирование неконституционным, поскольку оно вопреки Конституции Российской Федерации допускало задержание иностранного гражданина на срок свыше 48 часов без судебного

решения, т.е. фактически на неопределенный срок. Однако судебная защита гарантируется в Российской Федерации каждому. Это означает, что иностранный гражданин не может быть лишен права поставить перед судом вопрос об обоснованности ограничения его личной свободы. Более того, предусмотренная законом возможность содержания иностранного гражданина под стражей до исполнения решения о его выдворении не может приводить к бессрочному ограничению его прав и свобод.

Иностранные граждане сталкиваются с объективными сложностями при защите своих прав на территории иностранного государства. В связи с этим особое значение приобретает право на судебную защиту, которого, согласно Конституции Российской Федерации, иностранные граждане не могут быть лишены. От этого права, т.е. от возможности в справедливой процедуре перед независимым судом отстоять свои права, во многом зависит режим пребывания иностранного гражданина в Российской Федерации. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации подтвердило это право и обеспечило надлежащие условия его реализации.

Конституционный суд отпустил иностранцев на волю. Вчерашнее решение Конституционного суда стало большим подарком для всех иностранцев, по разным причинам оказавшихся в России. Признав неконституционной статью закона «О правовом положении иностранных граждан...», суд фактически приравнял их к гражданам РФ.

(Коммерсант-Daily, 18.02.1998)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 марта 2015 года № 4-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 2510 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», подпункта 13 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и пункта 2 статьи 11 Федерального закона «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» в связи с жалобами ряда граждан»

В данном деле перед Конституционным Судом Российской Федерации был поставлен вопрос, относящийся к сложной и деликатной теме отношения государства к ВИЧ-инфицированным иностранным гражданам.

В Конституционный Суд Российской Федерации обратились ВИЧ-инфицированные иностранные граждане, которые постоянно проживали в России, имели здесь супругов и детей. На основании оспоренных ими законоположений к ним применялись такие административные меры, как признание нежелательным их временного проживания в Российской Федерации, отказ в выдаче или аннулирование ранее выданного разрешения на временное проживание, депортация из Российской Федерации. Все эти меры так или иначе приводили к тому, что страдающие ВИЧ-инфекцией иностранные граждане были вынуждены покинуть Российскую Федерацию и разлучиться с семьей.

Институт семьи, построенный на чувствах взаимной любви и уважении, основанный на взаимопомощи и взаимной ответственности всех ее членов, не допускает произвольное

вмешательство кого-либо в дела семьи. При этом государственные гарантии сохранения семьи и уважения семейных ценностей распространяются не только на российских граждан, но и на иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих в России. В то же время для них могут предусматриваться запреты и ограничения на въезд в Российскую Федерацию и пребывание на ее территории, если состояние здоровья иностранного гражданина или лица без гражданства представляет угрозу для здоровья населения Российской Федерации. Однако подобные ограничения являются допустимыми лишь в том случае, если они не приводят к ущемлению их конституционных прав.

Вирус иммунодефицита человека передается не в результате присутствия инфицированного лица в стране или при случайном контакте через воздух или общие носители, такие как еда или вода, а через конкретные контакты, которые почти всегда являются частными. Принимая во внимание это обстоятельство, Конституционный Суд Российской Федерации признал неконституционными оспоренные заявителями законоположения, которые на основании одного факта наличия ВИЧ-инфекции позволяли применять к иностранным гражданам или лицам без гражданства строгие административные меры, приводящие к разрушению их семей. Это решение позволило сохранить сложившиеся семейные отношения иностранных граждан и лиц без гражданства, законно проживающих в России, и ориентировало правоприменительные органы на всесторонний учет обстоятельств конкретной ситуации. При условии соблюдения указанными лицами противоэпидемиологических правил ВИЧ-инфекция сама по себе не могла стать препятствием для проживания со своей семьей.

Отныне нормы, запрещающие проживать в России ВИЧ-положительным иностранцам, официально признаны неконституционными, рассказал «НИ» адвокат Ильнур Шарапов. «...КС РФ понял, что ВИЧ-инфекция — не настолько страшное заболевание, и это всегда частный случай. Теперь государство должно будет доказать, что тот или иной иностранец представляет реальную угрозу для граждан России», — пояснил <...> правозащитник.

(Новые Известия, 17.03.2015)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2016 года № 5-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», частей 1 и 3 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и подпункта 2 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Молдова М.Цуркана»

Законодательство предусматривает ряд правил, обеспечивающих законность пребывания иностранного гражданина на территории Российской Федерации. В частности, иностранный гражданин обязан направлять в уполномоченные органы информацию о месте проживания. Заявитель по данному делу после получения вида на жительство не исполнил обязанность по уведомлению о подтверждении своего проживания

в Российской Федерации. Однако административное законодательство предусматривало, что за такое правонарушение назначается не только штраф, но и административное выдворение, причем формулировка нормы не позволяла отказаться от столь сурового административного наказания.

Государство, обеспечивая законность и правопорядок на своей территории, руководствуясь интересами граждан Российской Федерации, не лишено возможности определять условия пребывания иностранных граждан. Поэтому необходимость уведомления уполномоченных органов о месте своего пребывания с конституционными принципами миграционного учета не расходится. Допустима и такая мера, как административное выдворение иностранного гражданина, нарушившего российское законодательство, даже если она применяется в качестве обязательного наказания за некоторые особенно серьезные правонарушения. Однако автоматическое назначение этого наказания в ситуации, когда суд не имеет возможности с учетом обстоятельств дела отказаться от его применения, приобретает характер необоснованно суровой меры. В частности, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, семейное положение правонарушителя, род его занятий, профессия и другие причины могут стать основанием к тому, чтобы суд признал административное выдворение чрезмерным ограничением права на уважение частной жизни.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации позволило суду в отдельных случаях отказаться от назначения административного выдворения, приняв во внимание, что в некоторых конкретных случаях эта мера не будет соответствовать целям административного наказания. Деяния, которые суд сочтет заслуживающими только штрафа, не приведут в целом законно пребывающих в России иностранных граждан к административному выдворению и, как следствие, к утрате возможности получить гражданство или разлучению с семьей.

Дефект КС обнаружил <...> в части 3 статьи 18.8 КоАП, которая не позволяет судам не выдворять иностранцев за такое однократное нарушение, даже с учетом длительности пребывания иностранца в стране, наличия у него здесь семьи, уплаты им налогов, законопослушного поведения. Признав, что пробел в отношении однократной забывчивости противоречит Конституции, КС позволил судьям проявлять гуманность, а федеральному законодателю велел внести поправки, чтобы обеспечить индивидуализацию ответственности за неуведомление ФМС о месте жительства.

(Коммерсант, 19.02.2016)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 октября 2016 года № 20-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 2510 и подпункта 1 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Корея Х.»

У проживающего на территории России иностранного гражданина было выявлено инфекционное заболевание, представляющее опасность для окружающих — туберкулез.

Это стало основанием для принятия в отношении него решения о нежелательности его пребывания (проживания) в Российской Федерации. Рассчитывая получить эффективную медицинскую помощь, иностранный гражданин выехал к себе на родину, где и вылечился. Согласно медицинскому заключению проводившей лечение клиники состояние его здоровья было признано удовлетворительным, позволяющим вести обычный образ жизни и опасности для окружающих не представляющим. Тогда заявитель попытался обжаловать решение о нежелательности его пребывания (проживания) в Российской Федерации, однако ему было отказано со ссылкой на то, что его выздоровление о незаконности данного решения не свидетельствует.

Нормы, которые оспорил в Конституционном Суде Российской Федерации заявитель, устанавливали, по его мнению, бессрочный запрет на въезд в Российскую Федерацию вне зависимости от факта последующего излечения от заболевания, представляющего опасность для окружающих.

Государство, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, уполномочено в качестве условия нахождения иностранного гражданина или лица без гражданства на территории Российской Федерации определять надлежащее состояние здоровья таких лиц с целью предотвращения угрозы здоровью населения. Не исключается и принятие в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих серьезные, общественно опасные заболевания, решений, препятствующих их дальнейшему проживанию в России. Однако, если законодательство не предусматривает сроков таких ограничений, условий их отложения или отмены уполномоченными органами, возможность законного проживания иностранного гражданина или лица без гражданства на территории Российской Федерации фактически утрачивается. Особенно несправедливой такая ситуация становится в случае излечения иностранного гражданина или лица без гражданства после принятия в их отношении решения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации. Даже суды, рассматривая соответствующие споры, ограничивались проверкой формальных требований к таким решениям и не оценивали обстоятельства, свидетельствующие о выздоровлении таких лиц. Право на судебную защиту при таком подходе, по существу, утрачивало свое значение как гарантии всех иных прав и свобод.

Конституционный Суд Российской Федерации признал, что оспоренные законоположения установили, по существу, непреодолимые препятствия для возвращения на территорию Российской Федерации иностранного гражданина, выехавшего за ее пределы для излечения (и излечившегося) от заболевания, которое стало основанием для принятия в его отношении решения о нежелательности пребывания (проживания). Подобные ограничения не соответствовали конституционным принципам равенства, признания и гарантированности прав и свобод, нарушали права иностранных граждан, а потому не могли больше применяться в Российской Федерации. Тем самым иностранные граждане могут рассчитывать на то, что не будут лишены права возвращения в Россию после их излечения на территории другого государства.

Конституционный суд (КС) РФ признал не соответствующими Основному закону страны нормы, предусматривающие бессрочный запрет на въезд иностранцев на территорию РФ из-за инфекционного заболевания. Суд предписал федеральному законодателю внести изменения, которые позволят в случае излечения попасть в страну. (ТАСС, 24.10.2016)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 мая 2017 года № 14-П «По делу о проверке конституционности положений статей 31.7 и 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой лица без гражданства Н.Г.Мсхиладзе»

Заявителю было назначено административное наказание в виде административного выдворения, во исполнение которого он был помещен в учреждение для содержания лиц, подлежащих выдворению. Содержание в таком учреждении означает ограничение свободы передвижения помещенных в них иностранных граждан и лиц без гражданства, которые не вправе самовольно его покинуть. При этом уполномоченные органы, ошибочно полагая, что он является иностранным гражданином, рассчитывали выдворить заявителя в государство его гражданства. Однако, когда это государство уведомило Российскую Федерацию об отсутствии у заявителя соответствующего гражданства, стало ясно, что он в действительности является лицом без гражданства. Это привело к фактической невозможности исполнения наказания в виде административного выдворения.

Несмотря на такие обстоятельства, содержание заявителя в специальном учреждении продолжалось. Рассмотрев его жалобу, суды отметили, что закон предусматривает возможность назначения административного выдворения лицам без гражданства, а отказ от административного выдворения лица без гражданства по причине отсутствия государства, готового его принять, невозможен. Предельный же срок содержания в специальном учреждении, по мнению судов, мог равняться сроку давности исполнения постановления о назначении административного наказания, т.е. составлял до двух лет со дня вступления в силу постановления по делу об административном правонарушении.

Сама по себе возможность помещения иностранных граждан и лиц без гражданства в специальное учреждение, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, принципиально не расходится с конституционными основами их статуса. Однако оспоренные заявителем законоположения позволяли в течение значительного срока (до двух лет) содержать в специальном учреждении лицо без гражданства, подлежащее административному выдворению, при отсутствии фактической возможности исполнения этого наказания. Это, по существу, приводило к тому, что помещение в специальное учреждение из обеспечительной меры превращалось в существенное и длительное лишение свободы, т.е. в самостоятельное административное наказание. К тому же иностранный гражданин, подлежащий выдворению, не имел возможности в судебном порядке поставить вопрос о продолжительности своего пребывания в специальном учреждении, т.е. фактически лишался судебной защиты.

Конституционный Суд Российской Федерации признал, что не согласуется с Конституцией Российской Федерации отсутствие у лица без гражданства права поставить перед судом вопрос о продолжительности своего пребывания в специализированном учреждении. И так находясь в достаточно уязвимом положении, лицо без гражданства, помещенное в специальное учреждение, серьезно ограничивается в своих правах. Однако даже это не может становиться поводом для ограничения его права на судебную защиту, что подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации.

«Это большая победа», — считает адвокат Ольга Цейтлина. По ее словам, решение КС может изменить судьбу тысяч «зависших» в СУВСИГ людей...

«Это полностью правозащитное решение. КС не только удовлетворил наши требования, но и сформулировал более широкие позиции — о том, что выдворение не должно быть автоматическим, а находясь на свободе, такие лица должны иметь правовой статус, позволяющий им жить не за счет налогоплательщиков, а приносить пользу», — сказал «Ъ» адвокат Сергей Голубок.

(Коммерсант, 24.05.2017)

10. ГАРАНТИИ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ САМОБЫТНОСТИ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 марта 2004 года № 5-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 5 Федерального закона «О национально-культурной автономии» в связи с жалобой граждан А.Х.Дитца и О.А.Шумахер»

Оспоренное заявителями законодательное регулирование предписывало, что в субъекте Российской Федерации создается одна региональная национально-культурная автономия граждан определенной национальности.

Национально-культурная автономия является объединением граждан, принадлежащих определенной этнической общности. Такая форма гражданской самоорганизации позволяет государству целенаправленно поддерживать национальные меньшинства, способствовать сохранению их самобытности и развитию национальной культуры. С учетом этого предусмотренная законодательством возможность создания на территории субъекта Российской Федерации не более одной региональной национально-культурной автономии граждан, относящих себя к соответствующей этнической общности, имеет объективные основания и не противоречит Конституции Российской Федерации.

Вместе с тем это не препятствует деятельности не вошедших в нее местных национально-культурных автономий или созданию и деятельности иных объединений граждан Российской Федерации, преследующих те же цели, что и уже созданная национально культурная автономия.

Формой национально-культурного самоопределения этнических общностей основной закон страны называет автономию. И в каждой области, крае, республике такая национально-культурная автономия для каждой этнической общности может быть только одна — именно такое решение принял в среду Конституционный суд.

(Известия, 03.03.2004)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2004 года № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 10 Закона Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан», части второй статьи 9 Закона Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан», пункта 2 статьи 6 Закона Республики Татарстан «Об образовании» и пункта 6 статьи 3 Закона

Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.И.Хапугина и запросами Государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан»

Конституция Российской Федерации гарантирует республикам в составе Российской Федерации среди прочего право устанавливать свои государственные языки наряду с общегосударственным русским языком. Однако языковые вопросы тесно связаны с правом выбора языка общения, свободы поиска и получения информации, правом на образование, что предопределяет необходимость крайне осторожного и деликатного государственного регулирования в этой сфере.

Конституционный Суд Российской Федерации рассмотрел вопрос о статусе русского языка как государственного применительно к возможности республик в составе Российской Федерации устанавливать собственные государственные языки. Введение изучения государственного языка республики в общеобразовательных учреждениях данной республики само по себе не нарушает Конституцию Российской Федерации. Однако защита и развитие языка республики, его изучение (преподавание) в рамках основного общего образования не могут осуществляться в ущерб русскому языку.

Кроме того, установление той или иной графической основы алфавита государственного языка (кириллицы, латиницы или другой) является обязательным и важным компонентом его правового статуса. Графическая основа при этом зависит не только от фонетики языка, но и в значительной степени от социально-культурного и национально-исторического контекста, а также от интересов государства в сфере международных отношений.

Графическая основа алфавитов государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик является единой. Тем самым было констатировано исторически сложившееся в Российской Федерации развитие языков народов России на графической основе кириллицы. Вместе с тем не была исключена возможность изменения графической основы алфавитов государственных языков республик, употреблявшейся ими на момент принятия Конституции Российской Федерации, однако такое изменение допустимо, если только оно преследует конституционно значимые цели, отвечает историко-культурным, социальным и политическим реалиям, а также интересам многонационального народа Российской Федерации.

КС принял очередное «соломоново» решение: инициатива республиканских властей об обязательном обучении татарскому языку в равном объеме с обучением русскому признана конституционной и правомерной, а вот перевод национального алфавита на латинскую графику без согласия федерального центра недопустим. Председатель Госсовета Татарстана Фарид Мухаметшин выходил из зала заседаний КС с такой широкой улыбкой, будто он только что одержал полную победу. (Известия, 17.11.2004)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 2019 года № 21-П «По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений

в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Г.К.Щукина»

В соответствии с Конституцией Российской Федерации права коренных малочисленных народов гарантируются государством (статья 69). Закон предоставляет коренным малочисленным народам Севера право на традиционную охоту для сохранения традиционного образа жизни, которое может быть осуществлено индивидуально или общиной при условии соблюдения установленного лимита добычи для личных нужд.

Заявитель по данному делу — этнический долган, председатель семейной (родовой) общины названного коренного малочисленного народа исходил из того, что законодательство об охоте не исключает возможность назначения общиной из числа своих членов охотников, которые добудут оленя, с учетом лимитов, приходящихся на всех членов общины. Назначенные общинами охотники по указанию заявителя произвели отстрел оленя. Однако правоприменительные органы руководствовались иным пониманием оспоренных законоположений и привлекли заявителя к уголовной ответственности за подстрекательство к незаконной охоте, полагая, что закон не допускает делегирования права на традиционную охоту.

Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил правоту заявителя и поддержал его трактовку оспоренных законоположений. Нормативное регулирование обычной охоты, связывающее право на отлов или отстрел охотничьих ресурсов с наличием статуса охотника, не может автоматически применяться к общинам коренных малочисленных народов. Право на пользование объектами животного мира выступает основой традиционного жизнеобеспечения в рамках традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, вследствие чего принадлежит всем лицам, относящимся к данной категории, вне зависимости от их фактической и юридической способности самостоятельно осуществлять добычу охотничьих ресурсов. Тем самым, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, члены общины коренных малочисленных народов вправе поручить одному или нескольким охотникам — членам общины добычу охотничьих ресурсов в пределах лимитов, установленных для каждого члена общины. На основе данного Конституционным Судом Российской Федерации толкования закона права коренных малочисленных народов получили более полную конституционно-правовую защиту.

Геннадий Щукин, председатель семейно-родовой общины коренного малочисленного народа долган, а также президент Ассоциации общественных объединений коренных малочисленных народов Севера Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края: цель его обращения в КС — защитить «престарелых, инвалидов, детей, которые ограничены в доступе к биоресурсам, поскольку у них нет ни сил, чтобы добывать их, ни права на ношение оружия». Много веков его земляки питались именно оленьим и сейчас начинают болеть от смены рациона. Судьи КС РФ сочли этот довод весьма весомым, как и тот факт, что охотниками могут быть не все члены общины, и это не должно лишать остальных права на традиционный образ жизни и режим питания. По словам адвоката Геннадия Щукина Владимира Цвиля, узнав о решении КС РФ, тот во второй раз не смог сдержать

слез. Это первое постановление КС РФ, которое касается защиты прав коренных малочисленных народов. Теперь оно должно стать знаковым решением, чтобы эти права были дополнительно гарантированы, — считает адвокат.

(Российская газета, 28.05.2019)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июля 2021 года № 32-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 3 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» и части 1 статьи 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.Ф.Данилова»

Обратившийся в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин являлся представителем саамов — одного из коренных малочисленных народов Севера. Заявитель полагал, что в силу своей этнической принадлежности он имеет право на льготную охоту, которую согласно закону могут осуществлять представители коренных малочисленных народов в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности (так называемая «традиционная охота»). Однако уполномоченные органы отказали заявителю на том основании, что он трудоустроен, получает стабильный доход, являющийся источником обеспечения его семьи, и не проживает на территориях традиционного проживания коренных малочисленных народов.

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что требование о проживании в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов в качестве одного из условий распространения на гражданина специальных гарантий обусловлено стремлением государства гарантировать положение лиц, которые ведут традиционную хозяйственную деятельность, находясь преимущественно в пределах исконной среды обитания соответствующего коренного малочисленного народа. Вместе с тем это условие не должно пониматься сугубо формально, так как проживание вне указанных мест само по себе не свидетельствует о том, что представитель этого народа утратил этническую и культурную связь со своим народом и территориями, на которых тот проживает. Эту связь, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, в ситуации заявителя необходимо было учитывать.

Что же касается «традиционной охоты», то она согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации не должна рассматриваться исключительно как единственный источник средств к существованию. В некоторых случаях такая охота может также представлять собой один из способов сохранения традиций и обычаев соответствующего коренного малочисленного народа. При этом было отмечено, что действующее регулирование не исключает того, что традиционная хозяйственная деятельность и занятие традиционными промыслами (в частности, «традиционная охота») являются подсобными видами по отношению к деятельности гражданина в иных сферах. Однако важным условием правомерной реализации гражданином, не проживающим постоянно на территориях проживания коренного малочисленного народа и осуществляющим традиционную хозяйственную деятельность в дополнение

к основной деятельности, своего права на «традиционную охоту» является учет мнения представителей коренного малочисленного народа (их общин), проживающих в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности этого народа.

Данное Конституционным Судом Российской Федерации истолкование оспоренного регулирования позволило сохранить позитивные аспекты законодательства о гарантиях прав коренных малочисленных народов. При этом был дисквалифицирован чрезмерно формальный подход, который неправомерно исключал группу граждан из числа субъектов соответствующих прав без учета специфики развития коренных малочисленных народов в современном мире.

Адвокат АП г. Москвы Евгений Жаров полагает, что КС РФ приводит интересное толкование законодательства в рассматриваемой сфере, а новое видение изменит ее регулирование. «В целом видится, что акцент при установлении определенных льгот и преимуществ делается в связи с условиями жизни коренных народов, их бытом, а не в связи с этнической принадлежностью. Этот довод подтверждается наличием исключения из правила: тем, что у граждан, не относящихся к коренным малочисленным народам, но проживающих на данных территориях, появляется притязание на получение соответствующих гарантий. Гарантии касаются и самого права на охоту, и установления специального порядка обложения объектов животного мира, пользование которыми осуществляется для удовлетворения личных нужд представителями коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ», — пояснил он.

<...> Факт проживания представителя малочисленного народа не в местах традиционного проживания его народа не свидетельствует о прекращении данного статуса, утрате связи. Суд верно отмечает, что право не может и не должно рассматриваться только в качестве средства жизнеобеспечения, оно также является и гарантией и других нужд, таких как сохранение самобытности и традиционного образа жизни. Право — это не о выживании, а о жизни, — заключил адвокат.

(Адвокатская газета, 07.07.2021)

11. ЗАЩИТА ПРАВ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 мая 1995 года № 6-П «По делу о проверке конституционности статей 21 и 16 Закона РСФСР от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» (в редакции от 3 сентября 1993 года) в связи с жалобой гражданки З.В.Алешниковой»

Родители заявительницы по данному делу были репрессированы в административном порядке как социально опасные лица, в связи с чем она вместе с семьей насильственно была выселена с места своего проживания. Родители были реабилитированы, а сама заявительница была признана пострадавшей от политических репрессий. Однако правоприменительные органы отказались признать заявительницу репрессированной и назначить ей соответствующие пенсионные выплаты. Отказ был обоснован тем, что

к моменту окончания срока примененных к ее родителям репрессивных мер заявительница не достигла 16-летнего возраста, а значит, к ней согласно оспоренным положениям не мог применяться соответствующий вид политических репрессий.

С такой трактовкой не согласился Конституционный Суд Российской Федерации. Хотя формально репрессии к детям не применялись, по существу они репрессировались, подвергались мерам принуждения, таким же, как и их родители. То есть в действительности разницы в положении с точки зрения законодательства о реабилитации у родителей и репрессированных с ними детей фактически не было. На этом основании положения законодательства, относящие детей, репрессированных вместе с родителями, к пострадавшим от политических репрессий, а не к репрессированным, были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации. Заведомо лишая категорию лиц, причем определенную исключительно исходя из возраста, права на реабилитацию, оспоренное регулирование принципиально расходилось с конституционными гарантиями компенсации причиненного деятельностью государства ущерба.

Принятое Конституционным Судом Российской Федерации решение позволило детям, находившимся вместе с родителями в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении, приобрести статус лиц, подвергшихся политическим репрессиям и подлежащих реабилитации, и получить право на соответствующие компенсации.

Отныне дети родителей, репрессированных во время «сталинского режима», выселенные с ними на спецпоселения, утрачивают ущемляющие их конституционные права «пострадавших от политических репрессий» и наравне со взрослыми признаются репрессированными по политическим мотивам. Таков вердикт первой палаты судей Конституционного Суда РФ... Федеральное Собрание должно внести соответствующие изменения в Закон о жертвах политических репрессий.

(Российские вести, 25.05.1995)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2019 года № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 13 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», пунктов 3 и 5 статьи 7, пункта 1 части 1 и части 2 статьи 8 Закона города Москвы «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения» в связи с жалобами граждан А.Л.Мейсснер, Е.С.Михайловой и Е.Б.Шашевой»

Условия получения жилых помещений, установленные оспоренными законоположениями, не позволяли заявительницам, которые родились в высылке или спецпоселении, куда были отправлены их репрессированные родители, получить жилье в Москве, где их родители жили до репрессий. Заявительницам было отказано в признании их нуждающимися в жилых помещениях, поскольку они не соответствовали требованиям, предусмотренным законодательством города Москвы, т.е. не возвращались в Москву, не имели там постоянной регистрации и, соответственно, не проживали на ее территории не менее 10 лет. Таким образом, положения федерального законодательства наделяли субъекты значительной свободой в вопросе определения условий предоставления жилых помещений жертвам репрессий. Пользуясь этой свободой, город федерального значения

Москва, в частности, требовал от лиц, чьи родители вследствие репрессий утратили жилье в этом городе, вернуться туда и прожить там в течение значительного периода только для того, чтобы встать на учет в качестве нуждающихся в жилом помещении.

Федеральный закон предусмотрел широкие полномочия субъектов по реабилитации жертв политических репрессий, но неправомерно не определил конкретный порядок реализации права реабилитированных лиц и членов их семей возвращаться туда, где они проживали до применения к ним репрессий. Это в свою очередь приводило к невозможности реализации ими, например, права на жилище. Подобная неопределенность статуса усугублялась еще и тем, что их интерес в обеспечении жилыми помещениями конкурирует с таким же интересом иных граждан, за которыми уже признано право на улучшение жилищных условий.

Дефектность оспоренного регулирования Конституционный Суд Российской Федерации усмотрел и в отсутствии специального порядка обеспечения жилыми помещениями тех лиц, за которыми признано право возвращаться туда, где проживали их родители до применения к ним репрессий. Без таких необходимых законодательных мер возмещение вреда соответствующей категории граждан в гарантированном государством объеме невозможно.

Осуждая многолетний террор и массовые преследования своего народа как несовместимые с идеей права и справедливости, Российская Федерация стремится к реабилитации жертв политических репрессий и компенсации в посильной мере нанесенного им вреда. Исходя из идеалов права и справедливости, федеральный законодатель гарантировал право вернуться в населенный пункт своего прежнего места жительства или места жительства своих родителей тем, кто в силу политических репрессий был лишен этого места жительства. И именно на уровне федерального законодательства, подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации, должны определяться все необходимые для реабилитации меры, которые в пределах собственных возможностей субъекты Российской Федерации не лишены дополнять и уточнять.

Три дочери репрессированных нашли в себе силы бороться за свое возвращение. Пройдя все судебные инстанции и дойдя до Конституционного суда, теперь они помогли тысячам людей, чьи судьбы были поломаны во время сталинских репрессий <...> Общей очереди на жилье заявительницам пришлось бы ждать буквально до ста лет. Сейчас появилась надежда на то, что правом они все же успеют воспользоваться и получат социальное жилье, как компенсацию за причиненный ущерб.
(НТВ, 10.12.2019)

12. ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2009 года № 8-П «По делу о проверке конституционности положения подпункта «б» пункта 4 Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия» в связи с запросом Верховного Суда Республики Татарстан»

В Конституционный Суд Российской Федерации обратился суд общей юрисдикции, рассматривавший иск прокурора, поданный в интересах неопределенного круга лиц. Прокурор требовал признать недействующим нормативный акт субъекта Российской Федерации, которым ряд природопользователей освобождался от платы за негативное воздействие на окружающую среду. Поскольку право принятия такого рода актов было предоставлено органам исполнительной власти субъекта Российской Федерации постановлением Правительства Российской Федерации, суд, рассматривавший дело, пришел к выводу о необходимости обращения в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке его конституционности.

Конституция Российской Федерации исходит из необходимости охраны природных ресурсов, представляющих собой основу жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. При этом ответственность перед населением за обеспечение сохранности природы несет, прежде всего, публичная власть, которая вправе и обязана урегулировать воздействие природопользователей на окружающую среду.

Эксплуатация природных ресурсов в ходе хозяйственной деятельности объективно связана с причинением ущерба окружающей среде. Вследствие этого издержки на ее восстановление должны покрываться за счет субъектов, чья деятельность оказывает вредное воздействие на природу. Целью таких экологических платежей в большей степени является сохранение природы и обеспечение экологической безопасности, а не наполнение казны за счет них.

С учетом важности сохранения окружающей среды, исключения из принципа платности природопользования, т.е. освобождение кого-либо от внесения платы за негативное воздействие на окружающую среду может осуществляться только федеральным законодателем либо по его прямому указанию. Законодательство об охране окружающей среды таких исключений не предусматривало и не наделяло Правительство Российской Федерации правом вводить их и тем более наделять таким правом органы власти субъектов Российской Федерации.

Комплексный характер природы предполагает тесную взаимосвязь входящих в нее элементов. Это означает, что изменение одного компонента окружающей среды неизбежно повлияет на природу в целом. Поэтому освобождение от уплаты экологических платежей может повлечь усугубление экологической обстановки во всем государстве. В связи с этим Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что введение каких-либо льготных условий природопользования должно быть справедливым и учитывать необходимость соблюдения баланса частных и публичных интересов. Поэтому не допускается произвольное освобождение кого-либо от платежей за негативное воздействие на окружающую среду.

Конституционный суд <...> запретил регионам предоставлять льготы предприятиям, которые наносят ущерб природе <...> По словам директора по программам организации «Гринпис» Ивана Блогова, никаких четких критериев, кому предоставлять льготы <...> не было. «Устанавливались временные согласованные нормативы вредных выбросов. Предприятия-льготники должны были существенно снизить эти выбросы в течение нескольких лет, — пояснил «НИ» эксперт. — Например, построить современные очистные сооружения». Но, по его словам, большая часть

организаций этого не сделала. От платежей, например, повсеместно освобождались местные водоканалы, которые принимали сточные воды, получая за это деньги, а потом бесплатно эти грязные воды сбрасывали.

(Новые Известия, 15.05.2009)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2013 года № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 16 Федерального закона «Об охране окружающей среды» и Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Тополь»

Оспоренное заявителем регулирование не позволяло однозначно определить субъекта платежей за негативное воздействие на окружающую среду, возникшее в связи с размещением твердых бытовых отходов. Правоприменительными органами оно интерпретировалось как допускающее взимать такие экологические платежи с организаций, собиравших и утилизировавших такие отходы.

Конституционный Суд Российской Федерации вновь повторил свою позицию о том, что издержки государства по восстановлению природной среды, которой нанесен ущерб в ходе хозяйственной деятельности, должны покрываться за счет тех, чья деятельность и оказала негативное воздействие на природу. Закон в соответствии с приведенным конституционным принципом указывал на то, что вносить плату за негативное воздействие на окружающую среду должен причинитель вреда. Вместе с тем применительно к специализированным организациям по утилизации мусора до конца было неясно, кто является причинителем такого вреда — такая организация или же субъект, передавший ей отходы для утилизации. Дефектность самого законодательства усугублялась также и резко изменившейся правоприменительной практикой, что не позволяло мусоросборным организациям предвидеть, что на них будет возложена обязанность по внесению в бюджет платы за размещение отходов. При этом перенесение именно на такие организации бремени по уплате экологического платежа сводило бы на нет его стимулирующий эффект: непосредственные производители мусора не имели бы дополнительной мотивации сокращать его количество.

Плата за негативное воздействие на окружающую среду, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, не может превращаться в инструмент чрезмерного ограничения права собственности и права на свободное использование своего имущества для предпринимательской и иной экономической деятельности. Кроме того, условия и порядок ее внесения должны быть четко и недвусмысленно определены государством.

Указанные конституционные требования в данном деле соблюдены не были. В результате Конституционный Суд Российской Федерации признал оспоренные нормы не соответствующими Конституции Российской Федерации и предписал уполномоченным органам внести необходимые изменения с тем, чтобы определить надлежащим образом субъекта внесения платы за негативное воздействие на окружающую среду. Законодатель во исполнение данного Постановления уточнил нормативное регулирование

и прямо предусмотрел, что плата за негативное воздействие на окружающую среду взимается, в частности, за хранение, захоронение отходов производства и потребления (размещение отходов).

В итоге суд решил, что <...> компании вынуждены, по сути, оплачивать чужой мусор, который им приходится лишь утилизировать. При этом хозяйствующие субъекты, деятельность которых и привела к образованию отходов, от выплат освобождены — а, следовательно, на нет сводится стимулирующее значение данного платежа. В этом аспекте оспариваемые нормы, как установил суд, противоречат Конституции РФ. Поэтому федеральному законодателю надлежит внести изменение в их правовое регулирование.

(РБК, 05.03.2013)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июня 2015 года № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье»»

Заявителем по данному делу был причинен вред лесному участку в результате разлива нефтепродуктов. Несмотря на то что причинителем вреда были проведены мероприятия по восстановлению состояния участка (сбор нефтепродуктов, замена грунта, рекультивация почвы и др.), правоприменительные органы посчитали, что это не освобождает его от обязанности денежной компенсации вреда.

Принципиальная особенность причинения вреда окружающей среде и его компенсации состоит в том, что ущерб наносится не имуществу конкретного лица, а природной среде. Такой вред трудновосполним или невозполним вовсе, а прежнее ее состояние, существовавшее до правонарушения, невозстановимо. Поэтому и его компенсация рассчитывается особым образом, т.е. на основании нормативно определенных такс и методик.

Вместе с тем такой способ определения размера компенсации не позволял учесть фактические затраты, понесенные причинителем вреда в процессе устранения им загрязнения лесов, образовавшегося в результате разлива нефти и нефтепродуктов. По существу, это создавало ситуацию, при которой причинитель вреда, безразлично относящийся к нанесенному природе ущербу и не затрачивающий усилий на его сокращение, платит только экологический штраф. В то же время точно такой же штраф вынуждена платить и организация, стремящаяся сократить причиненный вред и осуществляющая мероприятия по его компенсации в натуре.

Конституционный Суд Российской Федерации признал, что подобное регулирование расходится с конституционными принципами равенства и эффективной охраны окружающей среды. Федеральный законодатель с учетом выраженной в данном Постановлении правовой позиции дополнил правовое регулирование в части уточнения обязанностей лица, причинившего вред лесу, и предусмотрел в законодательстве об охране

о окружающей среды обязательность учета расходов, понесенных лицом, нарушившим лесное законодательство, при возложении на такое лицо обязанности по возмещению вреда, причиненного соответствующим нарушением.

«Газпром нефть» добилась в Конституционном суде (КС) права снизить компенсацию за разлив нефти, который сама ликвидировала. Теперь федеральным органам власти предписано уточнить механизм взысканий, а судам — пока учитывать «необходимые и разумные» расходы нарушителей <...> Теперь нефтяники празднуют частичную победу. «Для отрасли такое решение КС принципиально, в нем закреплены важные правовые принципы о балансе частных и публичных интересов, а также соразмерности при возмещении вреда», — считают в «Газпром нефти». Представитель «Заполярье» в КС Сергей Пепеляев добавил, что «до 40 % доходов местных бюджетов формируются за счет экологических штрафов, которые местные власти используют по своему усмотрению.

(Коммерсант, 03.06.2015)

13. ГАРАНТИИ В СФЕРЕ НАЛОГОВ И ИНЫХ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ПЛАТЕЖЕЙ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 октября 1998 года № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года «Об основах налоговой системы в Российской Федерации»

Заявители по данному делу (акционерное общество и государственное унитарное предприятие) своевременно представили в обслуживающие их банки платежные поручения на уплату налогов. Денежные средства были списаны с их счетов, однако в бюджет не поступили, что впоследствии повлекло взыскание недоимок по налогам в бесспорном порядке.

Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал правовую позицию о том, что налоговая обязанность считается исполненной в момент фактического изъятия части имущества налогоплательщика, предназначенной для уплаты налога. Такое изъятие происходит в момент списания банком с расчетного счета налогоплательщика соответствующих средств в уплату налога. Связь уплаты налога, например, с моментом зачисления платежа в бюджет ставила бы налогоплательщика в крайне зависимое положение от деятельности банка. Вина за любую задержку, ошибку в банковской системе возлагалась бы на налогоплательщика, который не по своей воле не исполнил налоговую обязанность.

Истолкование, данное оспоренным нормам Конституционным Судом Российской Федерации, позволило оградить добросовестных налогоплательщиков, которые в срок уплатили налоги, от необоснованного и произвольного взыскания недоимок. Особое значение эта гарантия приобретает с учетом того, что налоговые платежи могут взыскиваться с юридических лиц в бесспорном порядке. Организации, своевременно направившие в банк платежные поручения об уплате налогов, могли быть уверены, таким образом, что уже уплаченные ими налоги не будут взысканы повторно.

Конституционный суд России дал возможность многим предприятиям отсудить у налоговых органов значительные суммы. Налоговики считают моментом уплаты налогов поступление их в казну. И в случае банковских задержек списывали налоги с предприятий повторно. Конституционный суд изменил вчера этот порядок в пользу налогоплательщиков. Он решил, что днем уплаты налогов в казну считается день, в который средства списаны с расчетного счета налогоплательщика. Теперь налоговые органы не вправе заставлять предприятия расплачиваться за задержку банками перечисления денег в бюджет. Что касается задержек по списанию денег со счета налогоплательщика, то, по словам выступавшего экспертом по этому делу Сергея Пепеляева, ответственность за это будет нести только банк.

(ВРЕМЯ-MN, 13.10.1998)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2005 года № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А.Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа»

Поводом к рассмотрению данного дела в Конституционном Суде Российской Федерации послужили два обращения, в которых оспаривалась конституционность нормы Налогового кодекса Российской Федерации, определяющей трехлетний срок давности привлечения к налоговой ответственности. В частности, арбитражный суд, в производстве которого находилось дело о взыскании с ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» штрафа за умышленную неуплату ряда налогов, указывал в запросе на то, что решение о привлечении этого общества к налоговой ответственности было принято по истечении трех лет с момента совершения правонарушения, т.е. за пределами установленного законом срока. Однако, не предусматривая перерыв течения срока давности для случаев, когда до его окончания налогоплательщик совершает новое налоговое правонарушение, оспариваемая норма способствует тем самым умышленному неисполнению конституционной обязанности платить законно установленные налоги и фактически позволяет уклоняться от уплаты налогов недобросовестным налогоплательщикам, которые препятствуют проведению налоговых проверок.

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что взимание налогов обусловлено их публично-правовым предназначением и необходимостью покрытия публичных расходов, которые государство несет в связи с реализацией своих конституционных обязанностей по защите прав и свобод всех граждан. С учетом этого налоговым законодательством предусмотрен правовой механизм уплаты налогов и сборов, а также ответственность за совершение налоговых правонарушений, что гарантирует суверенное право государства получить с налогоплательщика в полном объеме соответствующие суммы налога, а в случае совершения налогового правонарушения — недоимку, пеню и штраф. Тем самым обеспечивается устойчивость бюджетной системы, являющейся главным фактором реализации конституционного положения о социальном государстве.

Соответственно, недобросовестные налогоплательщики, противодействовавшие проведению налогового контроля, что привело к принятию налоговым органом решения

о привлечении к ответственности за пределами срока давности, не могут получать преимущества из своего неправомерного поведения. Иное приводило бы к тому, что они оказывались бы в лучшем положении по сравнению с налогоплательщиками, которые также совершили налоговые правонарушения, однако не препятствовали проведению налоговой проверки и были с соблюдением срока давности привлечены к налоговой ответственности.

Социальная сущность истолкования, данного Конституционным Судом Российской Федерации оспоренной норме, отчетливо проявилась позднее, когда перед Конституционным Судом Российской Федерации был поставлен вопрос о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России», которым на Российскую Федерацию была наложена обязанность по выплате акционерам компании значительной денежной компенсации (Постановление от 19 января 2017 года № 1-П). В данном Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что за счет налогов, являющихся важнейшим источником доходов бюджета, обеспечивается осуществление социальной политики государства. В связи с этим выплата ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС», выстроившего незаконные схемы уклонения от налогообложения, что оказало серьезный праворазрушающий эффект и нанесло ущерб бюджетной системе России, противоречила бы конституционным принципам равенства и справедливости.

Отменяется срок давности для тех, кто мешает налоговым проверкам.

Трехлетний срок давности не распространяется на налогоплательщиков, которые мешают проведению проверок. Такое толкование 113 статьи Налогового кодекса подтвердил в четверг Конституционный суд России.

Таким образом, в законодательстве продолжает действовать норма, в соответствии с которой гражданин не может быть привлечен к ответственности за налоговое нарушение, если со дня его совершения прошло три года. Однако, если налогоплательщик препятствовал проведению проверок (и это доказано в суде), срок давности может быть отменен.

(НТВ, 14.07.2005)

«На предыдущих этапах рассмотрения дела в нидерландской юрисдикции фактически все обсуждение шло вокруг толкования российского права. Общеизвестным принципом является то, что последнее слово в толковании национального права имеет высший суд этой страны... Разъяснение Конституционного суда России «убедительное и солидное» и подтверждает то, что Россия обосновывала с самого начала зарубежного процесса по ЮКОСу в 2005 году, сказал РБК Альберт Ян ван ден Берг (партнер юрфирмы Nanotiau & van den Berg Альберт Ян ван ден Берг).

(РБК, 05.02.2021)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2008 года № 10-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого статьи 3 и пункта 3 статьи 10 Федерального закона

«О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» в связи с жалобой гражданина В.В.Михайлова»

С заявителя по данному делу были в судебном порядке взысканы расходы на осуществление исследований и экспертиз, которые орган государственной власти понес в ходе проведения контрольных мероприятий. Причем, помимо назначенного предпринимателю штрафа, уполномоченный орган потребовал возмещения стоимости проведенной в ходе проверки экспертизы. Законодательство прямо запрещало государственным органам требовать плату за проведение контрольно-надзорных мероприятий, однако предусматривало оговорку о том, что оплата исследований и экспертиз, позволивших выявить нарушение, возлагается на правонарушителя.

Государство, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, не только вправе, но и обязано осуществлять в сфере экономических отношений контрольную функцию, однако, определяя конкретные виды и процедуры государственного контроля (надзора), не вправе чрезмерно подавлять экономическую свободу и вводить несоразмерные ограничения предпринимательской деятельности. В частности, общий принцип бюджетного финансирования деятельности государственных органов не допускает возложения на предпринимателей затрат на проведение контрольно-надзорных мероприятий.

Возложение же на проверяемого субъекта обязанности компенсировать затраты на проведение исследований и экспертиз, проведенных надзорным органом, этому принципу противоречит. Такого рода плата, взимаемая с индивидуальных предпринимателей, не относится ни к налогам, ни к сборам, не является мерой какой-либо ответственности, однако носит характер обязательных платежей, взыскиваемых принудительно.

При таких обстоятельствах взыскание этой платы не отвечало бы конституционным принципам ясности и недвусмысленности регламентации полномочий и порядка деятельности контрольно-надзорных органов. Оплата исследований и экспертиз неизменно взыскивалась с юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, причем размер этой платы мог превышать размер назначенного административного штрафа. Это создавало и серьезный элемент заинтересованности в деятельности государственных органов, которые фактически компенсировали затраты на любые проведенные контрольно-надзорные мероприятия. Однако с принятием рассматриваемого Постановления подобная неконституционная правоприменительная практика исключалась.

«Это революционное решение», — заявил «Ъ» представитель заявителя, начальник юридического управления северо-западного бюро по защите прав предпринимателей «Опора России» Константин Алешин, указавший, что, «если госорганы могут взыскивать компенсацию за свои проверки, они становятся заинтересованными в результатах экспертизы».

(Коммерсант, 19.07.2008)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 марта 2009 года № 5-П «По делу о проверке конституционности положения, содержащегося в абзацах четвертом и пятом пункта 10 статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации, в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Варм»

По результатам проведенной налоговой проверки организация была привлечена к налоговой ответственности за неуплату налогов. Однако решение налоговой инспекции было впоследствии частично отменено судом. Несмотря на это вышестоящий налоговый орган в порядке контроля за деятельностью инспекции, осуществившей первоначальную налоговую проверку, провел повторную выездную проверку, по результатам которой организацию привлекли к налоговой ответственности. Заявитель в своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации утверждал, что оспариваемые нормы налогового законодательства, регулирующие вопросы проведения проверок, фактически позволяют налоговым органам пересматривать решения судов. Ведь спор между налогоплательщиком и налоговым органом по поводу уплаты налогов, как полагал заявитель, уже был разрешен в судебном порядке.

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что проверка законности и обоснованности судебных актов осуществляется лишь посредством рассмотрения дела судами апелляционной, кассационной и надзорной инстанций. Однако значение этого принципа было поставлено под сомнение практикой пересмотра актов налоговой проверки вышестоящим налоговым органом, притом что первоначальная проверка уже была оценена в судебном порядке. Такая практика налоговых органов была однозначно признана отступлением от необходимых гарантий самостоятельности, полноты и исключительности судебной власти.

С учетом данной позиции Конституционный Суд Российской Федерации признал неконституционными оспоренные нормы налогового законодательства. Иное решение привело бы к существенному сужению гарантий прав налогоплательщика и оставило бы слабую сторону в отношениях с налоговой инспекцией без надлежащей судебной защиты. Налогоплательщики же могли быть уверены, что если решение налогового органа признано незаконным, то вышестоящий налоговый орган уже не сможет эти результаты проверки пересмотреть.

КС признал не соответствующими Конституции положения статьи 89 Налогового кодекса РФ и тем самым закрыл одну из лазеек, позволявших налоговикам «кошмарить бизнес». Отныне вышестоящие налоговые органы не будут назначать повторные проверки, если по первичным налоговым проверкам состоялось судебное решение. Вице-президент ОПОРА Владислав Корочкин считает решение КС прецедентом: «Хотя нельзя сказать, что данная норма сразу заработает в полную силу и всем станет легко жить, однако такое решение КС приструнит налоговиков и снизит количество повторных проверок».

(The New Times, 23.03.2009)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 2012 года № 6-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго подпункта 2 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации»

Заявительнице по данному делу было отказано в предоставлении имущественного налогового вычета по расходам на приобретение квартиры для ее несовершеннолетней дочери. Налоговые органы отметили, что единственным собственником стала именно дочь заявительницы, а потому в данной ситуации она не вправе претендовать на вычет, хотя и понесла затраты на приобретение жилья.

Предназначение имущественного налогового вычета, предоставляемого при приобретении жилого помещения, состоит в возврате налогоплательщику части уплаченного налога на доходы физических лиц. По смыслу налогового закона для получения вычета именно налогоплательщик должен израсходовать собственные денежные средства и именно он должен приобрести в собственность объект недвижимости. В то же время такая интерпретация не учитывает, например, особенности взаимоотношений в семье, где родители нередко сами несут затраты по приобретению для своих детей жилья и его содержанию и несмотря на это не могут претендовать на налоговый вычет.

Конституционный Суд Российской Федерации ограничился выявлением конституционного смысла норм налогового законодательства и подчеркнул, что они позволяют родителю, который понес расходы на приобретение жилья для несовершеннолетнего ребенка, получить имущественный налоговый вычет по налогу на доходы физических лиц. Однако этот вычет выплачивается однократно и только в сумме фактически произведенных расходов.

Нельзя не отметить, что в рассматриваемом деле проявился комплексный характер законодательного регулирования налоговых вычетов, что было учтено Конституционным Судом Российской Федерации. Предоставление родителям имущественного налогового вычета в связи с покупкой жилья для своих детей является одним из элементов многоаспектного механизма поддержки семьи, материнства, отцовства и детства. Тем самым Конституционный Суд Российской Федерации обеспечил не только надлежащий порядок в налоговых отношениях, но и гарантированную Конституцией Российской Федерации государственную поддержку семейных институтов. Законодатель, в свою очередь, воспринял высказанную Конституционным Судом Российской Федерации правовую позицию и скорректировал нормы налогового законодательства, сделав их более удобными для граждан.

Налоговый вычет при покупке квартиры положен даже детям. Родители станут получать налоговые вычеты за несовершеннолетних детей, на имя которых приобретают жилье. В своем постановлении КС РФ констатировал, что право на получение имущественного вычета имеет любой собственник жилья, но за несовершеннолетних детей сделки совершают родители. Им же приходится нести бремя содержания квартиры, включая уплату налогов и т. д.

(Московский Комсомолец, 16.03.2012)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2018 года № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 81 и статьи 123 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «ТАИФ»

Заявитель был привлечен к налоговой ответственности за несвоевременное перечисление им, как налоговым агентом, сумм налога на доходы физических лиц. При этом правоприменительные органы отклонили доводы организации о том, что необходимые документы были поданы в налоговый орган в срок, без ошибок и до истечения налогового периода, а пени уплачены. На этом основании организация не была освобождена от налоговой ответственности и была вынуждена уплатить штраф. С формальной точки зрения оспоренные нормы позволяли освободить от налоговой ответственности только на основании уточненных документов, подаваемых в налоговый орган. Заявитель же не уточнял представленные документы и не вправе претендовать на освобождение от уплаты штрафа.

Дефект такого толкования оспоренных норм проявлялся еще и в том, что они не позволяли освободить от ответственности добросовестно действовавшего налогоплательщика, составившего изначально правильные отчетные документы. В то же время налоговый агент, представивший недостоверную налоговую отчетность и воспользовавшийся правом ее уточнения, в итоге вправе рассчитывать на то, что штраф ему назначен не будет.

Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание на отличающуюся правовую природу пеней, направленных на компенсацию ущерба бюджету, и штрафов, имеющих штрафную функцию. То есть штраф, являющийся наказанием за противоправное виновное деяние, выходит за рамки налогового обязательства. При этом неисполнение налогового обязательства не обязательно связывается с недобросовестными действиями налогоплательщика. В частности, налоговый агент даже при правильном расчете платежей по налогу на доходы физических лиц вследствие обстоятельств организационно-технического характера, связанных с удержанием данного налога, может допустить ошибки и неточности. И наличие таких непреднамеренных и незначительных ошибок позволяет налоговым органам формально законно отказывать налоговому агенту в освобождении от налоговой ответственности, несмотря на то, что он уплатил недостающую сумму налога и соответствующие ей пени.

Имея это в виду, Конституционный Суд Российской Федерации счел возможным сохранить действие норм налогового законодательства, однако дал им толкование, исключающее неконституционное их применение. Согласно выраженной в рассматриваемом Постановлении правовой позиции налоговый агент не может быть лишен права на освобождение от налоговой ответственности, если он предоставил правильную отчетность, самостоятельно уплатил необходимые суммы, а несвоевременное перечисление средств стало результатом упущения или технической ошибки. Данная позиция ориентировала налоговые органы на недопустимость формального подхода при привлечении к налоговой ответственности и позволила налоговым агентам обоснованно рассчитывать, что их добросовестные действия будут учтены государством.

Заместитель руководителя практики налогового права юридической компании «НАФКО-Консультанты» Максим Волобоев подчеркнул <...>: «Налоговые органы по формальным основаниям отказывают в освобождении от ответственности,

несмотря на то, что недоимка погашена и бюджет получил компенсацию в виде пени. Видимо, налоговикам этого мало и они хотят выжать с налогоплательщиков все, что возможно. Однако Конституционный Суд встал на защиту не только интересов налогоплательщиков, но и установил с точки зрения справедливости и равенства налогообложения, а также соразмерности содеянного действительный смысл норм ст. 81 и 123 НК РФ», — указал эксперт.

(Новая адвокатская газета, 09.02.2018)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2019 года № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 402 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.Ф.Низамовой»

Ранее действовавшее налоговое законодательство связывало исчисление налога на имущество физических лиц с инвентаризационной стоимостью недвижимого имущества. Налоговая реформа, начатая в 2014 году, предусматривала постепенный переход на расчет указанного налога по кадастровой цене имущества, что предполагало приближение оценки недвижимости к его рыночной стоимости и обеспечение более справедливого распределения налогового бремени. Поскольку в большинстве случаев рыночная стоимость имущества оказывается на порядок выше инвентаризационной, для предупреждения резкого увеличения налоговой нагрузки законодатель закрепил за субъектами Российской Федерации полномочия по установлению порядка определения налоговой базы с тем, чтобы постепенно перейти на исчисление налога по кадастровой стоимости.

Заявительнице был начислен налог на имущество, рассчитанный исходя из инвентаризационной стоимости принадлежащего ей дома, поскольку в субъекте Российской Федерации, где она проживала, еще не было принято решение об определении налоговой базы на основе кадастровой стоимости объектов недвижимости. При этом, если бы для расчета налога использовалась кадастровая стоимость жилого дома, сумма налога в случае заявительницы уменьшилась бы многократно.

Признавая оспоренное положение Налогового кодекса Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что при равных обязанностях налоговая нагрузка на равноценное имущество не может многократно различаться лишь в зависимости от региона нахождения имущества. То есть налоговое бремя не может зависеть от применяемого способа определения налоговой базы в тех субъектах Российской Федерации, которые продолжают применять инвентаризационную стоимость объектов недвижимости для целей налогообложения. Более того, налог, рассчитанный по инвентаризационной стоимости недвижимости, не может быть существенно (в 2 раза и более) выше, чем рассчитанный по его кадастровой стоимости. Иное привело бы к существенному неравенству по сравнению с собственниками аналогичного имущества, оцененного по кадастровой стоимости.

Конституционный Суд Российской Федерации дополнительно подчеркнул, что действующее законодательство не исключает определения кадастровой стоимости конкретного объекта недвижимости до завершения в субъекте Российской Федерации

общей кадастровой оценки объектов недвижимости. Поэтому, чтобы избежать несправедливого налогообложения имущества граждан, налогоплательщик вправе требовать от налогового органа использования для расчета налога на имущество сведений о кадастровой (рыночной) стоимости имущества и соответствующего размера налоговой ставки. Тем самым налогоплательщики, столкнувшиеся с несправедливым определением их налогового бремени по налогу на имущество, получили возможность обосновать необходимость снижения начисленного им налога.

«Предположение законодателя, что инвентаризационная стоимость многократно меньше кадастровой, не должно приводить к повышенному налогообложению лишь из-за того, что региональные власти в интересах большинства жителей решили отсрочить переход на новый порядок», — согласен с решением КС глава аналитической службы «Пепеляев групп» Вадим Зарипов. «Особо актуальны доводы КС о запрете на произвольное <...> определение налогового бремени на граждан, а также о реализации принципа «обоснованных ожиданий» и обязанности государства по поддержанию доверия граждан к его последовательным действиям и решениям», — говорит управляющий партнер адвокатского бюро «Бартолиус» Юлий Тай.

(Коммерсант, 18.02.2019)

14. ГАРАНТИИ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 1999 года № 9-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 266 и пункта 3 части первой статьи 267 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан Е.А.Арбузовой, О.Б.Колегова, А.Д.Кутырева, Р.Т.Насибулина и В.И.Ткачука»

Обратившиеся в Конституционный Суд Российской Федерации граждане были привлечены к административной ответственности решениями судов, которые являлись окончательными и не подлежали обжалованию. На основании этих решений к заявителям были применены меры административного взыскания, связанные с ограничением личной свободы и права собственности.

Право на судебную защиту не сводится к контролю судебной власти за действиями органов законодательной и исполнительной власти и к защите граждан от их произвола. Конституционное значение права на судебную защиту гораздо шире. В частности, оно, предусматривая гарантии от ошибочных решений суда, не просто допускает, а предполагает возможность их пересмотра. Конечно, в определенных пределах: принцип *res judicata* (обязательность исполнения судебных решений) не позволяет бесконечно и неограниченное количество раз обжаловать судебные акты. Вместе с тем эффективность судебного контроля обусловлена возможностью пересмотра дела вышестоящим судом, в особенности если нижестоящим судом были допущены существенные ошибки, повлиявшие на исход дела. В тех или иных формах (с учетом особенностей каждого

вида судопроизводства) право обращения в вышестоящий суд для пересмотра решения по делу должно быть обеспечено государством. Тем более важной эта гарантия становится в делах о привлечении к ответственности.

На основании данной позиции оспариваемые законоположения были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, поскольку они полностью исключали проверку по инициативе гражданина законности и обоснованности судебного решения о привлечении к административной ответственности еще одной судебной инстанцией. Возможность обжалования судебных актов теперь является общим правилом любого вида судопроизводства.

Единственным реальным защитником прав человека в России по-прежнему остается Конституционный суд. Вчера он вынес постановление, согласно которому граждане, подвергнутые административным взысканиям, могут обжаловать их через суд. До сегодняшнего дня решение об административном наказании принималось судом первой инстанции единожды и обжалованию не подлежало.

(Коммерсант-Daily, 29.05.1999)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2009 года № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю.Карелина, В.К.Рогожкина и М.В.Филандрова»

Один из обратившихся в Конституционный Суд Российской Федерации граждан был задержан в рамках производства по делам об административных правонарушениях, а впоследствии отпущен в связи с тем, что факты этих правонарушений не подтвердились. Посчитав, что применение к нему административного задержания повлекло причинение ему вреда, он обратился с исками к государству о его возмещении. Однако суд общей юрисдикции отказал заявителю в исках, поскольку задержания были законными: были соблюдены сроки и порядок, а также действительно имелись подозрения в совершении им правонарушений и формальные основания для задержания.

Проанализировав правовую природу административного задержания и принимая во внимание позиции Европейского Суда по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации отметил особое значение права на свободу и личную неприкосновенность и, как следствие, необходимость повышенных гарантий его защиты. Он существенно расширил гарантии защиты прав граждан от необоснованного административного задержания на срок не более 48 часов, признав за ними право на возмещение за счет казны имущественного и морального вреда, причиненного административным задержанием (а в последующих решениях — также и административным доставлением), независимо от вины конкретных должностных лиц государства в его причинении.

Освободив граждан, необоснованно подвергшихся мерам административного и уголовного принуждения, от нормативной обязанности (зачастую невыполнимой для них) по доказыванию вины должностных лиц государства, Конституционный Суд Российской Федерации гарантировал, что имущественный и моральный вред таким гражданам будет в полном объеме возмещен.

Конституционный суд поддержал задержанных. Их право жаловаться ничем не ограничено. Конституционный суд РФ (КС) вчера принял решение, которое может изменить практику незаконных административных задержаний, а также существенно расширит возможности обжалования гражданами незаконных действий властей и получения компенсации за нанесенный ущерб.

(Коммерсант, 17.06.2009)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2010 года № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В.Баталова, Л.Н.Валуевой, З.Я.Ганиевой, О.А.Красной и И.В.Эпова»

Одна из заявительниц по данному делу вместе со своим сыном ввезла в Российскую Федерацию товары, которые не задекларировала надлежащим образом на таможне. По результатам товароведческой экспертизы было установлено, что среднерыночная стоимость ввезенных товаров превышала тот размер, в котором товары могли ввозиться без таможенного декларирования. Это стало основанием для возбуждения уголовного дела, которое, однако, было прекращено, так как стоимость товаров, принадлежащих ей и сыну в равных долях, не позволяла привлечь ее к уголовной ответственности. Тем не менее заявительница была признана виновной в совершении административного правонарушения за недекларирование товаров. При этом в стоимость предмета административного правонарушения правоприменительные органы включили ту часть стоимости товара, в пределах которой закон предоставляет полное освобождение от уплаты таможенных пошлин.

При декларировании физическими лицами ввозимых ими на таможенную территорию Российской Федерации товаров для личного использования они обязаны уплатить таможенные пошлины, которые исчисляются исходя из заявленной таможенной стоимости этих товаров, отражающей затраты на их приобретение за пределами Российской Федерации. Однако правоприменительные органы исходили из возможности расчета таможенной стоимости на основании рыночной стоимости товаров в Российской Федерации, что приводит к произвольному определению сумм таможенных платежей и, как следствие, к необоснованному привлечению к ответственности за их неуплату. Такое законодательное регулирование было признано не отвечающим конституционным принципам ясности и недвусмысленности правовой нормы, а потому не соответствующим Конституции Российской Федерации. Кроме того, недопустимо включать в стоимость товара ту ее часть, которая разрешена к ввозу без письменного декларирования,

поскольку противоправным образом перемещаемой через таможенную границу Российской Федерации является только та часть стоимости товаров, которая превышает сумму, разрешенную к ввозу без письменного декларирования.

Еще одна важная позиция была высказана Конституционным Судом применительно к сроку давности привлечения к административной ответственности. В данном деле он исчислялся с момента прекращения ранее возбужденного уголовного дела. Такой подход, по существу, ставил исчисление срока давности в зависимость от правоприменительных действий и от решений, принимаемых в рамках расследования по уголовному делу (которое может приостанавливаться, сроки которого могут продлеваться, причем неоднократно). Тем самым административное законодательство фактически позволяло увеличивать срок давности привлечения к административной ответственности на неопределенное время, что принципиально расходится с конституционными основами порядка привлечения к ответственности. Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации такая интерпретация закона была исключена. Законодатель прямо предусмотрел, что в случае отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела сроки давности начинают исчисляться со дня совершения административного правонарушения (при длящемся административном правонарушении — со дня его обнаружения).

КС в итоге встал на сторону заявителей. Суд признал, что цены на товары в стране приобретения могут быть существенно ниже, чем в России, к тому же рыночная цена в разных регионах РФ может быть разной и многократно изменяться. Одновременно КС распространил на весь ввозимый гражданами импорт действие своего принятого в 2008 году постановления. <...> КС тогда постановил, что незаконным можно считать только ввоз части валюты, превышающей разрешенную. Вчера КС указал, что с точки зрения таможенных отношений «валюта является товаром» и подход к оценке действий нарушителей должен быть аналогичным. Одновременно КС запретил перекладывать ответственность за ошибки в квалификации деяния на подозреваемых в его совершении, установив, что срок давности для любых административных нарушений должен исчисляться с момента их обнаружения. Глава юридической конторы Гессена адвокат Андрей Тындик считает решение КС только «первым шагом» к решению проблемы.

(Коммерсант, 14.07.2010)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2011 года № 6-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 3.7 и части 2 статьи 8.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «СтройКомплект»

Заявитель по данному делу являлся собственником лесозаготовительной машины, которую передал другим лицам по договору аренды. Машина была конфискована как орудие административного правонарушения, совершенного указанными лицами, причем заявителю было отказано в возможности принять участие в рассмотрении дела об административном правонарушении.

Положения закона, которые допускали конфискацию орудия совершения административного правонарушения независимо от того, принадлежит ли это имущество правонарушителю, были признаны неконституционными. К тому же законодательство не позволяло ограничиваться только наказанием в виде штрафа, которое было бы обращено именно к лицу, совершившему правонарушение. Дефектность оспоренного регулирования Конституционный Суд Российской Федерации усмотрел в том, что конфискация как мера административного наказания, по существу, была направлена на собственника орудия правонарушения. Однако он мог не быть виновным в совершении правонарушения, но тем не менее подвергался ограничениям права собственности. Кроме того, неконституционность положений административного законодательства была усмотрена еще и в том, что оно не позволяло привлечь к делу об административном правонарушении самого собственника, заинтересованного в защите своих имущественных прав.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации обеспечило надлежащей защитой добросовестных собственников, чье имущество помимо их воли стало орудием противоправной деятельности. Принимая во внимание правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, законодатель предусмотрел исключение, согласно которому не назначается конфискация орудия или предмета правонарушения, если они принадлежат лицу, не привлеченному к административной ответственности за данное административное правонарушение и не признанному в судебном порядке виновным в его совершении.

КС запретил конфискацию арендованного имущества, если не доказана вина его собственника в совершении правонарушения. <...> Решение защитит добросовестных собственников, имущество которых помимо их воли оказалось орудием правонарушения.

(Газета.Ру, 25.04.2011)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2013 года № 1-П «По делу о проверке конституционности положения части 5 статьи 19.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Маслянский хлебоприемный пункт»

Заявителю по данному делу было назначено административное наказание в виде административного штрафа в размере трехсот тысяч рублей. Совершенное организацией правонарушение не было признано малозначительным, а возможность снижения значительного для нее штрафа, который и так был минимальным в пределах, предусмотренных соответствующей нормой, законом не предусматривалась.

Государство в конституционно значимых целях вправе вводить необходимые меры, направленные на их защиту. Не исключает и введения административной ответственности за посягательство на то или иное благо. Вместе с тем административное наказание и, в частности, административный штраф не может из меры воздействия, направленной на предупреждение административных правонарушений, превращаться в инструмент

подавления экономической самостоятельности и инициативы и чрезмерного ограничения свободы предпринимательства и права собственности.

Однако законодательство об административных правонарушениях, предусматривая общие правила назначения административного наказания и конкретные недифференцированные штрафы, не исключает, что даже минимальный размер штрафа, составляющий значительную сумму, может оказаться несоразмерным в обстоятельствах конкретного дела. Исходя из этого, Конституционный Суд Российской Федерации признал, что невозможность снижения антимонопольным органом или судом назначаемого юридическому лицу наказания в виде штрафа не согласуется с Конституцией Российской Федерации. Тем самым правоприменительные органы были обязаны подходить к вопросу определения суммы штрафа с точки зрения справедливости и соразмерности. Из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации прямо следует, что не допускается назначать штраф, если даже минимальный его размер окажется чрезмерным и не будет соотноситься с масштабом конкретного правонарушения. В таких ситуациях необходимо рассматривать вопрос о снижении штрафа ниже низшей границы, предусмотренной законом.

Конституционный суд РФ защитил малый бизнес от огромных штрафов. Согласно позиции суда, штрафы для нарушителей антипономольного законодательства должны обеспечивать соразмерность наказания. <...> В случае, если вина предпринимателей в нарушении тех или иных законов оказалась доказанной, штрафовать их теперь будут, учитывая размер их бизнеса. Для этого, по решению суда, необходимо подкорректировать КоАП РФ, поскольку пока действующее законодательство не позволяет судам снижать штрафы для бизнесменов по своему усмотрению.

(РБК, 17.01.2013)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2017 года № 35-П «По делу о проверке конституционности части 13 статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Ю.А.Рейнхиммеля»

Заявитель был привлечен к административной ответственности за нарушение правил дорожного движения с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств. Постановление об административном правонарушении, направленное заявителю на следующий день после его вынесения, было им получено в срок, который исключал предусмотренную законом возможность оплаты штрафа в половинном размере, т.е. по истечении двадцати дней. То есть гражданин не по своей вине был лишен возможности воспользоваться предусмотренной законодательством льготой по уплате штрафа.

Исходя из интереса в повышении собираемости штрафов за нарушение правил дорожного движения, федеральный законодатель предусмотрел в законодательстве об административных правонарушениях специальную льготу: правонарушитель, оперативно оплачивающий штраф, мог сделать это в половинном размере от назначенного наказания. Однако двадцатидневный срок, в течение которого гражданин мог

воспользоваться данной льготой, начинал исчисляться с момента вынесения постановления о вынесении административного штрафа. Это предопределяет обязанность федерального законодателя обеспечить надлежащий порядок ознакомления правонарушителя с указанным постановлением, в особенности если оно было вынесено с использованием специальных средств (дорожных камер).

В этом случае не исключается несвоевременное получение гражданином постановления о назначении штрафа вследствие объективных и не зависящих от действий должностных лиц или правонарушителя причин, например в связи с задержкой в ходе почтовой пересылки необходимых документов.

Таким образом, отсутствие возможности восстановления сроков для льготной уплаты штрафа не согласуется с конституционными принципами равенства и справедливости и противоречит Конституции Российской Федерации. Значительное количество автовладельцев благодаря данному Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации получили законный способ отстоять право уплаты штрафа в льготном размере.

Миллионы автовладельцев получили право восстановить 20-дневный срок уплаты штрафа со скидкой, который был просрочен из-за медленной работы почты по доставке «письма счастья». Соответствующее постановление вынес Конституционный суд (КС) РФ, теперь должны быть внесены изменения в КоАП РФ. В Госдуме заявили, что готовы привести кодекс в соответствие с решением КС. Это будет сделано с помощью законопроекта, в котором ГИБДД обяжут выкладывать в сеть в течение суток фото- и видеоматериалы нарушений ПДД, а автовладельцы смогут вообще отказаться от получения бумажных «писем счастья», контролируя и уплачивая штрафы через интернет.

(Коммерсант, 06.12.2017)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 февраля 2019 года № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 15.332 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки У.М.Эркеновой»

Оспоренные нормы предусматривали административную ответственность за непредставление в Пенсионный фонд Российской Федерации документов персонифицированного пенсионного учета. Заявительница, являющаяся индивидуальным предпринимателем, в порядке, предусмотренном пенсионным законодательством, была привлечена к ответственности за представление не в полном объеме необходимых документов как страхователь. Впоследствии те же обстоятельства послужили основанием для привлечения ее к административной ответственности, предусмотренной оспариваемым законоположением, но уже как должностного лица.

Конституционный Суд Российской Федерации признал конституционно обоснованным одновременное введение ответственности за нарушения, связанные с подачей документов персонифицированного учета, как для страхователей, так и для должностных лиц. Такой порядок исходит из того, что указанные категории не совпадают

в одном лице, и позволяет обеспечить своевременное представление необходимой информации органам Пенсионного фонда Российской Федерации. Вместе с тем правовое регулирование не учитывало особенностей деятельности индивидуальных предпринимателей, которые не только являются страхователями по смыслу пенсионного законодательства, но и несут (по общему правилу) административную ответственность как должностные лица.

Законодательство устанавливает абсолютный запрет несения кем-либо административной ответственности дважды за одно и то же административное правонарушение. Этот принцип, имеющий конституционное значение, распространяется и на случаи привлечения лица одновременно к административной ответственности и к иной публично-правовой ответственности, носящей карательный, а не восстановительный характер. Однако специальные нормы, определяющие соотношение мер ответственности, предусмотренных пенсионным регулированием и законодательством об административных правонарушениях, отсутствовали. Это приводило к тому, что нарушение требований законодательства о персонифицированном пенсионном учете, допущенное индивидуальным предпринимателем, могло стать основанием для привлечения и к ответственности, предусмотренной пенсионным законодательством, как страхователей, и к административной ответственности как должностных лиц.

Исходя из этого, Конституционный Суд Российской Федерации констатировал, что права заявительницы были нарушены оспоренными нормами, и признал их не соответствующими Конституции Российской Федерации. Правовая позиция, выраженная в данном Постановлении, позволила избежать многим индивидуальным предпринимателям необоснованного привлечения к административной ответственности. Законодатель, в свою очередь, включил в закон оговорку о том, что административная ответственность, установленная оспоренной нормой, не применяется в отношении граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица.

КС также указал, что правовая коллизия <...> стала возможной потому, что законодательные акты не содержат критериев, позволяющих разделить понятия «страхователь» и «должностное лицо» для целей привлечения к ответственности. В то же время очевидно, что если обязанности по предоставлению сведений в ПФР нарушило юрлицо, то виновна и компания в целом, и отдельный сотрудник. Однако в случае ИП обе эти ипостаси совмещает один человек. Поэтому оказывается нарушен конституционный принцип равенства перед законом, ведь индивидуальный предприниматель оказывается в худшем положении по сравнению с юридическими лицами и гражданами, для которых в данном случае не возникает риск быть подвергнутым наказанию дважды.

(Российская газета, 07.02.2019)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 2020 года № 36-П «По делу о проверке конституционности статей 15, 16, части первой статьи 151, статей 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»

Федерации, частей 1, 2 и 3 статьи 24.7, статей 28.1 и 28.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также статьи 13 Федерального закона «О полиции» в связи с жалобами граждан Р.А.Логинова и Р.Н.Шарафутдинова»

Заявители по данному делу были привлечены к административной ответственности, однако затем производства по делам об административных правонарушениях с их участием были прекращены вследствие отсутствия события или состава административного правонарушения или же ввиду недоказанности обстоятельств соответствующего дела. Необоснованность привлечения заявителей к административной ответственности была подтверждена судами, пересмотревшими их дела об административных правонарушениях. Однако правоприменительные органы в выплате соответствующей компенсации отказали, поскольку заявителями не было подтверждено, что они понесли убытки вследствие виновных незаконных действий должностных лиц.

Вопрос возмещения таких расходов действительно не был урегулирован законодательством об административных правонарушениях. Однако Конституционный Суд Российской Федерации посчитал, что это не препятствует возмещению расходов гражданам, в отношении которых дела были прекращены, например, в связи с отсутствием события или состава правонарушения. Тем более что ранее Конституционным Судом Российской Федерации уже высказывались позиции относительно возмещения вреда, причиненного административным задержанием (Постановление от 16 июня 2009 года № 9-П).

При этом возмещение соответствующих расходов не может обуславливаться необходимостью доказывания незаконности действий (бездействия) государственных органов или их должностных лиц или наличия вины должностных лиц в незаконном административном преследовании. Применение общего правила, согласно которому возмещение расходов одной стороны правового спора осуществляется другой его стороной, в данной ситуации не предполагает, что только виновные незаконные действия должностных лиц могут приводить к выплате компенсации.

Конституционный суд РФ обратил внимание на отсутствие механизма возмещения судебных расходов лицам, судебное преследование которых в связи с административными правонарушениями было прекращено. Ссылки на положения ГПК РФ в подобных случаях КС счел несостоятельными и постановил, что суды не имеют права отказывать гражданам в возмещении расходов на оплату услуг защитника и иных затрат.

(Российская газета, 17.07.2020)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2020 года № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной

инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области»

В рассматриваемом Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации столкнулся с проблемой, ставшей актуальной для всего мира, — допустимость и обоснованность введения ограничений свободы передвижения в связи с распространением коронавируса. В Конституционный Суд Российской Федерации обратился с запросом суд общей юрисдикции, который рассматривал дело о привлечении к административной ответственности гражданина, который в период действия ограничений по пребыванию граждан в общественных местах нарушил установленный правовым актом главы субъекта Российской Федерации запрет и покинул место своего проживания. В своем запросе суд указывал на то, что соответствующие ограничения являлись несоразмерными и были введены губернатором с превышением полномочий.

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что жизнь и здоровье человека представляют собой высшее благо, без которого утрачивают свое значение многие другие блага и ценности, поэтому на государстве лежит ответственность, в частности, за обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения, в том числе за счет введения ограничений свободы передвижения. Необходимость принятия таких мер наряду с другими мерами борьбы с пандемией подтверждается опытом других государств. Меры изоляции и самоизоляции граждан по месту их проживания (пребывания), получившие международное обозначение *lockdown*, не являются особенностью Российской Федерации.

Это подтверждает экстраординарный характер ситуации, в которой высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации осуществляло оперативное (опережающее) правовое регулирование, впоследствии (спустя незначительный период) легитимированное правовыми актами федерального уровня. В условиях необходимости введения быстрых мер само по себе такое опережающее регулирование на уровне регионов не может расцениваться как неконституционное.

Что же касается ограничения на покидание места проживания, то оно было обусловлено объективной необходимостью оперативного реагирования на беспрецедентную угрозу распространения коронавирусной инфекции, имело исключительный характер и преследовало конституционно закрепленные цели защиты жизни и здоровья всех лиц, включая в первую очередь самих граждан, подвергнутых временной изоляции. Соразмерность данного ограничения проявляется прежде всего в разумных и недискриминационных исключениях из общего правила о запрете покидать место своего проживания. Кроме того, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, правоприменительные органы не ограничены исключительно формальными рамками перечня исключений из указанного правила и вправе учесть и другие обстоятельства, свидетельствующие об уважительности причин, по которым гражданин был вынужден покинуть место своего проживания (пребывания).

Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу о том, что оспариваемые положения обеспечивают справедливый баланс между необходимостью защиты жизни и здоровья населения в условиях сложной эпидемиологической ситуации, с одной стороны, и обеспечением возможности передвижения — с другой.

Данное Постановление позволило органам публичной власти в рамках, очерченных конституционными критериями обоснованности и соразмерности ограничения прав и свобод, продолжить борьбу с распространением коронавируса.

Суд подтвердил, что право граждан на свободное передвижение неоспоримо, и обратил внимание на то, что правоприменительные органы не должны ограничиваться формальной констатацией нарушения правил передвижения. КС рекомендовал учитывать уважительные обстоятельства, ставшие причиной проступка. <...> Тем не менее КС сделал вывод, что забота о сохранении и укреплении жизни и здоровья граждан «образует одну из основополагающих конституционных обязанностей государства». Суд называет ограничительные меры «проявлением одной из форм социальной солидарности, основанной на взаимном доверии государства и общества» <...>

Выводы, которые сделал КС, совершенно обоснованны, считает завкафедрой теории государства и права юрфака РАНХиГС Сергей Комаров.

«Решение Конституционного Суда совершенно правильное. В самом деле, свобода передвижения не является абсолютом и может быть обусловлена определенными рамками, дабы она не наносила ущерб реализации других прав и свобод», — сказал он «Эксперту Online».

В качестве примера юрист приводит всем известные правила дорожного движения. ПДД четко запрещают передвижение по оговоренным участкам и территориям (например, по пешеходным зонам), и это ни в коей мере не означает, что они нарушают конституционное право граждан на свободу перемещения.

В числе других нормативных актов, которые ограничивают свободу перемещения на законном основании, Комаров называет правила проведения митингов и демонстраций: «Если многотысячная толпа идет по проезжей части, она этим сама по себе ограничивает свободу на перемещение тех граждан, которые по этой проезжей части передвигаются на автомобилях», — поясняет он.

(Журнал «Эксперт», 29.12.2020)

15. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ И В ИНЫХ СЛУЧАЯХ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 14-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В.Щелухина»

Гражданин В.В.Щелухин обвинялся в совершении преступлений и содержался под стражей в следственном изоляторе. В ходе производства по делу санкционированный срок содержания под стражей истек, однако решение о его продлении соответствующими должностными лицами принято не было. При этом суд отказал обвиняемому в удовлетворении жалобы на незаконность и необоснованность ареста, поскольку действовавшая в то время часть пятая статьи 97 УПК РСФСР не включала в срок содержания под стражей то время, в течение которого обвиняемый и его защитник знакомились с материалами уголовного дела.

В.В.Щелухин продолжал содержаться под стражей фактически на неопределенное в будущем время — сроки следствия и ареста были приостановлены, а возможность защитить свое конституционное право на свободу в судебном порядке фактически отсутствовала. Это послужило основанием для обращения заявителя в Конституционный Суд Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации столкнулся с ситуацией, когда обвиняемый содержался в следственном изоляторе даже после того, как решение о его заключении под стражу или продлении соответствующего срока исчерпало себя, прекратило свое действие, а значит — вообще без юридического основания. Парадоксально, но это в полной мере соответствовало действовавшему в то время уголовно-процессуальному закону.

Между тем содержание под стражей в качестве меры пресечения без необходимых оснований, должной процедуры и вне каких-либо определенных или контролируемых сроков придает ограничению права на свободу произвольный характер, а значит — недопустимо ни в силу действия статьи 22 Конституции Российской Федерации, ни согласно общепризнанным нормам и принципам международного права.

Обеспечить же права лица, заключенного под стражу, гарантировать соразмерность продолжения содержания под стражей социально оправданным целям этой меры пресечения способен эффективный судебный контроль.

В результате вынесения Постановления оспариваемая В.В.Щелухиным норма признана неконституционной и утратила силу, а каждому лицу, обвиняемому в совершении преступления, гарантировано право обжаловать в суд законность и обоснованность содержания под стражей на любом этапе уголовного судопроизводства.

Принятым в 2001 году и вступившим в силу с 1 июля 2002 года УПК Российской Федерации учтены правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации относительно судебных гарантий права на свободу и личную неприкосновенность, между тем и нормы нового Кодекса впоследствии становились предметом конституционной проверки. Так, в Постановлении от 22 марта 2005 года № 4-П Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил правовые позиции о недопустимости произвольного и не контролируемого судом продления сроков содержания под стражей, содержания обвиняемого под стражей без судебного решения после направления уголовного дела на рассмотрение в суд, заочного ареста.

Что же касается Постановления от 13 июня 1996 года № 14-П, то масштабность принятого решения, объем нормотворческой и практической работы для его реализации повлекли необходимость предоставления Судом законодателю отсрочки его исполнения.

Содержание граждан под стражей без необходимых оснований, должной процедуры и вне каких-либо определенных или контролируемых сроков не соответствует конституционному принципу соразмерного ограничения прав и свобод. Так постановил Конституционный суд РФ <...>

Впервые за всю практику деятельности КС России исполнение ключевого пункта его решения отложено на шесть месяцев. Тем самым суд дал законодателю возможность решить вопрос об изменении УПК с учетом постановления КС в части обеспечения прав каждого на свободу <...>

Отсрочка исполнения решения КС необходима еще и потому, что немедленное исполнение решения КС неминуемо повлечет массовое освобождение из-под ареста многих обвиняемых, отчего могут пострадать как интересы других граждан, так и интересы следствия. И вся вина за это легла бы на плечи судей КС. Все остальные пункты решения КС подлежат немедленному исполнению. Это дает право обвиняемым, содержащимся под стражей, в том числе и тем, кто находится на стадии ознакомления с материалами дела, уже сейчас обжаловать в суд законность и обоснованность их нахождения в местах предварительного заключения.

(Независимая газета, 15.06.1996)

Беспрецедентное решение принял сегодня КС РФ. В центре судебного разбирательства на сей раз оказались не разборки между ветвями власти или политическими деятелями, а права конкретного человека и, прежде всего, право на свободу, даже если продолжительность этой свободы исчисляется днями или часами.

(РТР, 13.06.1996)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 1998 года № 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан»

В Конституционный Суд Российской Федерации обратились 14 граждан, которые в разное время, при различных обстоятельствах, в рамках разных уголовных дел были обвинены в совершении преступлений и привлечены к суду.

Общим для всех из них оказался установленный УПК РСФСР запрет до вынесения приговора обжаловать любые решения, которые принимали суды, рассматривая их уголовные дела. При этом в большинстве случаев такие решения были связаны с применением в отношении заявителей меры пресечения в виде заключения под стражу.

Тем самым, несмотря на то, что судебное решение о помещении в следственный изолятор, продлении срока заключения под стражей, равно как и иные решения, принимаемые судом при рассмотрении дела, могли оказаться ошибочными, возможность проверки их вышестоящим (кассационным) судом вплоть до вынесения приговора по делу закон не предусматривал.

Рассматривая это дело, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что возможность проверки законности и обоснованности судебных решений, влекущих применение мер пресечения, включая содержание под стражей, недопустимо ограничивает право граждан на судебную защиту. Тот факт, что эти решения могут быть проверены после окончательного разрешения уголовного дела, одновременно с рассмотрением кассационной жалобы на приговор, не восполняет указанный недостаток — тем более права осужденных уже нельзя восстановить в полном объеме, даже отменив приговор.

Лишение гражданина возможности прибегнуть к судебной защите для отстаивания своих прав и свобод, кроме того, противоречит конституционному принципу охраны

достоинства личности (статья 21 Конституции Российской Федерации), в силу которого личность в ее взаимоотношениях с государством рассматривается как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов.

Постановлением Конституционного Суда нормы УПК РСФСР, ограничивавшие право обвиняемых на обжалование решений судов, признаны неконституционными, и законодателем впоследствии в закон внесены изменения, гарантировавшие подсудимым право на незамедлительное обжалование решений суда первой инстанции, затрагивающих конституционные права и свободы, в частности сопряженных с применением мер пресечения или иных принудительных мер.

В ныне действующем УПК Российской Федерации законодатель предусмотрел специальные нормы, гарантирующие скорейший доступ к суду лица, заключенного под стражу, в силу которых подача апелляционных жалоб на соответствующее решение и судебное разбирательство осуществляются в сокращенные сроки (не более трех суток).

Заявителям же по данному делу было обеспечено право на рассмотрение их жалоб на решения судов первой инстанции в вышестоящем суде.

Конституционный суд (КС) вынес решение, благодаря которому российские следственные изоляторы (СИЗО) могут опустеть более чем наполовину. КС признал не соответствующей Конституции одну из самых «тоталитарных» статей Уголовно-процессуального кодекса (УПК) — 331-ю. Статья гласит, что обвиняемый не может обжаловать в суде высшей инстанции примененную к нему судом меру пресечения (например, содержание под стражей) <...>

По словам уполномоченного по правам человека Олега Миронова, судьи зачастую забывают о существовании таких возможностей, как залог и поручительство. «Поручительство, кстати, было достаточно широко распространено в советское время, когда провинившегося брал на поруки, например, трудовой коллектив, — сказал он. — Но сегодня об этом почему-то забыли и чаще всего используется содержание под стражей. В половине случаев можно было бы ограничиться подпиской о невыезде».

Но — ура! После постановления КС большинство обитателей СИЗО, скорее всего, смогут покинуть их негостеприимные стены. Для этого пострадавшим нужно подать кассационную жалобу об изменении меры пресечения в вышестоящий суд.

(ВРЕМЯ-MN, 06.07.1998)

КС занялся проверкой этой части УПК после многочисленных жалоб граждан, которые в разное время и при разных обстоятельствах были привлечены к уголовной ответственности. Их дела подлежат теперь рассмотрению с учетом настоящего постановления, что вызвало в зале заседаний, где присутствовали представители заявителей, нескрываемую радость.

(ИТАР-ТАСС, 02.07.1998)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 марта 2002 года № 6-П «По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С.С.Маленкина, Р.Н.Мартынова и С.В.Пустовалова»

Обратившиеся в Конституционный Суд Российской Федерации граждане Р.Н.Мартынов и С.В.Пустовалов поставили вопрос о том, что вопреки статье 22 Конституции Российской Федерации, допускающей арест, заключение под стражу и содержание под стражей на срок более 48 часов исключительно на основании судебного решения, нормами действующего закона допускалась возможность задерживать подозреваемого без судебного решения и сверх этого срока, а у прокурора сохранялось полномочие избрать в отношении обвиняемого меру пресечения в виде заключения под стражу.

Разрешая этот вопрос, Конституционный Суд Российской Федерации отметил следующее.

Принятие Конституции Российской Федерации в 1993 году обусловило необходимость установления переходного периода (конкретные временные границы которого определены не были), в течение которого законодатель обязан внести изменения в действующее законодательство с тем, чтобы нормы о применении ареста (заключения под стражу) и содержании под стражей только на основании судебного решения и о предельном 48-часовом сроке задержания лица до вынесения судебного решения вошли в качестве обязательного элемента уголовно-процессуального закона.

При этом в случаях, когда право, для защиты которого необходимо принятие закона, непосредственно закреплено в Конституции Российской Федерации, исполнение подобной обязанности должно осуществляться скорейшим образом. Между тем даже принятый в 2001 году УПК Российской Федерации сохранял прежний порядок задержания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу, что, как констатировал Конституционный Суд Российской Федерации, является отступлением от провозглашенных Конституцией Российской Федерации процессуальных гарантий права на свободу и личную неприкосновенность, нарушением принципа непосредственного действия прав и свобод человека и гражданина, обязанности государства признавать и гарантировать их в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права.

Принятым Постановлением признаны неконституционными нормы законодательства, сохраняющие внесудебный порядок заключения под стражу. С 1 июля 2002 года задержание до судебного решения на срок свыше 48 часов, арест (заключение под стражу) и содержание под стражей без судебного решения в Российской Федерации исключены.

Вчера Конституционный суд (КС) произвел революцию в системе уголовно-процессуального законодательства. С 1 июля нынешнего года аресты и задержание на срок свыше 48 часов будут производиться только по постановлению суда.

(Коммерсант, 15.03.2002)

Юрий Баграев, адвокат финансового директора компании «Медиа-МОСТ»
Антон Титов:

— У меня самое положительное отношение к принятому решению. На мой взгляд,

оно является очень своевременным. Наконец-то ликвидированы противоречия между УПК и Конституцией, в частности ее 22-й статьей <...> Теперь решение об аресте будет принимать суд, и мне кажется, что в этом случае решения будут более беспристрастными и объективными.

(Независимая Газета, 15.03.2002)

Вердикт КС вполне можно считать началом судебной реформы, основанной на доминировании норм российской Конституции <...> Решение КС России по идее должно положить конец арестам по подозрению и содержанию под стражей без достаточных оснований. То есть на волю должны выйти сотни тысяч человек, которые сейчас находятся в СИЗО, порой по несколько месяцев, без предъявления обвинения.

(Версия, 18.03.2002)

Эти, а также ряд иных решений Конституционного Суда Российской Федерации фактически определили параметры нового уголовно-процессуального регулирования, обеспечивающего конституционные гарантии свободы человека, по существу носили характер уголовно-процессуальной реформы.

Вместе с тем конституционно-правовые аспекты регулирования мер принуждения, ограничивающих личную свободу граждан, остаются постоянным предметом внимания Конституционного Суда Российской Федерации. Так, Конституционный Суд Российской Федерации признал недопустимым автоматическое продление срока содержания под стражей при поступлении уголовного дела в суд — без вынесения нового судебного решения по итогам исследования обстоятельств, влекущих необходимость ограничения свободы (Постановление от 22 марта 2005 года № 4-П), обязал законодателя устранить неопределенность, связанную с отсутствием в УПК Российской Федерации норм, регламентирующих продолжительность домашнего ареста (Постановление от 6 декабря 2011 года № 27-П), указал на необходимость обеспечения разумности срока содержания под стражей в рамках принципов справедливости и равенства (Постановление от 16 июля 2015 года № 23-П), давая толкование положениям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, определяющим избрание меры пресечения в виде домашнего ареста, при этом указал, что федеральный законодатель вправе продолжить совершенствование правового регулирования мер пресечения, в том числе в направлении их дифференциации, с учетом требования соразмерности содержания мер процессуального принуждения тяжести подозрения, обвинения, выраженной в том уголовном наказании, которое в соответствии с законом может быть назначено приговором суда (Постановление от 22 марта 2018 года № 12-П).

Принятые решения повлекли внесение соответствующих изменений в уголовно-процессуальный закон, учтены практикой и уголовно-процессуальной доктриной.

Больше всего радовалась оглашенному вчера решению представитель Думы в КС (и один из главных авторов УПК) Елена Мизулина. «Хвала суду! Это революционное решение!» — воскликнула она после того, как огласили постановление.

(Независимая газета, 23.03.2005)

Безусловно, это тенденция к гуманизации законодательства, потому что такие ситуации происходят постоянно, напоминает исполнительный директор консалтинговой компании Heads и адвокат Никита Куликов. «Чем дольше идет следствие, тем больше формальных причин для содержания под стражей. Это решение Конституционного суда подстегнет следователей к более внимательному отношению к своим обязанностям: возможно, процессы перестанут затягивать хотя бы по легким делам», — надеется Куликов.

(Ведомости, 23.07.2015)

Это хорошая новость, говорит общественный уполномоченный по защите предпринимателей от необоснованных арестов Александр Хуруджи: условия содержания под домашним арестом, конечно, лучше, чем в СИЗО, но это тоже арест, предприниматель лишается возможности управлять бизнесом, и последствия, как правило, бывают плачевны. «Мы давно предлагаем залог как альтернативу аресту, но, по данным нашего мониторинга, насколько сокращается количество предпринимателей в СИЗО — настолько же больше их отправляется под домашний арест. Поэтому разъяснение Конституционного суда можно только приветствовать», — резюмирует Хуруджи.

(Ведомости, 25.03.2018)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2019 года № 38-П «По делу о проверке конституционности положений статей 1070 и 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 22 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в связи с жалобой гражданки А.»

Предметом внимания Конституционного Суда Российской Федерации стал и специфичный для отечественной правовой системы институт помещения подростков в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел.

Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство не признает такую процедуру ни мерой пресечения, ни видом уголовного наказания. В то же время этот правовой институт, фактически лишаящий свободы лицо, совершившее общественно опасное деяние до достижения возраста уголовной ответственности, обнаружил ряд конституционно значимых проблем, связанных с гарантиями личной свободы и компенсацией вреда, причиненного ее лишением.

Так, судья районного суда удовлетворил ходатайство представителя органа полиции о помещении 13-летней Д. в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей на срок до 30 суток — в связи с совершением ею до достижения возраста уголовной ответственности противоправных деяний, а также для защиты ее жизни и здоровья, предупреждения совершения повторных общественно опасных действий и в целях проведения индивидуальной профилактической работы.

Решением вышестоящего суда данное судебное решение отменено как незаконное и необоснованное, с направлением дела на новое судебное разбирательство, по итогам которого несовершеннолетняя была освобождена. Мать девочки, сочтя, что трехнедельным содержанием в центре по впоследствии отмененному судебному решению

ее дочери причинен моральный вред, обратилась в суд с соответствующим исковым заявлением, однако в его удовлетворении было отказано, поскольку закон не предусматривал компенсацию в данном случае, с чем согласились вышестоящие суды.

В своем решении Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что особенности режима пребывания в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей позволяют рассматривать нахождение там как лишение свободы в конституционно-правовом смысле. Следовательно, вопрос о помещении в центр должен решаться при обеспечении всех неотъемлемых для этого гарантий — в состязательном процессе, позволяющем стороне воспользоваться правом на получение юридической помощи, высказывать свои доводы и опровергать представленные материалы. После тщательного и всестороннего исследования обстоятельств дела и оценки всех материалов суд принимает решение, законность и обоснованность которого может быть проверена вышестоящим судом.

В случае же признания решения о помещении в центр незаконным несовершеннолетнему должна быть обеспечена возможность возмещения вреда (в том числе морального), независимо от вины должностных лиц правоохранительных органов и суда. При определении размера компенсации суд должен учитывать в числе прочего продолжительность нахождения в центре, условия содержания, а также иные обстоятельства в контексте их позитивного или негативного влияния на несовершеннолетнего.

Конституционный Суд Российской Федерации признал дело гражданки Д. подлежащим пересмотру в контексте данных им разъяснений.

Адвокат АП Тверской области Алексей Иванов указал, что постановление КС положительно повлияет на судебную практику рассмотрения ходатайств о помещении в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей <...>

Адвокат МКА «СЕД ЛЕКС», старший партнер «Альтависта» Валерия Аршинова отметила наличие в постановлении очень важного вывода о том, что особенности режима пребывания в ЦВСНП позволяют рассматривать нахождение там как лишение свободы <...> Валерия Аршинова добавила, что подобные правовые позиции Конституционного Суда также имеют практическое значение для законодательного процесса в ходе внесения изменений и дополнений в действующие законы или при принятии нового.

(Адвокатская газета, 04.12.2019)

Конституционный суд РФ разрешил родителям несовершеннолетних детей требовать компенсацию за определение ребенка в спецприемник.

(Российская газета, 04.12.2019)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2021 года № 29-П «По делу о проверке конституционности положений статей 106, 110 и 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А.Филиппова»

Конституционный Суд Российской Федерации указал, что никто не может быть поставлен под угрозу возможного обременения на неопределенный или слишком

продолжительный срок, а законодатель обязан установить четкие и разумные временные рамки допускаемых ограничений прав и свобод, в том числе при применении такой меры пресечения, как залог. В связи с этим судебное постановление или определение, которым было отказано в удовлетворении ходатайства об отмене меры пресечения в виде залога или изменении ее на более мягкую, подлежит самостоятельному апелляционному обжалованию до вынесения итогового судебного решения по делу.

Конституционный суд указал, что залогодатель вправе ходатайствовать об отмене залога дознавателю, следователю либо в суд <...> Ходатайство следует удовлетворить, если на момент его рассмотрения все обязательства исполнены, а сохранение залога существенно затрагивает права залогодателя. При отмене залога можно избрать другую меру пресечения, уточняет суд.

(ВГТРК-Vesti.ru, 21.06.2021)

Адвокат Александр Иноядов, руководитель уголовной практики BMS Law Firm, считает внесенные Конституционным судом изменения важными для реализации прав залогодателей. Он напомнил, что статья 118 УПК обязывает суд учитывать имущественное положение залогодателя только при избрании меры пресечения. Сейчас залогодатели не могут эффективно обжаловать принятое ранее решение о сумме залога в случае существенного изменения своего имущественного положения. Устранение выявленного КС пробела в законодательстве позволит обжаловать промежуточные решения, принимаемые по вопросам залога не только в случаях обращения на него взыскания и до вынесения итогового решения по делу.

(Право.ru, 21.06.2021)

Выраженная КС позиция, безусловно, будет полезна на практике, уверен партнер МКА «Князев и партнеры» Алексей Сердюк. Впредь те лица, которым вынесен судебный отказ об изменении залога на более мягкую меру пресечения, смогут обжаловать его, не дожидаясь постановления приговора.

(Независимая газета, 22.06.2021)

16. ПРАВО НА ПОМОЩЬ АДВОКАТА С МОМЕНТА ФАКТИЧЕСКОГО НАЧАЛА ПРИМЕНЕНИЯ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И.Маслова»

2 октября 1997 года в рамках расследования по уголовному делу следственными органами был произведен обыск по месту жительства гражданина В.И.Маслова, после чего он был принудительно доставлен в региональное управление по борьбе

с организованной преступностью, где удерживался более 16 часов. За это время в отношении него был проведен ряд других следственных действий — опознание, допрос в качестве свидетеля, очная ставка.

В ответ на ходатайство В.И.Маслова об обеспечении помощи адвоката (защитника) следователь разъяснил ему, что в соответствии с частью первой статьи 47 УПК РСФСР такая помощь предоставляется только обвиняемому (с момента предъявления обвинения) и подозреваемому (после объявления ему протокола задержания или постановления о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу), а поскольку В.И.Маслов пока по своему процессуальному положению является свидетелем, его просьба не может быть удовлетворена.

Протокол же о задержании в качестве подозреваемого был объявлен В.И.Маслову после того, как он уже длительное время находился в положении фактически задержанного и в отношении него были проведены опознание, допрос в качестве свидетеля и очная ставка.

После предъявления В.И.Маслову обвинения осуществляющий его защиту адвокат заявил ходатайство об ознакомлении с протоколами следственных действий, проведенных с участием В.И.Маслова до признания его подозреваемым, в чем ему было отказано, так же как и в производстве выписок из материалов, предоставленных для ознакомления, на том основании, что, по мнению следователя, в силу части второй статьи 51 УПК РСФСР эти права защитник может реализовать лишь после окончания следствия.

Прокуратура и суд, рассматривавшие жалобы заявителя и его защитника, не усмотрели каких-либо нарушений права пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента задержания.

В.И.Маслов обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой, в которой поставил вопрос о проверке конституционности норм закона, не гарантирующих каждому право на помощь адвоката (защитника) с момента фактического задержания и не обеспечивающих право защитника на ознакомление с материалами уголовного дела, которые были получены до признания его подзащитного подозреваемым. Заявитель полагал, что его конституционным правам в уголовном процессе причинен невосполнимый ущерб, поскольку они не были реализованы на важной для защиты стадии процесса; по сути, реализация права на защиту и права пользоваться помощью адвоката (защитника) была поставлена в зависимость от усмотрения следственных органов.

Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил правоту заявителя. В силу изложенной в Постановлении правовой позиции, поскольку конституционное право на помощь адвоката (защитника) не может быть ограничено федеральным законом, то применительно к его обеспечению понятия «задержанный», «обвиняемый», «предъявление обвинения» должны толковаться в их конституционно-правовом, а не в придаваемом им УПК РСФСР более узком смысле. В целях реализации названного конституционного права необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование.

Поскольку в отношении гражданина осуществляются следственные и иные действия — в целях его изобличения или свидетельствующие о наличии подозрений против него, постольку ему должна быть безотлагательно предоставлена возможность

обратиться за помощью к адвокату (защитнику), что позволит получить должное представление о своих правах и обязанностях, о выдвигаемом обвинении и, следовательно, эффективно защищаться.

Конституционный Суд Российской Федерации также констатировал, что отказ защитнику в ознакомлении с материалами следствия, которые были добыты с участием подозреваемого или стали ему известны иным образом до признания его подозреваемым, как и ограничение права защитника выписывать из материалов, с которыми он был ознакомлен до окончания следствия, любые сведения и в любом объеме не имеют разумного основания, не могут быть оправданы интересами следствия или иными конституционно значимыми целями, допускающими соразмерные ограничения прав и свобод.

Оспоренная В.И.Масловым часть первая статьи 47 УПК РСФСР признана неконституционной и утратила силу. Заявителю предоставлена возможность обратиться за защитой своих прав и законных интересов, которые могли быть нарушены применением неконституционных законоположений.

Важность вынесенного Конституционным Судом Российской Федерации постановления трудно переоценить. Практические работники нередко ссылаются на данное решение как на «правило (прецедент) Маслова». Само же его принятие по своему значению сопоставляется с появлением в США «правила Миранды» (решение Верховного Суда США от 13 июня 1966 года по делу «Миранда против штата Аризона»), согласно которому каждому разъясняется и обеспечивается право на помощь адвоката с момента ареста или лишения личной свободы властями каким-либо иным способом.

Ныне действующий УПК Российской Федерации прямо предусмотрел возможность участия защитника в уголовном деле с момента начала осуществления мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления.

Право на адвоката защитил Конституционный суд <...> Вердикт КС означает, что, если вас задержали хотя бы на несколько минут или в чем-то едва заподозрили, вы имеете полное право немедленно воспользоваться услугами адвоката. (Коммерсант, 28.06.2000)

Конституционный суд России огласил по-настоящему сенсационное решение <...> Отныне любой гражданин, проходящий по делу свидетелем, имеет право пользоваться услугами профессионального адвоката <...> Нет запрета адвокату знакомиться с материалами дела в полном объеме и что-либо оттуда выписывать. Суд подчеркнул, что данные запреты лишь результат сложившейся правовой практики, следовательно, не имеют силу закона. Иными словами, они тоже отменены. Таким образом, можно констатировать, что в отечественной правоохранной практике наметилась очередная революция.

(Новые Известия, 28.06.2000)

17. НЕДОПУСТИМОСТЬ ВЫПОЛНЕНИЯ СУДОМ ФУНКЦИЙ ОБВИНЕНИЯ

Согласно Конституции Российской Федерации правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом (статья 118, часть 1); судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону (статья 120, часть 1); судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон (статья 123, часть 3).

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1996 года № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края»

Органом внутренних дел были собраны материалы (протокольное производство) о совершении гражданином преступления, предусмотренного статьей 207 «Угроза убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества» УК РСФСР, и с санкции прокурора направлены в районный суд с тем, чтобы суд в соответствии с нормами действовавшего процессуального закона возбудил уголовное дело и привлек виновного к уголовной ответственности. Судья же, изучив представленные материалы, пришел к выводу о неконституционности норм, на основе которых ему предстояло принять соответствующее решение, и обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке их конституционности.

Рассматривая дело, Конституционный Суд Российской Федерации исходил из того, что исключительную компетенцию судебной власти составляет осуществление правосудия, а потому никакой иной орган не может принимать на себя функцию отправления правосудия, и в то же время на суд не может быть возложено выполнение каких бы то ни было функций, не согласующихся с его положением органа правосудия.

Возбуждение уголовного преследования и поддержание обвинения перед судом является задачей специальных органов — дознания, предварительного следствия и прокуратуры. Суд же обязан проверять результаты их деятельности, объективно и беспристрастно решая вопрос о законности и обоснованности выдвигаемых против лица обвинений, а также рассматривая жалобы на действия и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство на досудебных стадиях.

Более того, наделение суда полномочием возбуждать уголовное дело и формулировать по нему обвинение не согласуется с требованиями объективности и беспристрастности суда. Судья, возбудив в отношении конкретного лица уголовное дело и сформулировав обвинение, оказывается связанным такими своими решениями. Это затрудняет для судьи объективное исследование и правовую оценку в судебном заседании обстоятельств дела, тем более что вынесение оправдательного приговора или иного решения в пользу подсудимого может восприниматься как свидетельство ошибочности его прежних выводов по данному делу.

Тем самым в числе прочего наносится серьезный ущерб доверию, которое должны внушать органы правосудия в демократическом обществе.

Кроме того, возбуждая уголовное дело и формулируя обвинение против конкретного лица, суд неизбежно оказывается на стороне обвинения, что порождает неравенство сторон и нарушает конституционный принцип состязательности.

Исходя из изложенного Конституционный Суд Российской Федерации признал неконституционными положения УПК РСФСР, предписывающие суду возбуждать уголовное дело по материалам, подготовленным органом дознания (органом внутренних дел) в протокольной форме.

Отныне по протокольным материалам судья не должен формулировать обвинение, не может возбуждать (или не возбуждать) уголовное дело. Формулировать и возбуждать станет орган дознания, то есть автор протокола, который должен получить еще и санкцию прокурора. Судье останется назначить заседание.

(Газета «Сегодня», 29.11.1996)

Судей освободили от чужой работы. Положения части первой статьи 418 действующего Уголовно-процессуального кодекса России, наделяющие судью полномочиями возбуждать уголовное дело по подготовленным в протокольной форме материалам о преступлении, признаны вчера не соответствующими Конституции РФ. Принимая такое решение, Конституционный суд России руководствовался статьями Конституции, согласно которым каждому гарантируется защита независимым судом, и следовательно, судами в Российской Федерации должно осуществляться правосудие, но не уголовное преследование.

(Независимая газета, 29.11.1996)

Выводы, к которым пришел Конституционный Суд Российской Федерации, были положены в основу другого значимого решения по схожему вопросу.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2000 года № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П.Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации»

В Конституционный Суд Российской Федерации обратилась гражданка И.П.Смирнова, в отношении которой районный суд по собственному усмотрению возбудил уголовное дело, избрал меру пресечения в виде заключения под стражу, соединил с уголовным делом в отношении ее сестры и направил в органы прокуратуры для дополнительного расследования. В Конституционный Суд Российской Федерации также поступил запрос Верховного Суда Российской Федерации в связи с рассмотрением Судебной коллегией по уголовным делам в порядке кассации дела гражданина О.Н.Рыбакова, в отношении которого, несмотря на наличие постановления следователя о прекращении уголовного преследования, районный суд возбудил уголовное дело и дал конкретные указания следствию о сборе уличающих О.Н.Рыбакова доказательств.

Оба заявителя поставили перед Конституционным Судом Российской Федерации вопрос о конституционности полномочий суда по возбуждению уголовных дел в отношении нового лица и избранию ему меры пресечения.

Рассматривая дело, Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил, что возбуждение уголовного дела как проявление функции уголовного преследования должно осуществляться одной из сторон в состязательном процессе, а именно государственным обвинителем и (или) потерпевшим, и не относится к судебной деятельности по осуществлению правосудия, не может быть возложено на суд, так как это противоречит принципам независимости, объективности и беспристрастности в судопроизводстве. Не имеет конституционных оснований и полномочие суда при возбуждении уголовного дела в отношении нового лица применить к нему меру пресечения, поскольку в таких случаях это сопряжено непосредственно с обоснованием самим судом подозрения в совершении преступления, что является всецело функцией уголовного преследования.

В случаях, когда суд в процессе рассмотрения уголовного дела приходит к выводу о наличии фактических данных, свидетельствующих о признаках преступления, он должен, воздерживаясь от утверждений о достаточности оснований подозревать конкретное лицо в совершении этого преступления и от формулирования обвинения, направлять соответствующие материалы для проверки поводов и оснований к возбуждению уголовного дела в органы, осуществляющие уголовное преследование, которые обязаны в этих случаях немедленно реагировать на факты и обстоятельства, установленные судом, и принимать необходимые меры.

Уголовное дело заявительницы И.П.Смирновой признано подлежащим пересмотру.

По существу, названными постановлениями был разрешен один из ключевых для конструкции состязательного уголовного процесса вопросов. Вступивший в законную силу в 2002 году УПК Российской Федерации наделил суд в рамках требований независимости и беспристрастности исключительными полномочиями по разрешению вопросов о производстве действий и принятии решений, ограничивающих конституционные права граждан, о признании лица виновным в совершении преступления и назначении уголовного наказания.

Со вчерашнего дня судам общей юрисдикции запрещено возбуждать уголовные дела. Отныне суды не смогут выполнять функции обвинения. Вчера КС признал неконституционными действия статей УПК, регламентирующих порядок возбуждения судами уголовных дел.

(Коммерсант, 15.01.2000)

Конституционный Суд вынес в пятницу давно назревший вердикт: суды общей юрисдикции не вправе отныне отправлять уголовные дела на дополнительное расследование и возбуждать дела в отношении новых лиц <...>

Таким образом, рушится порочная практика, когда из-за нерасторопности или загруженности судов уголовные дела, возбужденные по менее тяжким статьям УК, после доследования превращаются в статьи более тяжкие.

(Vesti.RU, 14.01.2000)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 1999 года № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород»

В Конституционный Суд Российской Федерации обратился Иркутский районный суд Иркутской области, который, рассматривая уголовное дело, установил, что предварительное следствие проведено неполно и в содержание предъявленного подсудимым обвинения не включены указания на ряд тяжких последствий, что в силу действовавшего законодательства являлось основанием для направления уголовного дела судом для производства дополнительного расследования.

В другом случае в судебном заседании Советского районного суда города Нижний Новгород государственный обвинитель отказался от обвинения и ходатайствовал о возвращении уголовного дела для дополнительного расследования, о чем суд вынес соответствующее решение. Однако такое решение было отменено вышестоящим судом, дело возвращено в суд для рассмотрения по существу, и суду предписано, несмотря на отказ государственного обвинителя от поддержания обвинения, продолжить разбирательство и разрешить вопрос о виновности или невиновности подсудимых, в связи с чем судья обратился с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации.

В поступивших запросах поставлен вопрос о конституционности полномочий суда, направленных на восполнение недостатков предварительного расследования и обоснование обвинения.

Конституционный Суд Российской Федерации указал, что от суда нельзя требовать осуществления функций, несовместимых с его независимым статусом. Инициирование судом продолжения следствия для обоснования обвинения (в случаях неполноты дознания или следствия, при наличии основания для предъявления другого обвинения или изменения на более тяжкое, в том числе существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от предъявленного), по сути, свидетельствует о выполнении не свойственной ему обвинительной функции. Если органы уголовного преследования не смогли доказать виновность обвиняемого в полном объеме и тем более если прокурор и потерпевший отказались от поддержания обвинения в суде (полностью или частично), то это должно приводить — в системе действующих уголовно-процессуальных норм при их конституционном истолковании — к постановлению в отношении обвиняемого оправдательного приговора или обвинительного приговора, констатирующего виновность обвиняемого в менее тяжком преступном деянии.

В ситуации же, когда суд обязан после отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения продолжить разбирательство дела и разрешить на общих основаниях вопрос о виновности или невиновности подсудимого, функция поддержания обвинения переходит фактически к самому суду, и он должен обеспечивать выявление и исследование обосновывающих данное обвинение доказательств, что прямо противоречит Конституции Российской Федерации.

Соответствующие нормы закона, наделявшие суды полномочиями по восполнению недостатков обвинительной деятельности и обоснованию обвинения, признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации.

Поистине сенсационное постановление вынес вчера Конституционный суд РФ. В соответствии с ним российские суды лишаются права отправлять дела на доследования в том случае, когда дело еще не готово к слушанию в суде. Это, по сути, означает, что, если вина подсудимого не может быть доказана в суде, он должен быть отпущен на свободу <...> Специалисты полагают, что решение Конституционного суда произведет настоящий переворот в судебной системе нашей страны.

(Вечерняя Москва, 21.04.1999)

Вчерашнее решение КС приближает российское законодательство к уровню европейского, в основе которого лежит принцип презумпции невиновности. Теоретически суды должны стать более независимыми и милосердными. А прокуратуре и следствию придется более тщательно относиться к сбору доказательств и изучению дел. Права на ошибку у них больше нет.

(Русское Бюро Новостей, 21.04.1999)

В последующем вследствие принятия решений Конституционного Суда Российской Федерации подвергались коррекции и нормы УПК Российской Федерации. Так, Постановлением от 2 июля 2013 года № 16-П признана не соответствующей Конституции Российской Федерации часть первая статьи 237 данного Кодекса в той мере, в которой она препятствовала самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона в случае, если он пришел к выводу, что установленные им фактические обстоятельства являются основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления. В результате законодательных изменений в такой ситуации суд наделен полномочием возвратить уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, что не равнозначно дополнительному расследованию или иному восполнению недостатков обвинительной деятельности судом.

Теперь судьям предоставлено право исправлять ошибки следствия. Согласно постановлению КС, суд уполномочен самостоятельно давать окончательную правовую оценку обстоятельствам дела, а безусловное следование лишь позиции стороны обвинения или защиты означало бы недопустимое ограничение этой самостоятельности <...> Адвокат Валериан Асландзия решение КС считает революционным. Дело его доверителя подлежит пересмотру.

(Российская газета, 03.07.2013)

Постановление от 21 ноября 2017 года № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В.Ченского»

На практике возникали ситуации, когда лицо задерживалось по подозрению в совершении преступления, но после освобождения его уголовно-процессуальный статус был неопределенным. Конституционный Суд Российской Федерации указал,

что суды не вправе обязывать органы предварительного расследования возбуждать, прекращать либо возобновлять уголовное преследование в отношении конкретного лица. Однако это не препятствует суду дать оценку законности и обоснованности оспариваемых действий (бездействия) или решений, которые способны затруднить доступ граждан к правосудию либо причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, в том числе праву на охрану достоинства личности, на защиту своей чести и доброго имени и на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти и их должностных лиц. С учетом этого было признано полномочие суда при рассмотрении жалобы на бездействие следователя, выразившееся в неприятии решения о процессуальном статусе лица (сперва задержанного, затем — после освобождения — допрошенного в качестве свидетеля), разрешить, в том числе в целях признания за ним права на реабилитацию и восстановления законности, вопрос о необходимости принятия следователем такого решения.

«Постановление КС важное, фактически райсуд уводил следователя от ответственности», — считает вице-президент Федерального союза адвокатов Сергей Попов. Задержание по подозрению означает автоматическое приобретение статуса подозреваемого и уголовное преследование, пояснил он. Но следователь, хотя и перевел заявителя в свидетели, ни уголовного преследования не прекратил, ни полагающихся подозреваемому гарантий ему не предоставил. <...> Суд не вправе обязать следователя прекратить уголовное преследование, но он вправе признать бездействие незаконным, согласен с КС адвокат. Он также отметил важность указания КС, что в случае неисполнения решения суда об устранении нарушений следователя надо привлекать к ответственности.

(Коммерсантъ, 22.11.2017).

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июня 2021 года № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.К.Михайлова»

Конституционным Судом Российской Федерации признана обязанность судов при рассмотрении жалоб на решения об отказе в возбуждении уголовного дела давать им содержательную оценку с точки зрения законности и обоснованности выбора основания для такого отказа. Прекращение в связи с отсутствием состава преступления возможно только после установления наличия и совершения конкретным лицом самого общественно опасного деяния, содержащего объективные признаки преступления.

«Решение КС — это сигнал судебной системе при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК (на отказ в возбуждении уголовного дела, прекращение дела и так далее), — считает Ольга Истомина из адвокатской группы «Санкта-Лекс». <...> «КС подчеркнул необходимость проверки всех имеющихся в деле

фактов хотя бы для того, чтобы верно установить основание для отказа в возбуждении уголовного дела, а это «уже большой плюс», — отмечает Истомина. С ней согласен адвокат АБ «Q&A» Роман Нефедов. По его словам, «фактически КС разрешил судам оценивать на досудебной стадии решения следователя не только по формальным признакам, но и давать оценку фактическим обстоятельствам. Такой подход является струей свежего воздуха, расширяя полномочия судов, установленные ст. 125 УПК».

(Право.ru, 16.06.2021)

Председатель президиума КА «Лапинский и партнеры» Владислав Лапинский положительно оценил выводы КС. «Указанное конституционное судебное толкование имеет огромное значение для правоприменительной практики, так как сложился правовой обычай, согласно которому следователи «на всякий случай» прекращали уголовные дела за отсутствием состава преступления даже тогда, когда нет самого события такого деяния», — отметил он.

Адвокат АБ «А2К» Дмитрий Хомич назвал выводы Суда долгожданными для адвокатского сообщества, потому что они предельно ясно конкретизируют следующий постулат: сначала нужно установить событие преступления и только потом давать оценку вине конкретного лица.

(Адвокатская газета, 17.06.2021)

18. ПРАВО НА ЗАКОННЫЙ СУД В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 1998 года № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьи 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан»

В Конституционный Суд Российской Федерации обратился гражданин Н.А.Ковалев, возражавший против его осуждения и назначения уголовного наказания Приморским краевым судом, которому уголовное дело было передано по распоряжению заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации, а не Сахалинским областным судом, в регионе деятельности которого было совершено преступление. Сходная ситуация произошла в гражданском деле граждан Ю.Я.Карабаева, Р.К.Карабаевой и С.Ю.Карабаева, которое без их согласия было передано для рассмотрения из Промышленного районного суда в Октябрьский районный суд города Ставрополя по указанию председателя вышестоящего суда.

По мнению заявителей, рассмотрение их конкретных дел не теми судами, к подсудности которых они отнесены законом, привело к нарушению конституционного права на законный суд.

Конституционный Суд Российской Федерации указал, что согласно Конституции Российской Федерации подсудность дел определяется законом, а значит, им должны быть закреплены критерии, которые в нормативной форме (в виде общего правила) предопределяли бы, в каком суде подлежит рассмотрению то или иное гражданское

либо уголовное дело, что позволило бы суду (судье), сторонам и другим участникам процесса избежать неопределенности в этом вопросе, которую в противном случае приходилось бы устранять посредством правоприменительного решения, т.е. дискреционным полномочием правоприменительного органа или должностного лица, и тем самым определять подсудность дела не на основании закона.

Вместе с тем в интересах правосудия законодатель предусмотрел и обстоятельства, при которых участие судьи в рассмотрении дела, отнесенного к его подсудности, недопустимо в силу невозможности обеспечить беспристрастность суда. Чтобы исключить произвольный выбор суда или судьи, закон, допуская такую передачу, должен закреплять и ее надлежащий процессуальный механизм (в том числе определять уровень и территориальное расположение суда, в который дело может быть передано, судебную инстанцию, которая могла бы подтвердить наличие оснований для передачи), а также обеспечивать право на обжалование соответствующего решения, принимаемого в виде судебного акта.

В итоге оспоренные нормы были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они допускали передачу дела из одного суда, которому оно подсудно, в другой суд без принятия соответствующего процессуального судебного акта и при отсутствии указанных в самом процессуальном законе точных оснований (обстоятельств), по которым дело не может быть рассмотрено в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, и, следовательно, подлежит передаче в другой суд.

Вступивший в силу новый УПК Российской Федерации закрепил процессуальный механизм обеспечения права каждого на законный суд. Между тем практика выявила необходимость его совершенствования, в частности в силу нечеткости оснований для изменения территориальной подсудности уголовных дел, что повлекло отсутствие единства судебной практики. Ряд законодательных и практических изменений в этой плоскости состоялся в результате принятия Конституционным Судом Российской Федерации Постановления от 9 ноября 2018 года № 39-П, которым констатирована возможность изменения территориальной подсудности уголовного дела судьей Верховного Суда Российской Федерации в рамках состязательного разбирательства в случае, если на соответствующей территории сохраняется фактическое влияние обвиняемого (обвиняемых) на деятельность государственных и общественных институтов, которое создает угрозу гарантиям объективного и беспристрастного правосудия.

Названные и иные решения Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам уголовного правосудия фактически обозначили новую модель уголовного процесса, направленную на реализацию конституционных требований независимости и беспристрастности суда, принципов разделения властей, состязательности судопроизводства и равноправия сторон, на базе которой конструировался новый уголовно-процессуальный закон (УПК Российской Федерации).

Передача дел из одного суда в другой может осуществляться лишь на основании соответствующего процессуального судебного акта, заявил Конституционный суд.
(ИТАР-ТАСС, 16.03.1998)

19. ЗАЩИТА ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Согласно статье 52 Конституции Российской Федерации права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом; государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Оценивая конституционность регулирования вопросов, касающихся участия потерпевшего в уголовном судопроизводстве, Конституционный Суд Российской Федерации основывается на правовой позиции, в силу которой правовой статус лица в качестве потерпевшего устанавливается исходя из его фактического положения и лишь процессуально оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда о признании потерпевшим, но не формируется им, поскольку обеспечение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, а наличием определенных существенных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующих прав. При этом право граждан на судебную защиту относится к таким правам, которые в силу статьи 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации не могут быть ограничены ни при каких условиях.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 ноября 1995 года № 13-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 209 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Р.Н. Самигуллиной и А.А.Апанасенко»

Р.Н.Самигуллина, признанная потерпевшей по уголовному делу, возбужденному по факту гибели ее брата О.Н.Самигуллина, неоднократно обращалась в органы прокуратуры и суды с жалобами на постановление следователя о прекращении данного дела за отсутствием состава преступления. Суды отказали ей в рассмотрении этих жалоб, ссылаясь на то, что согласно части пятой статьи 209 УПК РСФСР постановление о прекращении уголовного дела, вынесенное в ходе предварительного следствия, может быть обжаловано только прокурору и в связи с этим обжалованию в суд не подлежит. Утверждая, что названная норма ограничивает конституционные права потерпевшего на доступ к правосудию и судебную защиту, Р.Н.Самигуллина обратилась с жалобой в Конституционный Суд Российской Федерации.

Жалоба с аналогичным требованием поступила в Конституционный Суд Российской Федерации от А.А.Апанасенко, которому судами различных инстанций также было отказано в принятии жалобы на постановление следователя о прекращении уголовного дела, возбужденного по факту гибели его сына — военнослужащего А.А.Апанасенко.

Конституционный Суд Российской Федерации согласился с доводами заявителей, констатируя, что участники уголовного процесса, чьи права и законные интересы затрагиваются прекращением производства по делу, оказались лишенными права обратиться за защитой в суд. В результате вопреки положениям статей 46, 52 и 56 Конституции Российской Федерации ограничивается право граждан на судебную защиту, а решение о прекращении уголовного дела выводится из-под судебного контроля.

Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации оспоренная норма по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, признана неконституционной, а дела граждан Р.Н.Самигуллиной и А.А.Апанасенко — подлежащими пересмотру в установленном порядке.

Действующий уголовно-процессуальный закон прямо гарантировал каждому потерпевшему, а равно любому лицу, чьи права и законные интересы затронуты соответствующим решением следователя, право на его судебное обжалование, а также обжалование принятого по данному вопросу судебного решения во все предусмотренные законом вышестоящие судебные инстанции.

Судьи не стали отменять спорную статью: во-первых, прописанный в УПК порядок обжалования прокурору не противоречит Основному закону, во-вторых, без статьи 209 этот порядок вообще становится непонятным. КС вынес лексически довольно замысловатое решение <...> Говоря проще, сохранен порядок прекращения дела — прокурором, но рассматривать жалобу на его решение отныне суды будут обязаны.

<...> Очевидно, что будет расширяться практика прямого применения статей Основного закона и по другим поводам, а это потребует изменений менталитета и привычки судейского корпуса, без чего реформа российской судебной системы невозможна.

(Газета «Сегодня», 14.11.1995)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2013 года № 14-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», частей первой и четвертой статьи 2441 и пункта 1 части первой статьи 2446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Е.Поповой»

В Конституционный Суд Российской Федерации обратилась гражданка А.Е.Попова, которой, по ее утверждению, был причинен тяжкий вред здоровью в результате медицинского хирургического вмешательства в 1986 году персоналом больницы г. Братска. Заявительница неоднократно обращалась в органы прокуратуры с заявлениями о возбуждении по данному факту уголовного дела, а также с жалобами на решения об отказе в удовлетворении ее требований.

Лишь в 1999 году по заявлению А.Е.Поповой было возбуждено уголовное дело по факту неоказания помощи больному. Впоследствии — вплоть до 2010 года должностными лицами многократно (более пятидесяти раз) приостанавливалось, прекращалось, возобновлялось производство по данному делу. В итоге уголовное дело было окончательно прекращено в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

В 2011 году А.Е.Поповой судом возвращено заявление о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок с указанием на то, что право

на подачу такого заявления у нее не возникло, поскольку по возбужденному уголовному делу подозреваемые или обвиняемые лица не установлены.

По мнению заявительницы, длительное непринятие мер по надлежащему расследованию обстоятельств причинения ей физического, имущественного и морального вреда повлекло для нее значительные убытки, которые невозможно возместить, если по возбужденному по данному факту уголовному делу не установлен подозреваемый или обвиняемый.

Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что Конституция Российской Федерации возлагает на федерального законодателя решение вопроса о процедуре доступа потерпевших к правосудию в целях защиты своих прав и законных интересов и компенсации причиненного ущерба — конституционно важно при этом, чтобы этот доступ был реальным и обеспечивал ему эффективное восстановление в правах.

Соответственно, как потерпевший, так и иное заинтересованное лицо, обратившееся в защиту своих прав с требованием возбудить уголовное дело, не могут быть лишены права на судебную защиту и на доступ к правосудию лишь потому, что по данному уголовному делу не установлены подозреваемые или обвиняемые, т.е. отсутствуют формальные основания для начала публичного уголовного преследования конкретного лица от имени государства в связи с совершенным преступным деянием и, соответственно, для последующих процессуальных действий органов дознания и предварительного следствия, на которые возлагаются обязанности по раскрытию преступлений, изобличению виновных, формулированию обвинения и его обоснованию, для того чтобы уголовное дело могло быть передано в суд, разрешающий его по существу и тем самым осуществляющий правосудие. При этом в заявлении о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок должны быть указаны известные подающему это заявление лицу обстоятельства, повлиявшие, по его мнению, на длительность судопроизводства по делу, в том числе свидетельствующие о бездействии дознавателя, следователя, прокурора, руководителя следственного органа, о многократной отмене решений об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении производства по уголовному делу, о прекращении уголовного дела, незаконность которых подтверждена решениями прокурора, руководителя следственного органа или суда, вынесенными в установленном законом порядке.

С учетом конституционно-правового истолкования оспоренных заявительницей норм впоследствии в законодательство внесены изменения и дополнения, исключившие возможность отказывать потерпевшим в принятии к рассмотрению заявлений о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок по одному лишь формальному основанию — в связи с тем, что подозреваемый или обвиняемый по данному уголовному делу не был установлен, — если имеются данные, свидетельствующие о непринятии должных мер судом, прокурором, руководителем следственного органа, следователем, органом дознания, дознавателем, необходимых в целях своевременного осуществления досудебного уголовного судопроизводства.

Дело же А.Е.Поповой признано подлежащим пересмотру в установленном порядке. Ее заявление о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок было рассмотрено судом по существу.

«...Очень хорошо, что Конституционный суд принял такое решение» <...> — сказал «НИ» адвокат Алексей Бинецкий. Адвокат уверен, что правоохранители

должны быть поставлены в такие условия, которые не дают им решать, проводить ли проверку и возбуждать ли уголовное дело, а обязывают их осуществить полный комплекс оперативно-розыскных мероприятий после получения заявления.

(Новые известия, 26.06.2013)

«Я приветствую это решение, это очень актуально на сегодняшний день, — прокомментировал «Газете.Ру» решение КС адвокат Владимир Жеребенков. — Государство должно создать такие условия, в которых госаппарат будет работать объективно, тщательно и будет в разумные сроки устанавливать все обстоятельства и выявлять преступников. За это граждане платят налоги. Естественно, если госорганы начинают уклоняться от работы, то гражданам должны возместить причиненный ущерб».

(Газета.ru, 25.06.2013)

Конституционным Судом Российской Федерации также принят целый ряд постановлений, в результате которых повышены гарантии прав потерпевших на получение компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок (постановления от 11 ноября 2014 года № 28-П, от 2 марта 2017 года № 4-П, от 13 июня 2019 года № 23-П и от 30 января 2020 года № 6-П). В результате законодателем в статью 61 УПК Российской Федерации неоднократно вносились изменения, расширяющие возможности граждан по получению такой компенсации на различных стадиях уголовного судопроизводства.

Адвокат Алексей Михальчик считает, что решение КС направлено на борьбу с бюрократией и может оказаться эффективным для тех граждан, кто будет обращаться в правоохранительные органы с заявлениями о преступлениях.

(РБК, 13.11.2014)

Адвокат Виктор Наумов считает, что данное решение КС РФ должно поставить точку в спорах о правах потерпевшего требовать продолжения уголовного преследования лица и после истечения сроков исковой давности с целью добиться формального обвинения лица без назначения наказания. «Вероятно, это окажет благотворное влияние на формирование практики защиты прав потерпевших в порядке гражданского судопроизводства», — отметил он.

(Адвокатская газета, 03.03.2017)

Управляющий партнер МАБ «Глинка, Рубинштейн и партнеры» Евгений Рубинштейн полагает, что решение КС является очередным примером восполнения пробелов в нормативном регулировании.

(Адвокатская газета, 17.06. 2019)

Партнер АБ «ЗКС» Кирилл Махов <...> резюмировал, что рассматриваемое постановление КС РФ позитивно повлияет на практику уголовного судопроизводства и позволит потерпевшим в полной мере обеспечивать гарантированную

Конституцией РФ защиту своих прав и свобод и рассчитывать на компенсацию нанесенного им в результате преступления ущерба в установленные законом сроки.
(Адвокатская газета, 03.02.2020)

На беспрепятственную реализацию другого важного права потерпевших — на возмещение расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде, включая расходы на представителя, — направлено Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 мая 2021 года № 18-П. В этом решении Конституционный Суд Российской Федерации, по существу, установил отсутствие законодательного механизма (пробел в правовом регулировании) порядка и размера возмещения следователем (дознавателем, прокурором) потерпевшему расходов на выплату вознаграждения его представителю (адвокату) по уголовному делу, прекращенному по нереабилитирующему основанию. До устранения этого пробела на практике следует применять названное Постановление.

По мнению председателя МКА «Паритет» Ерлана Назарова, выявляя пробелы в регулировании рассматриваемых вопросов, КС вновь продекларировал свою твердую позицию, согласно которой признание законодателем того или иного права при отсутствии его специального нормативного обеспечения ставит субъектов правоотношений в ситуацию недопустимой неопределенности.

По словам управляющего партнера АБ «Правовой статус», адвоката Алексея Иванова, «Следующий шаг за законодателем. После внесения соответствующих изменений мы наконец получим реально работающий институт возмещения процессуальных издержек, который будет одинаково понятен не только адвокатами, но и правоприменителем. А для его применения не потребуется прохождение всех кругов ада», — выразил надежду Алексей Иванов.

(Адвокатская газета, 18.05.2021)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2005 года № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска»

В Конституционный Суд Российской Федерации обратились с запросами Законодательное Собрание Республики Карелия и Октябрьский районный суд города Мурманска, по мнению которых, нормы уголовно-процессуального закона не позволяют обеспечить защиту прав и законных интересов потерпевших по уголовным делам частного обвинения, если соответствующие преступления совершаются неизвестными потерпевшим лицами, и их жертвы должны самостоятельно — в отсутствие обязанности государства раскрывать и расследовать такие преступления — принимать меры по установлению личности виновного и его изобличению.

Конституционный Суд Российской Федерации признал доводы заявителей заслуживающими внимания. Оспоренные положения УПК Российской Федерации в той части, в которой они не обязывают прокурора, следователя, орган дознания и дознавателя принять по заявлению лица, пострадавшего в результате преступления (по уголовным делам частного обвинения), меры, направленные на установление личности виновного и привлечение его к уголовной ответственности в закрепленном уголовно-процессуальным законом порядке, признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации.

Действия же судьи, связанные с принятием заявления потерпевшего о совершенном в отношении него преступлении и оказанием сторонам помощи в собирании доказательств, которые не могут быть получены ими самостоятельно, признаны не выходящими за пределы осуществляемой им в силу Конституции Российской Федерации функции правосудия.

В УПК Российской Федерации внесены изменения, обязывающие соответствующих должностных лиц возбудить уголовное дело частного обвинения, если преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы; к иным причинам отнесен также случай совершения преступления лицом, данные о котором неизвестны.

Теперь существующий порядок, согласно которому в делах о клевете, оскорблении и нанесении нетяжких телесных повреждений потерпевший сам должен был искать обвиняемого и изобличать его в ходе судебного процесса, признан неконституционным.

«Конечно, как правило, человек не знает, кто его побил на улице, так что решение хорошее, разумное», — заявила представитель проигравшей стороны (УПК принимала Госдума), полномочный представитель нижней палаты парламента в КС Елена Мизулина.

(Известия, 28.06.2005)

Решение КС, обязывающее прокуратуру и органы дознания возбуждать уголовные дела по заявлениям потерпевших по статьям 115 (умышленное причинение легкого вреда здоровью) и 116 (побои) УК РФ, однозначно направлено на защиту интересов граждан, — заявил в эфире радиостанции «Эхо Москвы» представитель правительства РФ в судах высшей инстанции, юрист Михаил Барцевский <...>

«Признание некоторых положений УПК не соответствующими законодательству, Конституции РФ направлено на защиту людей, которые в силу тех или иных причин сами не в состоянии разобраться со своими обидчиками», — заявил в эфире радиостанции «Эхо Москвы» адвокат Анатолий Кучерена.

(Эхо Москвы, 27.06.2005)

«Решение КС отвечает требованиям, которые обеспечивают защиту прав граждан. Эта защита — прямая обязанность и прокуратуры, и МВД», — сказал Газете представитель МВД в КС Гайк Марьян.

(Газета, 28.06.2005)

Конституционный суд в очередной раз принял решение в согласии с нормальной общечеловеческой логикой. Если спросить любого человека о том, кто должен расследовать преступление, любой человек ответит — следователь, а защищать потерпевшего — адвокат. Доказательства вины и свидетели тоже в суд должны поступать без участия потерпевшего, который и так уже настрадался.

(Радио России, 27.06.2005)

Постановление от 13 апреля 2021 года № 13-П «По делу о проверке конституционности статьи 22, пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 246, части третьей статьи 249, пункта 2 статьи 254, статьи 256 и части четвертой статьи 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И.Тихомоловой»

Конституционный Суд Российской Федерации разрешил правовую коллизию, когда неявка частного обвинителя, по существу, означала наличие самого события преступления, поскольку ранее УПК Российской Федерации предполагал в этом случае прекращение дела в связи с отсутствием состава преступления.

По мнению адвоката АП г. Москвы Мартина Зарбабяна, постановление КС весьма знаменательно не только в отношении проблемы прекращения уголовного дела частного обвинения при неявке потерпевшего, но и в части правильного уяснения правоприменителем различий между такими основаниями, как отсутствие события и состава преступления.

Директор КА «Презумпция» Филипп Шишов полагает, что постановление можно сравнить с важными пилотными постановлениями ЕСПЧ, когда тот предписывает государству принять меры общего характера, которые затрагивают широкий круг лиц и направлены на устранение структурной проблемы в целом. Эксперт добавил, что прекращение уголовного дела за отсутствием состава преступления в случае неявки частного обвинителя в суд позволяло впоследствии обратиться последнему в суд с гражданским иском, поскольку само событие не было оспорено. «После появления этого постановления КС РФ судебные акты судов по иным уголовным делам со схожим юридическим казусом также могут быть пересмотрены в связи с новыми обстоятельствами», — заключил Филипп Шишов.

(Адвокатская газета, 16.04.2021)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2005 года № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан»

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, юридические лица, а также целый ряд граждан — потерпевших по уголовным делам, которым решениями судов на основании статьи 405 УПК Российской Федерации отказано в удовлетворении жалоб на приговоры и иные судебные решения, в том числе постановления о прекращении уголовных дел, обратились в Конституционный Суд Российской Федерации. По мнению заявителей, установленный названной статьей запрет на поворот к худшему при пересмотре в надзорном порядке судебных решений (ввиду мягкости назначенного наказания, необходимости применения уголовного закона о более тяжком преступлении, а также по иным основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного) нарушает их права, не позволяя устранить существенные нарушения закона, повлиявшие на исход дела.

В названном деле Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу о том, что исключения из общего правила о запрете поворота к худшему допустимы, но лишь в качестве крайней меры, когда неисправление судебной ошибки искажало бы саму суть правосудия, смысл приговора как акта правосудия, разрушая необходимый баланс конституционно защищаемых ценностей, в том числе прав и законных интересов осужденных и потерпевших.

Абсолютный же запрет пересмотра вступившего в законную силу судебного решения по основаниям, ухудшающим положение осужденного (оправданного), сводил бы право потерпевшего на обжалование этого решения к формальной возможности обратиться в суд, заведомо не предполагая удовлетворение соответствующей жалобы, ставил стороны обвинения и защиты в неравное положение, искажал смысл правосудия, нарушал принципы самостоятельности и независимости суда.

Признавая право потерпевшего на исправление судебной ошибки, в названном решении Конституционный Суд Российской Федерации обозначил на переходный период основания и условия для пересмотра вступившего в законную силу судебного решения по основаниям, ухудшающим положение осужденного (оправданного) (поворот к худшему), которые по решению законодателя стали нормами действовавшей в то время редакции УПК Российской Федерации (статья 405).

В его актуальной редакции (статья 401⁶) сохранена аналогичная норма — такого рода пересмотр возможен в срок, не превышающий одного года со дня вступления судебного решения в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, либо если были выявлены данные, свидетельствующие о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве.

Теперь надзорная инстанция получает возможность в течение года со дня вступления приговора в силу отменить оправдательный или излишне мягкий приговор или постановление о прекращении дела. В адвокатских кругах уже пошли слухи, что вердикт станет инструментом для пересмотра нашумевших дел.

<...> «В условиях действующего УПК потерпевшая сторона «получала поражение в правах», — заметил адвокат Павел Астахов. Он расценил постановление КС как направленное на «защиту прав потерпевших, а также общества и государства». Астахов предположил, что отмена 405-й статьи позволит «пересмотреть ряд громких дел».

(Известия, 12.05.2005)

Бывший Генеральный прокурор России Юрий Скуратов считает справедливым сегодняшнее решение Конституционного суда:

– Судебная власть тоже способна на ошибку и очень часто ошибается. Поэтому исправления судебной ошибки требует элементарная справедливость. Поскольку жертва преступления зачастую была недовольна соответствующими судебными решениями. И, естественно, что это новый порядок, который предполагает через судебный надзор принять решение по поводу пересмотра оправдательного приговора, конечно, при соблюдении законности. Но в этом смысле многими жертвами преступлений будет встречено с пониманием.

(Радио Свобода, 12.05.2005)

20. ПРАВО УМЕРШЕГО ОБВИНЯЕМОГО, ПОДОЗРЕВАЕМОГО НА ЗАЩИТУ ДОБРОГО ИМЕНИ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 года № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И.Александрина и Ю.Ф.Ващенко»

Постановлением следователя прекращено уголовное дело, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного статьей 264 «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» УК Российской Федерации, в отношении гражданки О.С.Александриной в связи с ее смертью, несмотря на возражения ее отца — гражданина С.И.Александрина. Не согласившись с выводами следствия о виновности дочери в совершении указанного преступления и полагая, что как самим фактом прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию, так и его возможными юридическими последствиями могут быть существенно затронуты честь и доброе имя покойной, а также законные интересы ее близких родственников, С.И.Александрин обжаловал постановление о прекращении уголовного дела в суд, который признал прекращение уголовного дела обоснованным и в удовлетворении жалобы отказал, с чем согласился суд вышестоящей инстанции.

В другом случае судом прекращено уголовное дело в связи со смертью обвиняемого Е.Ю.Ващенко, при этом мнение близких родственников умершего, включая его отца — Ю.Ф.Ващенко, по данному вопросу не выяснялось. В пересмотре данного решения вышестоящим судом отказано.

В своих жалобах в Конституционный Суд Российской Федерации граждане С.И.Александрин и Ю.Ф.Ващенко поставили вопрос о конституционности норм законодательства, которое не требует согласия близких родственников умершего подозреваемого или обвиняемого на прекращение в отношении него уголовного дела.

Рассматривая данное дело, Конституционный Суд Российской Федерации исходил из того, что при прекращении уголовного дела в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) прекращается и дальнейшее доказывание его виновности, но при этом подозрение или обвинение в совершении преступления с него не снимается, — напротив,

по существу, констатируется совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, конкретным лицом, от уголовного преследования которого государство отказывается по причине его смерти. Тем самым такое лицо без вынесения и вступления в законную силу обвинительного приговора суда фактически признается виновным в совершении преступления, что может рассматриваться как несоблюдение государством обязанности обеспечить судебную защиту его чести, достоинства и доброго имени, гарантированную статьями 21 (часть 1), 23 (часть 1), 45, 46 (части 1 и 2) и 49 Конституции Российской Федерации, а лицам, чьи интересы могут непосредственно затрагиваться последствиями принятия решения о прекращении уголовного дела, — и доступ к правосудию (статья 118, часть 1, Конституции Российской Федерации).

Следовательно, прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию возможно лишь в том случае, если будут обеспечены гарантируемые Конституцией Российской Федерации права участников уголовного судопроизводства. Если лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, возражает против прекращения уголовного судопроизводства по нереабилитирующему основанию, ему должна предоставляться возможность (в рамках предусмотренных статьями 49 и 123 Конституции Российской Федерации гарантий) продолжения производства по уголовному делу и направления его в суд для рассмотрения по существу и тем самым — судебной защиты его прав, в том числе права на возможную реабилитацию.

В случае же смерти подозреваемого (обвиняемого) защита конституционных прав личности не может быть обеспечена без предоставления близким родственникам умершего права настаивать на продолжении производства по уголовному делу с целью его возможной реабилитации и соответствующей обязанности публичного органа, ведущего уголовный процесс, обеспечить реализацию этого права.

Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации оспоренные законоположения признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, а судебные решения, принятые по уголовным делам О.С.Александрinou и Е.Ю.Ващенко, а также в отношении заявителей по данному делу, — подлежащими пересмотру в установленном порядке. В настоящее время возможность прекращения уголовного дела по названному основанию без согласия близких родственников подозреваемого (обвиняемого) исключена.

«Я настаиваю на том, что решение Конституционного суда существенно влияет на коррупционную пробельность российского законодательства и правоприменения, затрагивающего огромный спектр дел, это автокатастрофы — ежегодно 30 тыс. дел, это авиакатастрофы, это все, что связано с гибелью человека, подозреваемого или обвиняемого», — заявил адвокат Игорь Трунов <...>

Он также пообещал, что поданная им по делу жалоба в Европейский суд по правам человека в Страсбурге будет снята: «Потому что это решение удовлетворяет нас полностью, и оно позволяет пересмотреть те решения следствия, которые вызывают огромные сомнения в качестве и в непредвзятости».

(Российская газета, 15.07.2011)

21. ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан»

Отказ от применения смертной казни — важнейшая веха в развитии отечественной правовой системы, которая непосредственно связана с деятельностью Конституционного Суда Российской Федерации.

Из статьи 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации, согласно которой смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, во взаимосвязи со статьями 18 и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации следует, что в этих случаях право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей выступает особой уголовно-процессуальной гарантией судебной защиты права каждого на жизнь (как основного, неотчуждаемого и принадлежащего каждому от рождения) и в силу ее статьи 19 (части 1 и 2) должно быть обеспечено на равных основаниях и в равной степени всем обвиняемым независимо от места совершения преступления, установленной федеральным законом территориальной и иной подсудности таких дел и прочих подобного рода обстоятельств.

К концу 1990-х годов не во всех субъектах Российской Федерации были созданы суды присяжных (фактически они приступили к работе лишь в девяти из них). Соответственно, в тех субъектах, где суд присяжных еще не функционировал, граждане были лишены возможности выбора такой формы судопроизводства — даже в тех случаях, когда им грозило уголовное наказание в виде смертной казни. Это послужило поводом для обращения в Конституционный Суд Российской Федерации ряда заявителей, в том числе и граждан, уже осужденных к смертной казни без предоставления им реальной возможности доступа к суду с участием присяжных.

Основываясь на положениях статьи 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с положением ее статьи 15 (часть 1) о высшей юридической силе и прямом действии Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что наказание в виде смертной казни на всей территории Российской Федерации далее может назначаться лишь при предоставлении обвиняемым права на рассмотрение их дел судом с участием присяжных заседателей. Невозможность обеспечить каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом установлено наказание в виде смертной казни, реализацию данного права влечет за собой и невозможность в таком случае назначения этой меры наказания иным составом суда.

При этом на территориях девяти субъектов Российской Федерации, где созданы суды присяжных, обвиняемые в преступлениях, за совершение которых установлена смертная казнь, при определении меры наказания не должны ставиться в неравноправное положение по сравнению с обвиняемыми в таких же преступлениях на территориях, где суд присяжных не функционирует. В такой ситуации впредь применение исключительной меры наказания судом с участием присяжных заседателей искажило бы предназначение и существо права, гарантированного статьей 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации, и, кроме того, явилось бы существенным нарушением принципа равенства, закрепленного ее статьей 19.

С момента вступления в силу принятого Конституционным Судом Российской Федерации Постановления и до введения в действие федерального закона, реально обеспечивающего на всей территории Российской Федерации в любой из возможных форм организации судопроизводства каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом установлено наказание в виде смертной казни, право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, эта исключительная мера наказания назначаться не могла, независимо от того, каким составом суда рассматривалось дело — судом с участием присяжных заседателей, коллегией в составе трех профессиональных судей или судом в составе судьи и двух народных заседателей.

Конституционный суд отменил вынесение смертных приговоров.

Людмила Алексеева, президент международной Хельсинкской федерации: — Я просто счастлива...

Юрий Калинин, заместитель министра юстиции РФ: — Мы полностью приветствуем решение КС — наконец, это реальное выполнение Россией обещаний, данных при вступлении в Совет Европы в августе 1996 года.

(Общая газета, 04.02.1999)

Известный адвокат Генрих Падва, присутствовавший при оглашении решения КС, заявил корреспонденту «Сегодня»: «Это решение превосходит все ожидания адвокатуры. Теперь помимо президентского моратория на приведение в исполнение смертных приговоров введен и мораторий на вынесение смертных приговоров, а это еще один шаг на пути выполнения Россией соглашений Совета Европы». В пресс-службе уполномоченного по правам человека РФ Олега Миронова также полностью поддерживают принятое решение...

(Сегодня, 03.02.1999)

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении

изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»

В Конституционный Суд Российской Федерации поступил запрос Верховного Суда Российской Федерации о разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П в части возможности назначения наказания в виде смертной казни после введения судов с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации, но при наличии выраженного Российской Федерацией в соответствующих правовых формах согласия с международно-правовыми актами, направленными на отмену смертной казни в мирное время (Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод).

Конституционный Суд Российской Федерации констатировал, что на основе введенного разъясняемым Постановлением моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого — с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, — происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни как исключительной меры наказания, носящей временный характер («впредь до ее отмены») и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода, т.е. на реализацию цели, закрепленной статьей 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации признал, что исполнение названного Постановления в части, касающейся введения суда с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации, не открывает возможность применения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей.

Глава комитета Государственной думы РФ по международным делам, руководитель российской делегации в ПАСЕ Константин Косачев («Единая Россия») <...> высказал удовлетворение решением КС, отметив, что оно «вносит исчерпывающую ясность в вопросы правоприменительной практики, связанные с возможностью, а отныне правильно говорить — невозможностью задействования соответствующих положений Уголовного кодекса (УК), предусматривающих смертную казнь». «То, что решением КС эти статьи раз и навсегда заблокированы, соответствует международным обязательствам РФ и должно быть учтено российскими парламентариями в дальнейшей работе по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в РФ», — заявил парламентарий.

<...> Руководитель фракции «Справедливая Россия» в Государственной думе РФ Николай Левичев заявил, что «предстоит в общественном сознании сделать важный шаг от понимания смертной казни как жажды мести за совершенное тяжчайшее преступление к правовой норме, которая определяет саму суть наших человеческих отношений». Этим шагом в сторону принципиального отказа от смертной казни Россия доказывает, что она независимое государство, у которого есть чувство собственного достоинства, и может, наконец, сама служить примером для других стран, которые только начинают путь от мракобесия к цивилизованности, отметил депутат Госдумы.

Левичев заявил, что «и не надеялся, что Конституционный суд РФ примет какое-то другое решение». «По моему мнению, вопрос здесь даже не в том, что Россия должна соблюдать принятые на себя международные обязательства. Мне представляется, что за последние годы Россия совершает мучительный путь к правовому государству, в котором жизнь каждого гражданина является высшей ценностью», — отметил парламентарий.

<...> «Это разумное и взвешенное решение, которое я даже назвал бы мудрым. Я уверен, что оно принято с учетом мнения общественности, политических сил, а также руководства государства», — заявил президент Чечни Рамзан Кадыров, комментируя решение Конституционного суда России о невозможности применения смертной казни в стране.

(ИА Regnum, 19.11.2009)

Генеральный секретарь Совета Европы (СЕ) Торбьорн Ягланд приветствовал продление в России моратория на смертную казнь. «Я горячо приветствую сегодняшнее заявление Конституционного суда России, который исключил возможность применения смертной казни», — говорится в распространенном в четверг заявлении Ягланда.

«Смертная казнь — это неприемлемая форма наказания, и ее запрет является обязательством всех государств — членов Совета Европы. Заявление Конституционного суда России — это важный шаг на пути к запрету смертной казни в России», — отметил генсек Совета Европы.

(Интерфакс, 19.11.2009)

22. РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА СУДА ПРИСЯЖНЫХ

Обвиняемый в совершении преступления имеет право на рассмотрение его уголовного дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом (статья 47, часть 2; статья 123, часть 4, Конституции Российской Федерации).

Решения Конституционного Суда Российской Федерации сыграли важную роль в становлении и совершенствовании законодательства, регулирующего деятельность суда с участием присяжных заседателей.

Оценивая конституционность уголовно-процессуального законодательства в части отправления правосудия судом присяжных, Конституционный Суд Российской Федерации основывается на том, что такой суд, будучи одной из процессуальных форм осуществления уголовного судопроизводства, не является обязательным условием обеспечения судебной защиты прав и свобод человека и гражданина, вместе с тем он имеет особую конституционно-правовую значимость и, во всяком случае, не допускается произвольный и необоснованный отказ законодателя от этой формы судопроизводства, непосредственно определенной Конституцией Российской Федерации применительно к защите права на жизнь как базового для реализации всех иных конституционных прав, при рассмотрении дел по тем конкретным составам преступлений, где она уже

предусмотрена; конкретизируя конституционные предписания о суде с участием присяжных заседателей как законном составе суда по уголовным делам об определенных категориях преступлений и отказываясь по другим делам от этой формы судопроизводства, федеральный законодатель не вправе при установлении перечня уголовных дел, подсудных суду с участием присяжных заседателей, нарушать требования справедливости и равенства перед законом и судом и действовать произвольным и дискриминационным образом.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2010 года № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р.Зайнагутдинова, Р.В.Кудоева, Ф.Р.Файзулина, А.Д.Хасанова, А.И.Шаваева и запросом Свердловского областного суда»

Ряд граждан, привлеченных к уголовной ответственности за совершение особо тяжких преступлений, включая приготовление к насильственному захвату власти и насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации, террористический акт с применением огнестрельного оружия, совершенный организованной группой, повлекший иные тяжкие последствия, обратились в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобами на лишение их права на рассмотрение уголовных дел по таким составам преступлений судом с участием присяжных заседателей. В Конституционный Суд Российской Федерации также поступил запрос Свердловского областного суда о проверке конституционности нормы закона, требующей рассмотрения уголовного дела в отношении нескольких обвиняемых судом с участием присяжных заседателей в отношении всех этих обвиняемых, если хотя бы один из них заявил соответствующее ходатайство, и не позволяющей тем самым другим обвиняемым реализовать право на рассмотрение дела судом в ином составе.

Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что, поскольку положения федерального законодательства о смертной казни как виде уголовного наказания, процедурах его назначения и исполнения в настоящее время применяться не могут, на федерального законодателя более не возлагается обязанность обеспечивать обвиняемому в качестве гарантии судебной защиты права на жизнь возможность быть судимым судом с участием присяжных заседателей.

При этом определение категорий уголовных дел, подсудных суду с участием присяжных, равно как и изменение ранее установленной подсудности относятся к компетенции федерального законодателя. Вместе с тем дискреция федерального законодателя в регулировании реализации права на доступ к правосудию и права на законный суд, в том числе с участием присяжных заседателей, не является абсолютной и не освобождает его от обязанности не допускать — при обеспечении вытекающего из Конституции Российской Федерации принципа справедливого судебного разбирательства — ограничений конституционного права на судебную защиту и осуществлять правовое регулирование подсудности уголовных дел с учетом принципа правовой определенности. Конкретизируя конституционные предписания о суде с участием присяжных заседателей как законном составе суда по уголовным делам об определенных категориях преступлений

и отказываясь по другим делам от этой формы судопроизводства, федеральный законодатель не вправе при установлении перечня уголовных дел, подсудных суду с участием присяжных заседателей, нарушать требования справедливости и равенства перед законом и судом и действовать произвольным и дискриминационным образом.

Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что изъятие из подсудности суда с участием присяжных заседателей дел о терроризме и связанных с ним преступных деяниях, таких как вооруженный мятеж и насильственный захват власти, вызывается их повышенной сложностью и спецификой самих преступлений, чем в современных условиях предопределяется правомочие именно профессиональных судей делать вывод о виновности или невиновности подсудимых на основе исследования фактических обстоятельств и оценки собранных доказательств. Соответственно, отнесение уголовных дел о терроризме и связанных с ним преступлений к подсудности суда в составе коллегии из трех профессиональных судей само по себе не является нарушением права на судебную защиту, гарантированного Конституцией Российской Федерации.

Что же касается рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовного дела в отношении нескольких лиц, занимающих различные позиции по данному вопросу, то правило, согласно которому такое уголовное дело рассматривается названным судом в отношении всех подсудимых, если хотя бы один из них заявляет соответствующее ходатайство, не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку не исключает, что суд при проведении предварительного слушания — с учетом обстоятельств, лежащих в основе ходатайства отдельных обвиняемых против рассмотрения их дела с участием присяжных заседателей, — правомочен разрешить вопрос о выделении дела для обеспечения его рассмотрения в отношении этих лиц судом в составе профессиональных судей, если это не препятствует всесторонности и объективности разрешения уголовного дела, рассматриваемого в составе суда с участием присяжных заседателей.

Названным Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации фактически определены конституционно-правовые параметры реализации дискреции федерального законодателя в части регулирования подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей.

Российские парламентарии в целом поддержали решение Конституционного суда, подтвердившего законность отмены суда присяжных для обвиняемых в терроризме. <...>

Согласен с решением Конституционного суда заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, представитель в СФ от законодательного органа госвласти Чеченской Республики Зияд Сабсаби.

«Присяжные заседатели могут быть необъективны в отношении террористов», — заявил сенатор. «Вдруг присяжный окажется родственником или знакомым террориста, тогда ему будет крайне сложно принять правильное решение», — заметил парламентарий, подчеркнув, что решение Конституционного суда даст возможность «справедливо судить террористов». <...>

Верным назвал решение Конституционного суда о законности суда над террористами без участия присяжных заседателей член Комитета Совета Федерации по делам СНГ, представитель в СФ от администрации Курганской области Олег Пантелеев.

«Суд присяжных не для террористов», — заявил сенатор. По его мнению, присяжные могут быть предвзяты, а с терроризмом необходимо бороться самыми жесткими мерами. <...>

«Абсолютно правильным» считает решение Конституционного суда заместитель председателя Комитета Госдумы по конституционному законодательству и государственному строительству, член фракции «Единая Россия» Александр Москалец.

«Российская Конституция этим решением несколько не нарушена», — заявил депутат. Как отметил парламентарий, «речь ведь идет не о малозначительных преступлениях, совершаемых на бытовой почве, а о делах по фактам терроризма, которые требуют режима рассмотрения профессиональными судебными коллегиями».

Саму необходимость отобрать у судов присяжных дела обвиняемых в терроризме депутат во многом связывает с «недостаточным уровнем правосознания в обществе». «Я объясняю этот уровень тем, что новое правовое поле мы начали формировать только в 1993, когда по результатам референдума была принята Конституция РФ», — отметил Александр Москалец.

(Regions.Ru / Россия. Регионы, 21.04.2010)

Запрет на рассмотрение судами присяжных уголовных дел по ряду статей, в том числе терроризму и шпионажу, «не есть отступление от демократии». Такое мнение выразил в эфире радиостанции «Эхо Москвы» полномочный представитель Правительства РФ в высших судебных инстанциях Михаил Барцевский.

«Притом что смертная казнь в России больше невозможна, особого ущерба, с точки зрения наказания террористов, здесь нет», — заметил он. По мнению М.Барцевского, решение КС РФ, признавшего, что исключение из подсудности присяжных дел по терроризму не противоречит Конституции, «вполне ожидаемое» и «на данном этапе российской истории однозначно правильное». «Проблема в том, что, когда дела рассматриваются судом присяжных, практически невозможно в соответствующем регионе, где имел место теракт или попытка совершения теракта, отобрать людей, объективно не заинтересованных в данном деле. Либо это будут родственники потерпевших, либо родственники террористов или людей, на которых могут оказать влияние террористические организации, — сказал М. Барцевский. — Было два варианта: либо перенос этих дел в другой регион, либо передача из суда присяжных, либо комбинация».

(Эхо Москвы, 19.04.2010)

На основе названных правовых позиций Конституционный Суд Российской Федерации признал неконституционными — ввиду нарушения принципов справедливости и равноправия — ряд норм УПК Российской Федерации, которыми отдельные категории граждан (женщины, а также достигшие шестидесятипятилетнего возраста мужчины) были лишены права на рассмотрение их уголовных дел судом с участием присяжных ввиду невозможности назначения им наказания в виде пожизненного лишения свободы, притом что аналогичные дела при сходных условиях в отношении иных лиц подлежали рассмотрению таким составом суда (постановления от 25 февраля 2016 года № 6-П, от 16 марта 2017 года № 7-П, от 11 мая 2017 года № 13-П, от 6 июня 2017 года № 15-П).

Поправки устраняют противоречия в уголовном законодательстве, уверен доцент кафедры уголовного процесса Московского государственного юридического университета имени Кутафина Михаил Воронин.

(Коммерсант FM, 25.02.2016)

«Важное и полезное» решение, с точки зрения правозащитников, принял сегодня Конституционный суд. Он постановил, что женщины-подсудимые, которые проходят по особо тяжким статьям, имеют право на то, чтобы их дела рассматривались коллегией присяжных. До этого момента такой формат слушаний был доступен только мужчинам, что не отвечало, по мнению КС, принципу юридического равенства и приводило к дискриминации.

(Первый канал, 25.02.2016)

Управляющий партнер АБ «АВЕКС ЮСТ» Игорь Бушманов подчеркнул, что это логичное решение, которое окончательно урегулировало выявившуюся правовую неопределенность и полностью устранило возможность для какого-либо ограничения доступа обвиняемых женщин к судопроизводству с участием присяжных заседателей.

«Конституционный Суд РФ в очередной раз продемонстрировал свою эффективность — как надежный инструмент по доведению до совершенства и «отрегулированию» норм действующего законодательства», — добавил эксперт.

(Новая адвокатская газета, 15.05.2017)

Адвокат АБ «Леонтьев и партнеры» Сергей Числов считает, что принятое КС РФ решение является важным и соответствует продекларированному государством курсу на гуманизацию уголовного законодательства.

(Новая адвокатская газета, 09.06.2017)

23. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1995 года № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А.Смирнова»

Гражданин В.А.Смирнов был признан виновным по Уголовному кодексу РСФСР в измене Родины, выразившейся в отказе возвратиться из-за границы, выдаче государственной тайны иностранным государствам и оказании им помощи в проведении враждебной деятельности.

Конституционный Суд Российской Федерации признал особую связь гражданина и государства, наличие взаимных прав и обязанности. Хотя законодатель вправе предусматривать уголовную ответственность за деяния, умышленно совершенные в ущерб основным ценностям конституционного строя, но правомерное осуществление гражданином своих конституционных прав и свобод не может рассматриваться как нанесение ущерба суверенитету Российской Федерации, обороне страны и безопасности

государства и влечь для него неблагоприятные правовые последствия, в частности в форме уголовной ответственности за государственную измену (измену Родине).

Также подчеркнута особая значимость определенности признаков преступления. Так, предпосылкой привлечения к уголовной ответственности за выдачу государственной тайны иностранному государству является обязательное опубликование для всеобщего сведения перечня таких сведений. Установление же законодателем уголовной ответственности за измену Родине в форме оказания иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против Российской Федерации допустимо при условии разъяснения признаков такого деяния в судебной практике Верховным Судом Российской Федерации.

Это решение Конституционного Суда Российской Федерации задало рамки отношений личности и государства по вопросам уголовной ответственности, что было учтено законодателем уже при принятии в 1996 году Уголовного кодекса Российской Федерации.

Таким образом, в практике Конституционного Суда Российской Федерации получило свое закрепление в качестве принципа уголовной ответственности требование определенности уголовного закона.

Базовым критерием определенности служит ее понимание как достигаемой совместными усилиями законодателя, создающего закон, и Верховного Суда Российской Федерации, дающего необходимые разъяснения, что соответствует принципам разделения властей. Особую значимость требование определенности приобретает в вопросах определения признаков деяний, запрещаемых уголовным законом.

Конституционный суд принял решение, смысл которого сводится к тому, что бегство за границу или отказ вернуться из-за границы не являются изменой Родине.
(Эхо Москвы, 20.12.1995)

В дальнейшем усилиями Конституционного Суда Российской Федерации выработаны критерии оценки бланкетных признаков преступлений, входящих в конструкцию почти половины составов преступлений в УК Российской Федерации. Для таких признаков преступлений оценка степени определенности содержащихся в законе понятий должна осуществляться исходя не только из самого текста закона, используемых формулировок, но и из их места в системе нормативных предписаний.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2003 года № 9-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Н.Белецкого, Г.А.Никовой, Р.В.Рукавишникова, В.Л.Соколовского и Н.И.Таланова»

В первоначальной редакции статьи 199 УК Российской Федерации была предусмотрена уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов с организации путем включения в бухгалтерские документы заведомо искаженных данных о доходах или расходах либо иным способом.

Такая формулировка неоднозначно толковалась судами, поскольку позволяла практически любое снижение налогов толковать как способ преступного уклонения от их уплаты. В Конституционный Суд Российской Федерации обратился ряд граждан — руководителей коммерческих организаций, которым органами предварительного расследования инкриминировалось совершение «иным способом» налогового преступления.

Конституционный Суд Российской Федерации, проанализировав наличие в налоговом законодательстве норм, освобождающих от уплаты налогов или позволяющих снизить сумму налоговых платежей, применительно к соответствующим категориям налогоплательщиков, указал на недопустимость ответственности за использование таких льгот. Сам же термин «уклонение от уплаты налогов иным способом» в системе правового регулирования налогов и уголовной ответственности указывает на определенную цель совершаемого деяния — избежать уплаты законно установленных налогов противозаконным способом.

Выявленный Конституционным Судом Российской Федерации конституционно-правовой смысл положений статьи 199 УК Российской Федерации исключил противоречия в правоприменительной практике и послужил основой для дальнейшего совершенствования норм о налоговых преступлениях и о способах их совершения.

В дальнейшем принцип формальной определенности закона стал шире использоваться Конституционным Судом Российской Федерации. Согласно данному принципу точность и ясность законодательных предписаний, будучи неотъемлемым элементом верховенства права, выступает как в законотворческой, так и в правоприменительной деятельности в качестве необходимой гарантии обеспечения эффективной защиты от произвольных преследования, осуждения и наказания. Этим обусловлена необходимость ясного и четкого определения в уголовном законе признаков преступления, отграничения его от иных противоправных и тем более — от законных деяний. Данным принципом также исключена возможность расширительного толкования уголовного закона при его применении.

Михаил Задорнов, зам. председателя комитета Госдумы по бюджету и налогам:

«Объявлено решение Конституционного суда. Суть его в следующем. Сейчас, в принципе, можно привлечь к уголовной ответственности за любое укрывательство от уплаты налогов. То есть вы сделали ошибку в своем балансе, ваш бухгалтер, это подлежит уголовному наказанию, если это достаточно большая сумма. По трактовке Конституционного суда уголовному преследованию должно подлежать умышленное укрывательство от уплаты налогов. То есть не техническая ошибка, а то, когда суд или налоговая служба в суде докажет, что это изменение бухгалтерской отчетности, неуплата налогов была сделана совершенно сознательно, умышленно, тогда это подлежит уголовному наказанию. Если это не умышленное нарушение, если это ошибка, это не будет подлежать уголовному преследованию. Точно так же не будут подлежать ему, если налоги оптимизированы, то есть выплачены меньше, но сделано это полностью в соответствии с законом, если есть законные основания для сокращения платежей».

Ольга Бычкова: «Нужно сказать, что это решение Конституционного суда направлено на то, чтобы снять чрезмерную жесткость в отношениях с налогоплательщиками?»

Михаил Задорнов: «С одной стороны, да. С другой стороны, те, кто действительно уклоняется от уплаты налогов, будут подлежать достаточно жесткой ответственности. Поэтому это достаточно позитивное решение».

(Эхо Москвы, 29.05.2003)

«Это положительное решение, и это как раз то, с чем адвокатское сообщество долго боролось», — говорит частный адвокат Максим Максимовский.

<...> Как обращает внимание Сергей Пепеляев, КС требует соблюдать налоговое законодательство, что означает: можно не обращать внимания на инструкции, распоряжения и приказы отдельных исполнительных органов.

(Газета ру, 28.05.2003)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 года № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А.Асламазян»

Этим Постановлением была признана не соответствующей Конституции Российской Федерации часть первая статьи 188 УК Российской Федерации, которая позволяла при привлечении к уголовной ответственности за контрабанду, совершаемую путем перемещения через таможенную границу Российской Федерации незадекларированной или недостоверно задекларированной иностранной валюты и (или) валюты Российской Федерации в крупном размере, признавать его таковым исходя из всей перемещаемой суммы, включая и ту ее часть, которую закон разрешает ввозить в Российскую Федерацию без письменного декларирования.

Поводом для рассмотрения послужила жалоба гражданки М.А.Асламазян, которая — в условиях нестабильного курса рубля — незадекларированно ввезла 21 января 2007 года в Российскую Федерацию сумму 9550 евро и 5130 рублей, в связи с чем была привлечена к уголовной ответственности.

Проанализировав нормы законодательства о валютном и таможенном регулировании, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что сам факт ввоза валюты не рассматривается в действующем законодательстве как посягательство на охраняемые законом интересы Российской Федерации в сфере экономики, т.е. как деяние, представляющее общественную опасность, равно как не считается представляющим общественную опасность и имеющим противоправный характер единовременный недекларируемый ввоз в Российскую Федерацию физическими лицами — резидентами наличной валюты в сумме, не превышающей в эквиваленте 10 000 долларов США. Противоправным, а именно посягающим на установленный порядок перемещения валюты через таможенную границу Российской Федерации и потому влекущим применение мер государственного принуждения признается недекларируемый ее ввоз лишь в сумме сверх разрешенной законом.

Этим решением часть первая статьи 188 УК Российской Федерации признана не соответствующей Конституции Российской Федерации, что позволило исключить расширительное истолкование правоприменителями норм, вводящих уголовную

ответственность за контрабанду, а также рассогласованность уголовного закона и законодательства, регулирующего экономическую деятельность.

«Это народное решение, — заявил вчера адвокат Виктор Паршуткин. — Ему можно только аплодировать, ведь тысячи граждан необоснованно уголовно преследовались. Теперь они будут реабилитированы <...>. Сегодня в России такая практика, что за это деяние всех хватают и сажают в тюрьму», — сказал он.

Эксперт Горбачев-фонда Андрей Рябов считает, что решение КС, скорее всего, «начало обещанной борьбы с правовым нигилизмом». По его словам <...> «сделан шаг к ослаблению административного контроля над судебной системой», и судейское сообщество, безусловно, сочтет его сигналом «к становлению себя как самостоятельной ветви власти».

(Коммерсант-Daily, 28.05.2008)

Решение Конституционного суда РФ, признавшего неконституционным положение части 1 статьи 188 Уголовного кодекса РФ (контрабанда), должно повысить «сознательность» граждан, перемещающих через границу валюту, и сократить число уголовных дел, возбуждаемых таможенными органами за ее контрабанду, заявил РИА Новости начальник пресс-службы Федеральной таможенной службы РФ Дмитрий Котиков.

(РИА Новости, 30.05.2008)

«Последствия этого решения КС очевидны: в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса все судебные решения, базирующиеся на упраздненной норме (в данном случае на норме, признанной неконституционной), должны быть отменены», — подчеркнул в разговоре с корреспондентом «Времени новостей» председатель президиума московской коллегии адвокатов «Адвокатская палата» Юрий Костанов.

<...> По мнению политолога Алексея Макаркина, решение Конституционного суда, безусловно, будет иметь не только юридические последствия, но и общественный резонанс. «Впервые власть показала, что она способна пойти навстречу мнению общества в той ситуации, когда она явно неправа и ее действия носят тенденциозный характер», — отметил эксперт.

(Агентство федеральных расследований, 28.05.2008)

Принцип правовой определенности получил свое дальнейшее развитие в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2010 года № 15-П. В Конституционный Суд Российской Федерации обратились граждане, которые были привлечены к уголовной ответственности за контрабанду незадекларированных товаров, они выражали несогласие с самим порядком определения крупного размера стоимости товара в качестве критерия при решении вопроса о привлечении их к ответственности (исчисление стоимости товара исходя из его цены на территории Российской Федерации, а не страны, в которой он был приобретен; включение в общую стоимость товара, определяемую как крупный размер, той ее части, которая разрешена

законодательством Российской Федерации к ввозу без декларирования и уплаты таможенных пошлин, налогов).

Судебная практика по таким делам ориентировалась не на таможенную стоимость товаров, а на определение размера контрабанды исходя из регулируемых государством цен на товары, незаконно перемещенные через таможенную границу, и в случае отсутствия таких цен — из фактической (рыночной) стоимости товаров на момент совершения преступления; при отсутствии сведений о цене товара его стоимость устанавливалась на основании заключения экспертов.

Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу о недопустимости дискреции правоприменителя при выборе метода оценки стоимости перемещаемых товаров и указал на необходимость законодательно определить критерии уголовно наказуемой контрабанды, что не было сделано в части первой статьи 188 УК Российской Федерации. С учетом нарушения требований равенства и правовой определенности эта норма была признана не соответствующей Конституции Российской Федерации, что позволило избежать произвольного привлечения граждан к уголовной ответственности.

Конституционный суд вступился за шопоголиков. Стоимость товаров, ввозимых в страну, должна определяться по ценам, по которым они были куплены, а не по рыночной стоимости на территории России, постановил вчера Конституционный суд (КС).

(Комсомольская правда, 14.07.2010)

Генеральный директор таможенного брокера «ГТК-сервис» Юрий Воронин полагает, что решение Конституционного суда вполне справедливо. «Граждане должны платить налоги, исходя из той цены, за которую они приобрели товар, — сказал он «Гудку». — Почему они должны брать на себя мифические суммы?»

(Гудок, 14.07.2010)

Очень важной считает принятую меру президент Межрегионального общественного фонда защиты прав предпринимателей Дина Крылова: «Не могут таможенные органы определять рыночную стоимость товаров. Такого понятия не существует <...> Это решение — устранение серьезного коррупционного фактора: принятие решения на усмотрение сотрудников таможенной службы. Потому что они не обязаны доказывать, как они определяют рыночную стоимость товаров. Создаются предпосылки для злоупотреблений».

(Finam.info, 13.07.2010)

Благодаря этим постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации статья 188 УК Российской Федерации прекратила свое действие (Федеральный закон от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ), а для граждан была исключена угроза неоправданной уголовной репрессии при перевозках ими товаров через границу Российской Федерации в личных целях, которая до этого возникала при резких изменениях валютных курсов рубля либо при инфляционных изменениях внутри-российских цен на ввозимые товары.

Кроме того, эти правовые позиции учитывались Конституционным Судом Российской Федерации в последующей практике, которая способствовала совершенствованию требований к законному обороту холодного оружия, представляющего культурную ценность.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2014 года № 18-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н.В.Урюпиной»

В Конституционный Суд Российской Федерации обратилась гражданка Н.В.Урюпина, которая была привлечена к уголовной ответственности за попытку продажи в пунктах оценки антиквариата двух имевшихся у нее кортиков. При квалификации ее деяния суды учитывали, что такие кортики, даже являясь антикварными и представляя историко-культурную ценность, не теряют признаков холодного оружия.

Проанализировав положения Федерального закона «Об оружии» и Закона Российской Федерации «О вывозе и ввозе культурных ценностей», Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что на законодательном уровне холодное оружие, имеющее культурную (историческую) ценность, рассматривается как обладающее не только соответствующими поражающими свойствами, но и особой историко-культурной ценностью, критериями которой служит, в частности, дата изготовления («возраст»). При этом судебная практика по таким делам исходила из широкого понятия холодного оружия как предмета, незаконный сбыт которого влечет уголовную ответственность.

В связи с рассогласованностью нормативного порядка приобретения и хранения оружия, имеющего культурную ценность, в том числе старинного (антикварного) холодного оружия, положение части четвертой статьи 222 УК Российской Федерации было признано не соответствующим Конституции Российской Федерации, как не предполагающее возможность учета специфики использования такого оружия как предмета, имеющего культурную ценность.

Федеральный закон «Об оружии» был уточнен Федеральным законом от 5 декабря 2017 года № 391-ФЗ, закрепившим нормативные основы продажи, дарения и наследования оружия, имеющего культурную ценность.

Таким образом, данное Постановление Конституционного Суда Российской Федерации не только устранило неопределенность в вопросах привлечения к ответственности собственников антикварного холодного оружия, но и послужило основой для дальнейшего развития коллекционирования таких предметов в нашей стране.

КС отметил, что федеральному законодателю следует установить четкие правила оборота холодного оружия, имеющего культурную ценность, а также соразмерную ответственность за их нарушение <...> И подобная избирательность правоохранителей — следствие невнятности той части закона, которая касается именно холодного оружия, что и признал во вторник Конституционный суд.

(Российская газета, 18.06.2014)

24. ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В.Крылова»

Конституция Российской Федерации закрепляет, что достоинство личности охраняется государством; ничто не может быть основанием для его умаления (часть 1 статьи 21); каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (часть 1 статьи 23); сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (часть 1 статьи 24).

В развитие указанных конституционных положений статья 152 ГК Российской Федерации предоставляет гражданину право требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности, а также требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением.

Суд общей юрисдикции по иску гражданина Е.В.Крылова признал часть распространенных неизвестными лицами на сайте в сети «Интернет» сведений порочащими его честь и достоинство (доброе имя) и не соответствующими действительности, а часть сведений — негативными оценочными мнениями и суждениями, совершенными в унижительной и оскорбительной формах, несовместимыми с природой права на свободное выражение мнений и убеждений, выходящими за допустимые пределы осуществления этого права, умаляющими честь и достоинство заявителя.

Впоследствии, однако, Е.В.Крылову было отказано в удовлетворении предъявленного к администратору (владельцу) сайта иска о защите чести и достоинства, взыскании компенсации морального вреда за распространение сведений, признанных вступившим в законную силу решением суда не соответствующими действительности, об обязанности ответчика удалить из комментариев на сайте эти сведения, а также личное изображение истца, размещенное без его согласия. При этом суд исходил из того, что авторство и распространение порочащих сведений именно ответчиком не доказаны, обязанность же дать опровержение сведений по правилам статьи 152 ГК Российской Федерации возложена на лицо, их распространившее; сайт не зарегистрирован как средство массовой информации, вследствие чего ответчик не обязан удалять или опровергать размещенную на этом сайте информацию, если он не является ее автором либо распространителем; модель интернет-форума, позволяющая пользователям размещать на таком сайте свои комментарии без предварительной проверки, закону не противоречит, а его создание и поддержание нельзя признать распространением порочащей истца информации.

Подобная практика фактически означала, что если невозможно установить личность гражданина, непосредственно разместившего на интернет-сайте, не относящемся к средствам массовой информации, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию другого лица сведения, то у последнего отсутствуют средства защиты своих личных неимущественных прав.

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что порочащие гражданина сведения, признанные судом ложными, по заявлению потерпевшего должны быть удалены владельцем сайта или уполномоченным им лицом, ответственным за размещение информации на этом сайте. Этим была обеспечена возможность защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан от опубликования на интернет-сайте порочащих их сведений, даже если они были опубликованы неустановленным лицом. В настоящее время статья 152 ГК Российской Федерации с учетом изменений, внесенных в нее Федеральным законом от 2 июля 2013 года № 142-ФЗ, прямо предусматривает право гражданина требовать удаления сведений, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию, если они оказались после их распространения доступными в сети «Интернет».

Решение, с одной стороны, должно защитить российских граждан от клеветы, распространяемой по Сети, а с другой — поможет владельцам сайтов не превращаться в своего рода «виртуальных шерифов».

Оспариваемым нормам было дано новое истолкование, и судьям КС пришлось потрудиться, чтобы пройти по грани между свободой слова и конституционной защитой прав личности.

(Российская газета, 10.07.2013)

«Вопрос установления пределов и условий привлечения к ответственности провайдера за действия своего пользователя является первоочередным для информационного законодательства», — отметил в заключении по запросу КС доцент юрфакультета СПбГУ Виктор Наумов.

«Интернет-сайт напоминает забор, владелец которого не может быть признан ответственным за нанесенные на него надписи», — доволен решением КС адвокат Сергей Голубок.

(Коммерсант, 10.07.2013)

25. ЗАЩИТА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ И ИНТЕРЕСОВ ДОБРОСОВЕСТНЫХ ПРИОБРЕТАТЕЛЕЙ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2003 года № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М.Мариничевой, А.В.Немировской, З.А.Скляновой, Р.М.Скляновой и В.М.Ширяева»

Принятию этого Постановления предшествовало формирование судебной практики, очевидно ущемлявшей интересы добросовестных граждан, купивших жилые помещения, которые до этого продавались несколько раз. Закон ограничивает истребование имущества от добросовестных приобретателей по иску первоначального владельца. Чтобы обойти эти ограничения, первоначальные владельцы предъявляли другие иски — требовали признать недействительными все договоры в «цепочке», в том числе договор

с последним приобретателем, и обязать стороны вернуть друг другу полученное. В результате удовлетворения таких исков квартиры возвращались первоначальным владельцам, несмотря на правила о защите добросовестных приобретателей. Заявители также оказались ответчиками по таким искам, и заключенные с ними договоры были признаны недействительными.

Конституционный Суд Российской Федерации признал, что добросовестным приобретателям должна быть гарантирована государственная защита их прав. Если последний покупатель приобрел имущество не у истца, права первоначального владельца не могут защищаться путем признания всех сделок в «цепочке» недействительными. Имущество может быть истребовано у добросовестного приобретателя только в предусмотренных законом случаях. Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что такое понимание норм является обязательным и для законодателя, и для правоприменителя и не может быть преодолено.

Позиции, выраженные в этом Постановлении, были учтены в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и восприняты судебной практикой. Они имеют большое значение для обеспечения стабильности гражданского оборота, в первую очередь «вторичного» рынка жилой недвижимости. Кроме того, данное Постановление заложило фундамент для других позиций Конституционного Суда Российской Федерации, направленных на защиту добросовестных приобретателей недвижимости.

Судьи КС посчитали, что действующие нормы закона должны распространяться на всех участников рынка без исключения <...> Теперь все добросовестные приобретатели могут быть уверены, что в любом случае из новой квартиры их никто не выселит. Для того чтобы попасть в ряды добросовестных приобретателей, достаточно оформить сделку по покупке недвижимости в полном соответствии с законом <...> Финансовый риск при покупке квартиры на вторичном рынке сократится как минимум в 8–10 раз.

(РБК-daily, 22.04.2003)

А.Венедиктов (журналист, главный редактор): «Сегодня Конституционный суд принял, на наш взгляд, поистине историческое решение — признал, что добросовестный приобретатель, в частности квартиры, не должен страдать, если когда-то какая-то сделка давно была в этой квартире и т. д. Теперь человек, приобретая квартиру добросовестно, не будет ее лишен». <...>

В.Ресин (первый заместитель мэра Москвы в правительстве Москвы, руководитель комплекса архитектуры, строительства, развития и реконструкции города): «Я приветствую решение Конституционного суда. Я думаю, что это поможет людям быть еще более уверенными в том, что они правильно потратили свои деньги. Потому что, знаете, боязнь есть. Люди иногда попадали, как на сыр в мышеловку. Поэтому Конституционный суд правильное принял решение. И количество сделок увеличится, и люди будут уверены в том, что они не окажутся бомжами».

(Эхо Москвы, 21.04.2003)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июня 2017 года № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н.Дубовца»

Из владения гражданина А.Н.Дубовца была истребована квартира, приобретенная им несколько лет назад по договору купли-продажи. Суды указали, что жилое помещение поступило в публичную собственность как выморочное имущество после смерти собственника в 1994 году и впоследствии выбыло из владения города Москвы помимо воли городских властей, поскольку право собственности за одним из предыдущих владельцев было зарегистрировано на основании поддельных документов. А.Н.Дубовец был лишь одним из многих ответчиков, оказавшихся в такой ситуации. Положение дел усугублялось тем, что суды нередко предъявляли завышенные требования к поведению, при котором приобретатель считается добросовестным, и иногда исходили из того, что ответчик сам должен доказать свою добросовестность.

По существу, в подобных делах происходило переложение последствий бездействия публичного собственника, не заботившегося о своем имуществе на протяжении многих лет, на добросовестного приобретателя — гражданина, который полагался на сведения о зарегистрированных правах на квартиру. При этом нельзя не учитывать различия между интересами сторон спора. Публичный собственник может предоставить жилое помещение кому-либо из неопределенного круга граждан, ожидающих квартиры по социальному найму в порядке очереди. Ответчик же уже имеет интерес в использовании конкретной квартиры. С учетом этого Конституционный Суд Российской Федерации запретил истребовать по иску публично-правовых образований от добросовестных приобретателей жилые помещения в подобной ситуации. Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил, в каком случае приобретатели имущества должны признаваться добросовестными, и подчеркнул, что добросовестность участников оборота предполагается.

Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание на практику Европейского Суда по правам человека, также направленную на защиту приобретателей квартир, выбывших из владения публичного собственника.

Во исполнение этого Постановления в Гражданский кодекс Российской Федерации были внесены изменения, причем ограничения предусмотрены для истребования от добросовестного приобретателя по иску публичного собственника любых жилых помещений, а не только выморочных. Еще до внесения этих изменений суды с учетом позиций Конституционного Суда Российской Федерации стали отказывать публичным собственникам в удовлетворении исков об истребовании квартир из владения добросовестных последних приобретателей. Таким образом, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации защитило граждан от одного из рисков при приобретении квартиры, который зачастую сложно предугадать.

Конституционный суд (КС) запретил государству отнимать у добросовестного покупателя проданную ему мошенниками недвижимость, признав при этом оспариваемую статью 302 Гражданского кодекса (ГК) соответствующей Основному закону.
(Коммерсант, 23.06.2017)

Если государство как владелец имущества не проявило о нем должной заботы, вину за это нельзя возлагать на гражданина. К такому выводу пришел Конституционный суд Российской Федерации, разбирая дело о выморочной квартире.

(Российская газета, 23.06.2017)

Вердикт Конституционного суда России теперь должен сгладить острые углы в норме Гражданского кодекса и призвать к ответу чиновников. А это, как уверены судьи, касается сотен людей, которые, возможно, пока что еще не знают, что отдали свои кровные за квартиру с темным прошлым.

(Первый канал, 22.06.2017)

У москвичей, которые стали жертвами афер с так называемыми «выморочными» квартирами, появилась надежда все-таки сохранить свое жилье. Еще на прошлой неделе люди, проигравшие не один суд, готовились к выселению, но теперь начали подавать новые иски. Это стало возможным после того, как Конституционный суд запретил отбирать такие квартиры у добросовестных покупателей.

(Вести, 30.06.2017)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2015 года № 13-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 311 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой граждан В.А.Князик и П.Н.Пузырина»

В конце 2004 года Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (утратил силу с 1 января 2020 года) был дополнен статьей, предусматривающей разовую компенсацию в размере до 1 млн руб. за счет казны Российской Федерации собственнику жилого помещения, который не вправе его истребовать от добросовестного приобретателя, а также добросовестному приобретателю, от которого жилое помещение было истребовано. Появление этого механизма было обусловлено рисками на рынке недвижимости и должно было стимулировать развитие оборота жилой недвижимости. Несмотря на указание закона, порядок выплаты компенсации Правительством Российской Федерации закреплен не был, и граждане были вынуждены обращаться по этому вопросу в суд. Суды же по-разному подходили к основаниям удовлетворения иска. В некоторых делах компенсация присуждалась только при наличии виновных действий государственного органа. В результате гарантии оказались доступными более узкому кругу лиц, нежели это предусмотрено законом.

В такой ситуации оказались и заявители — граждане В.А.Князик и П.Н.Пузырин, из владения которых была истребована квартира. Несмотря на решение суда и возбуждение исполнительного производства, уплаченные продавцу денежные средства они обратно так и не получили. В удовлетворении их иска о взыскании компенсации за счет казны Российской Федерации было отказано, поскольку суды не нашли оснований для привлечения к ответственности регистрирующего органа.

Конституционный Суд Российской Федерации выявил природу компенсации и признал, что она подлежит выплате независимо от вины уполномоченного государственного

органа. Соответственно, получение гражданами компенсации упростилось, что не могло положительно не повлиять на рынок жилой недвижимости, как и предполагалось при закреплении в законе такой меры. Позиции Конституционного Суда Российской Федерации подлежат учету при предоставлении компенсации гражданам, жилые помещения от которых истребованы до 1 января 2020 года.

В настоящее время выплата компенсации добросовестному приобретателю за утрату им жилого помещения регулируется статьей 681 Федерального закона от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». Компенсация добросовестному приобретателю за утрату жилого помещения и возмещение убытков, причиненных в результате ненадлежащего исполнения органом регистрации прав своих полномочий, четко разграничены.

Проще получить компенсацию будет отныне добросовестным покупателям жилья, которые его неожиданно лишились. Конституционный суд признал незаконными ограничения, которые были для них установлены.

Согласно решению КС, госорганы ответственны за действия, связанные с регистрацией прав на недвижимость, и именно из этого следует исходить. Кроме того, высшие судьи обязали Правительство РФ принять документ, который бы подробно прописывал порядок выплаты компенсации.

(Московский Комсомолец, 08.06.2015)

Конституционный суд принял крайне важное решение. Оно обрадует в первую очередь тех граждан, которые купили жилье как добросовестные приобретатели и потеряли его из-за чужих махинаций <...>

Конституционный суд признал оспоренную норму не соответствующей Основному закону, поскольку она вынуждает добросовестных приобретателей для получения компенсации доказывать недобросовестность регистрационного органа. Дело заявителей должно быть пересмотрено.

(Российская газета, 08.06.2015)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2021 года № 35-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В.Мокеева»

Имущественные споры между бывшими супругами зачастую затрагивают интересы третьих лиц. Сделки по распоряжению общим имуществом, совершенные одним из бывших супругов без согласия второго, могут быть признаны недействительными, если другая сторона об этом знала или должна была знать. Однако к моменту признания этой сделки недействительной имущество может уже и не находиться во владении стороны такой сделки.

Так случилось и в деле с участием Е.В.Мокеева. Как оказалось, один из предыдущих собственников квартиры продал ее без согласия бывшей жены (гражданки Г.) своему родственнику, у которого, в свою очередь, жилое помещение приобрел заявитель.

По иску Г. договор между ее бывшим мужем и его родственником признан недействительным. Удовлетворяя впоследствии ее иск об истребовании $\frac{1}{2}$ в праве собственности от Е.В.Мокеева, суд исходил из того, что жилое помещение выбыло из владения Г. помимо ее воли.

Конституционный Суд Российской Федерации оценил эту ситуацию с учетом особенностей имущественных отношений между бывшими супругами. Покупатели не должны выяснять, не были ли при отчуждении объекта недвижимости одним из предыдущих собственников нарушены права его бывшего супруга. Бывший супруг — сособственник общего имущества, заинтересованный в сохранении своих прав, сам должен предпринимать в соответствии с требованиями разумности и осмотрительности меры по контролю над этим имуществом. Гражданин, покупающий недвижимость у третьих лиц, во всяком случае имеет меньше возможностей оценить риски, связанные с возможными имущественными спорами между бывшими супругами. Права добросовестных участников оборота, которые приобрели право собственности на жилое помещение и зарегистрировали его, должны быть защищены от притязаний такого незначительного бывшего супруга.

Выраженные в этом Постановлении правовые позиции, устраняющие один из возможных рисков на рынке жилой недвижимости, важны для защиты интересов участников гражданского оборота. Кроме того, они могут рассматриваться как дополнительный стимул для своевременного разрешения имущественных конфликтов лицами, брак которых расторгнут.

Эксперты единодушны в оценке нового постановления Конституционного суда: оно поможет покупателям квартир и домов отстаивать свои права. «Теперь суды смогут правильно разрешать подобные споры, не отбирая половину недвижимости у добросовестного приобретателя», — говорит Андрей Трубицын из «КСК Групп». (Профиль, 26.07.2021)

КС РФ заступился за права добросовестных приобретателей имущества. Россияне не должны априори лишаться жилья, если доверились ЕГРН и не изучили всю цепочку сделок при покупке квартиры на вторичном рынке, упустив из вида права супруга.

(Фонтанка.ру, 13.07.2021)

Советник ФПА, руководитель практики по семейным и наследственным делам МКА «ГРАД» Сергей Макаров считает, что постановление Конституционного Суда имеет многозначную ценность, поскольку одновременно подтверждает ранее высказанные позиции и указывает новые ориентиры. «Этот документ посвящен ранее высказанной позиции о необходимости защиты прав добросовестного приобретателя недвижимости. Еще в 2003 г. поистине исторически значимым Постановлением № 6-П Суд развернул правоприменительную практику на защиту добросовестного приобретателя, и с тех пор он последовательно высказывается в защиту добросовестного приобретателя, что уже имеет многогранное значение, так как защищает и право собственности, и стабильность гражданского оборота», — подчеркнул он.

Касательно же новых ориентиров, по мнению эксперта, можно с благодарностью к КС отметить четко выраженную установку — фактически призыв к бывшим супругам, не оформившим свои права на имущество, приобретенное в браке, предпринимать меры — в соответствии с требованиями разумности и осмотрительности — по контролю за этим имуществом, и в том числе когда это отвечает его интересам, совершать действия, направленные на своевременный раздел данного имущества. «Это — очень четко сформулированная установка на необходимость проявлять добросовестность и не просто защищать свои права, а защищать их добросовестно, не нарушая без необходимости права иных лиц», — заметил Сергей Макаров.

(Адвокатская газета, 15.07.2021)

26. ЗАЩИТА ПРАВ НА ЗЕМЛЮ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2004 года № 8-П «По делу о проверке конституционности Земельного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Мурманской областной Думы»

Согласно Конституции Российской Федерации в Российской Федерации носителем суверенитета является ее многонациональный народ (статья 3, часть 1); земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности (статья 9); граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю (статья 36, часть 1); иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации (статья 62, часть 3).

Посчитав имеющейся неопределенность в том, соблюдены ли в полной мере указанные конституционные требования, Мурманская областная дума направила в Конституционный Суд Российской Федерации запрос о проверке отдельных положений Земельного кодекса Российской Федерации, предусматривающих возможность для иностранных граждан, иностранных юридических лиц и лиц без гражданства стать собственниками земельных участков, а также ограничения для них в сфере землепользования.

Конституционный Суд пришел к выводу, что положения Земельного кодекса Российской Федерации, предусматривающие ограничения для иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц в осуществлении права землепользования, имеют цель обеспечить суверенные права Российской Федерации на все ее природные богатства и ресурсы и защитить интересы российской экономики. Что же касается установленных законодателем случаев предоставления земли в частную собственность иностранных граждан, иностранных юридических лиц и лиц без гражданства, то указанным приобретателям передается не часть государственной территории, а лишь земельный участок как объект гражданских прав, что не затрагивает суверенитет Российской Федерации и ее территориальную целостность.

Тем самым было подтверждено право законодателя устанавливать разумные и необходимые для защиты суверенитета Российской Федерации ограничения в гражданском

обороте имущества для иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц при сохранении за ними общей возможности приобретать право собственности на земельные участки для осуществления обычной хозяйственной деятельности.

Представитель Правительства в Конституционном и Верховном судах Михаил Барщевский: «Решение юридически безукоризненно и верно в социально-экономическом смысле. КС в очередной раз пресек попытку политических игр на почве псевдоюридических споров».

(Газета, 26.04.2004)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 января 2009 года № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 2, 3 и 4 статьи 13 и абзаца второго пункта 1.1 статьи 14 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» в связи с жалобой гражданки Л.Г.Погодиной»

Федеральным законом «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» предусмотрен порядок выделения отдельным собственником земельного участка в счет его доли в праве общей собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения.

Согласно данному порядку местоположение такого земельного участка определяется участником долевой собственности в соответствии с решением общего собрания участников долевой собственности, которым также должны быть утверждены границы части находящегося в долевой собственности земельного участка, предназначенной для выделения в первоочередном порядке земельных участков в счет земельных долей. Если же общим собранием не утверждены такие границы, участник долевой собственности обязан известить в письменной форме о своем намерении выделить земельный участок в счет своей земельной доли остальных участников долевой собственности или опубликовать сообщение в СМИ с указанием предполагаемого местоположения выделяемого земельного участка. Если же от участников долевой собственности не поступят возражения относительно местоположения выделяемого земельного участка, предложение о его местоположении считается согласованным. Споры о местоположении выделяемого земельного участка разрешаются с использованием согласительных процедур, а в случае недостижения решения — судом.

Ряд граждан, включая заявительницу по данному делу, гражданку Л.Г.Погодину, опубликовали в СМИ сообщение о своем намерении выделить в счет принадлежащих им земельных долей земельный участок, в ответ на которое получили возражения от других собственников. Позднее о своем намерении выделить на той же территории земельный участок сообщил также иной собственник, ЗАО ПХ «Чулковское», который в ответ получил соответствующие возражения. Решением общего собрания участников долевой собственности большинством голосов было утверждено выделение спорного земельного участка в пользу ЗАО ПХ «Чулковское». При этом указанные голоса принадлежали ЗАО ПХ «Чулковское» и ряду других собственников, голосовавших в его пользу.

Заявительница, которой было отказано в удовлетворении требования о признании решения собрания недействительным, обратилась за защитой своих прав в Конституционный Суд Российской Федерации.

Оценивая конституционность указанного правового регулирования, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу о его соответствии Конституции Российской Федерации, но особо отметил, что рассматриваемые отношения по выделу земельных участков в счет долей в праве общей собственности на земельный участок затрагивают права и законные интересы значительного, как правило, числа сособственников, интересы которых могут носить различную направленность. Следовательно, они имеют признаки корпоративных отношений, поэтому одной из гарантий прав участников общей долевой собственности служит проведение общего собрания таких участников.

Если же заинтересованный сособственник предпринял все надлежащие и зависящие от него меры к проведению общего собрания по определению границ части находящегося в общей собственности земельного участка, предназначенной для выделения в первоочередном порядке земельных участков в счет земельных долей, непроведение такого собрания, как указал Суд, не может препятствовать участнику долевой собственности в реализации его права на выделение земельных участков в счет своих земельных долей. В случае поступления возражений от других сособственников собственник, заявивший о намерении осуществить свое право на выдел, обязан прибегнуть к согласительной процедуре, в качестве которой может выступать проведение общего собрания участников долевой собственности на земельный участок. Решение на таком собрании принимается большинством голосов, определяемым по числу земельных долей. Тем не менее если собственники не согласны с принятым решением, то оно может быть оспорено в судебном порядке.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации, оценив названное правовое регулирование, устранил неопределенность в вопросе о его конституционности и обеспечил права и законные интересы большого числа собственников долевых земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения.

Эксперты считают, что решение КС вполне логично. «Норма о том, сколько долей, столько и голосов, находится в рыночной и правовой плоскости, она позволяет инициативной группе принимать решения по судьбе земельных участков», — говорит старший юрист департамента «Недвижимость» юридической компании Sameta Денис Шорин.

(РБК-daily, 02.02.2009)

Конституционный суд разъяснил закон об обороте сельхозземель. Эксперты считают, что теперь будет легче получить земельный участок под ведение фермерского хозяйства.

(Деловой Петербург, 02.02.2009)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 2010 года № 12-П «По делу о проверке конституционности частей 2, 3 и 5 статьи 16 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации»,

частей 1 и 2 статьи 36 Жилищного кодекса Российской Федерации, пункта 3 статьи 3 и пункта 5 статьи 36 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Е.Ю.Дугенец, В.П.Минина и Е.А.Плеханова»

Жилищным кодексом Российской Федерации предусмотрено, что земельный участок, на котором расположен многоквартирный дом, принадлежит на праве общей долевой собственности собственникам помещений в этом доме.

Федеральным законом от 29 декабря 2004 года № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» также предусмотрено, что, если земельный участок, на котором расположен многоквартирный дом, сформирован до введения в действие Жилищного кодекса Российской Федерации и в отношении него проведен государственный кадастровый учет, он переходит бесплатно в общую долевую собственность собственников помещений в многоквартирном доме; если же такой земельный участок не сформирован до введения в действие Жилищного кодекса Российской Федерации, на основании решения общего собрания собственников помещений в данном доме любое уполномоченное собранием лицо вправе обратиться с заявлением о формировании соответствующего земельного участка. При этом земельный участок бесплатно переходит в общую долевую собственность собственников помещений в многоквартирном доме с момента формирования и проведения государственного кадастрового учета.

Однако Земельным кодексом Российской Федерации было закреплено, что для приобретения прав на земельный участок граждане, имеющие в собственности здания, строения и сооружения, расположенные на земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, совместно обращаются в исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления с заявлением о приобретении прав на земельный участок.

Решениями арбитражных судов с заявителей по данному делу, граждан Е.Ю.Дугенец, В.П.Минина и Е.А.Плеханова, в пользу муниципальных образований взысканы денежные средства в счет пользования земельными участками, расположенными под многоквартирными домами граждан. Принимая данные решения, арбитражные суды руководствовались тем, что приобретение права общей долевой собственности на сформированный до введения в действие Жилищного кодекса Российской Федерации земельный участок, на котором расположен многоквартирный дом, должно осуществляться по правилам земельного, а не жилищного законодательства.

Заявители, посчитав, что они являются участниками общей долевой собственности на земельные участки под этими домами в силу прямого указания закона без каких-либо дополнительных условий, обратились в Конституционный Суд Российской Федерации.

Конституционный Суд поддержал заявителей. Он указал, что сформированный и поставленный на кадастровый учет земельный участок под домом переходит в общую долевую собственность собственников помещений в многоквартирном доме без принятия властными органами решения о предоставлении этого земельного участка в собственность и государственной регистрации перехода права собственности на него. Кроме того, Суд подчеркнул, что обратиться в органы публичной власти с заявлением о формировании земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, вправе неуполномоченный на то общим собранием собственников помещений в данном доме собственник.

В последующем данный подход был отражен в законодательстве. Конституционный Суд Российской Федерации не только защитил права заявителей, но и обеспечил права и законные интересы миллионов граждан, являющихся собственниками помещений в многоквартирных домах.

Переход земельных участков под многоэтажками в собственность должен пойти гораздо быстрее после оглашенного в пятницу решения Конституционного суда.

Если посмотреть на постановление конституционных судей с обыденной точки зрения, то, в общем, они продолжают бороться с остатками советского мышления, подтверждая в очередной раз право собственников бдительно за своим имуществом, беречь его и приумножать <...>

Прямо с текстом постановления КС, написав заявление, каждый может отправляться требовать формирования земельного участка и постановки его на кадастровый учет.

(Российская газета, 31.05.2010)

Конституционный суд пошел навстречу тем, кто хочет стать владельцем земли, на которой стоит дом. Теперь для этого не нужно дожидаться согласия соседей.

(Деловой Петербург, 29.05.2010)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2019 года № 9-П «По делу о проверке части 5 статьи 13 Федерального закона «Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации — городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А.К.Качковского и А.Г.Федосова»

Конституция Российской Федерации, гарантируя в России единство экономического пространства, равную защиту частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности, предусматривает, что принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения (статьи 2, 8 и 35).

Оспоренное законоположение — в качестве исключения из общего правила, предусмотренного Гражданским и Земельным кодексами Российской Федерации, — устанавливало, что стоимость изымаемого для государственных нужд недвижимого имущества определялась исходя из его рыночной стоимости на день, предшествующий принятию решения об утверждении предусматривающей размещение такого объекта документации по планировке территории. Значительный промежуток времени между принятием данного решения и изъятием имущества у собственников (в деле заявителей данный период превысил 3 года), а также существующие инфляционные процессы привели к тому, что величина предоставляемого им возмещения уже не соотносилась с реальной рыночной стоимостью имущества в период изъятия, что было недопустимо с учетом установленного статьей 35 (часть 3) Конституции Российской Федерации требования о равноценности такого возмещения.

Конституционный Суд Российской Федерации признал оспариваемую норму неконституционной, и в порядке исполнения данного решения она была отменена законодателем (утратила силу согласно Федеральному закону от 27 декабря 2019 года № 455-ФЗ), что позволило собственникам имущества, расположенного в городе Москве и подлежащего изъятию для государственных нужд, претендовать на равноценное возмещение согласно общим правилам, действующим на всей территории Российской Федерации.

Конституционный суд обязал правительство Москвы давать рыночную цену за изымаемую для госнужд недвижимость <...>

Принятое решение должно снизить социальную напряженность, но вопросы по выкупу земли все равно останутся — это острая проблема, которую нельзя решить раз и навсегда, предупреждает управляющий партнер компании «Метриум» Мария Литинецкая.

(Ведомости, 13.02.2019)

Конституционный суд (КС) запретил занижать стоимость недвижимости, изъятый для строительства инфраструктуры Новой Москвы. Практика выкупа земли без индексации по цене, определенной в 2013–2014 годах, признана неконституционной. Федеральный законодатель обязан исправить введенный в 2013 году в столице упрощенный порядок возмещения при изъятии земель, а суды до этого должны руководствоваться их рыночной стоимостью <...>

«Решение КС ориентирует на более системную проработку законодательства о выкупе имущества для госнужд. До сих пор все делалось часто в авральном порядке: Олимпиада в Сочи, АТЭС, Новая Москва, — напомнила глава аналитической службы юрфирмы «Инфралекс» Ольга Плешанова. — Ситуационный подход неоднократно подвергался критике, в том числе на президентском Совете по кодификации: эксперты отмечали ущербность такого регулирования и заявляли о необходимости качественного законодательства в этой сфере».

(Коммерсант, 13.02.2019)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2020 года № 11-П «По делу о проверке конституционности подпунктов 4 и 5 пункта 1 и пункта 5 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.С.Бутримовой»

Земельным кодексом Российской Федерации предусмотрено право граждан на возмещение убытков, причиненных собственнику земельного участка правомерными действиями органов публичной власти, ограничивающими его право собственности, а равно изменяющими целевое назначение земельного участка.

Действиями Правительства Новгородской области по расширению зон охраны объектов культурного наследия право собственности гражданки И.С.Бутримовой на земельный участок было ограничено. Вследствие этого кадастровая стоимость земельного участка с 5 804 995 рублей 30 копеек была снижена до 1 рубля. При этом судами

заявительнице было отказано во взыскании убытков, поскольку ею не был доказан факт причинения убытков незаконными действиями государственных органов, а сами акты, ограничивающие ее право собственности, не оспорены. Заявительница, посчитав такой отказ, основанный на нормах Земельного кодекса Российской Федерации, нарушающим ее конституционные права, обратилась с жалобой в Конституционный Суд Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации защитил права заявительницы, признав подпункты 4 и 5 пункта 1 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации, закрепляющие случаи возмещения убытков, причиненные действиями органов государственной власти, не соответствующими Конституции Российской Федерации. При этом Суд отметил, что существующие в судебной практике подходы к решению данного вопроса свидетельствуют о неопределенности оспариваемых норм. Следовательно, подобное регулирование не может в полной мере обеспечить защиту прав граждан.

Конституционный Суд Российской Федерации также указал, что основанием для возмещения убытков, причиненных собственнику земельного участка ограничением его прав на землю органом государственной власти по причине правомерного установления или изменения зоны охраны объекта культурного наследия, — впредь до внесения федеральным законодателем изменений в законодательство — является само наличие убытков, вызванных правомерными действиями этого органа.

Тем самым Суд внес определенность в рассматриваемые отношения, обеспечив необходимый уровень защиты прав собственников земельных участков и сориентировав судебную практику на конституционное прочтение положений Земельного кодекса Российской Федерации.

Конституционный суд РФ защитил права собственников земли в границах объектов культурного наследия <...>

Конституционный суд РФ обязал государственные органы власти компенсировать убытки граждан, причиненные им в результате ограничения права частной собственности. В решении суда подчеркивается, что это должно быть сделано даже в тех случаях, когда действия властей были правомерными.

(Российская газета, 05.03.2020)

27. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ В ЖИЛИЩНОЙ СФЕРЕ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 ноября 1998 года № 25-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 4 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» в связи с запросами Волгоградской областной Думы, Дмитровского районного суда Московской области и жалобой гражданина В.А. Мостипанова»

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 октября 2000 года № 13-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 13 статьи 39 Закона Российской Федерации «Об образовании», статьи 1 Федерального

закона «О сохранении статуса государственных и муниципальных образовательных учреждений и моратории на их приватизацию» и пункта 7 статьи 27 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в связи с запросом Майнского районного суда Ульяновской области, а также жалобами граждан Е.Е.Насоновой и Н.П.Ярушиной»

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 6-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 пункта 2 статьи 2 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» и части первой статьи 4 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» (в редакции статьи 12 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации») в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации и жалобой граждан М.Ш.Орлова, Х.Ф.Орлова и З.Х.Орловой»

Конституционным Судом принят ряд решений по вопросу приватизации жилых помещений, положительно повлиявших на уровень гарантий права собственности и права на жилище. Конституция Российской Федерации, провозглашая равенство граждан перед законом вне зависимости от каких-либо обстоятельств (статья 19, части 1 и 2), одновременно предусматривает, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3).

В контексте этих фундаментальных гарантий правового статуса личности Конституционный Суд обратил внимание на оспариваемую гражданином В.А.Мостипановым и иными заявителями статью 4 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации». Она запрещала в безусловном порядке приватизацию жилых помещений в коммунальных квартирах государственного и муниципального жилищного фонда социального использования, тем самым лишая значительную категорию граждан возможности реализовать свое право на жилище наравне с другими лицами, которые проживали или проживают в квартирах, не относящихся к разряду коммунальных.

Конституционный Суд признал такой безусловный запрет противоречащим Конституции Российской Федерации (Постановление от 3 ноября 1998 года № 25-П), отметив, что суды обязаны при решении вопроса о допустимости приватизации гражданами занимаемых жилых помещений не ограничиваться лишь формальным подтверждением отсутствия разрешения (согласия) на приватизацию со стороны уполномоченных органов, а учитывать фактические обстоятельства, в том числе факты злоупотребления правом со стороны публичного собственника.

В настоящее время статья 4 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» не предусматривает указанного ограничения в приватизации коммунальных квартир. Тем самым обеспечены конституционные гарантии прав граждан, проживающих в коммунальных квартирах.

Кроме того, существовал запрет на приватизацию жилых помещений, находящихся в сельской местности и закрепленных за государственными и муниципальными образовательными учреждениями и высшими учебными заведениями. При таких обстоятельствах учителя и преподаватели вузов, и без того находящиеся в нелегком положении, без каких-либо разумных оснований были лишены права приватизировать занимаемое ими жилое помещение, в отличие от иных категорий граждан. В Постановлении от 24 октября 2000 года № 13-П Конституционный Суд Российской Федерации расценил указанный запрет как дискриминационный и не отвечающий задачам, поставленным самим законодателем и положенным в основу введения этого запрета. В результате этого работники образовательной сферы получили возможность приватизировать расположенные в сельской местности жилые помещения, в которых они проживают, наравне с другими гражданами. На приведение регулирования в соответствие с Конституцией Российской Федерации было направлено изменение в 2009 году норм, регламентировавших соответствующие правоотношения. Законы, в которых содержались эти нормы, утратили силу, но действующее регулирование также не предусматривает запрета приватизировать жилые помещения, находящиеся в сельской местности и закрепленные за образовательными организациями. Выраженные в этом Постановлении правовые позиции имеют значение и при решении вопроса о приватизации иных жилых помещений. Так, в статье 4 Закона Российской Федерации от 4 июля 1991 года № 1541-І «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» содержится, среди прочего, запрет приватизации находящегося в сельской местности жилищного фонда стационарных учреждений социальной защиты населения. В Определении от 10 декабря 2002 года № 316-О Конституционный Суд признал это правило — в той мере, в какой оно распространяется на жилищный фонд, находящийся вне территорий соответствующих учреждений социальной защиты населения, — не подлежащим применению.

Обращался Конституционный Суд Российской Федерации и к проблеме ограничения приватизации жилых помещений, занимаемых гражданами по договору социального найма и предоставленных после 1 марта 2005 года. Конституционный Суд Российской Федерации признал не отвечающей конституционным требованиям норму, установившую запрет на приватизацию таких жилых помещений (Постановление от 15 июня 2006 года № 6-П). Федеральному законодателю было предписано учитывать право граждан иметь возможность адаптироваться к вносимым им изменениям в течение некоторого переходного периода. Упомянутый временной критерий был отменен. В настоящее время закон не ограничивает приватизацию жилых помещений государственного и муниципального жилищных фондов какими-либо сроками.

Генеральный директор агентства недвижимости «Невская крепость» Дмитрий Диомидовский заявил, что он ждал отмены запрета на приватизацию комнат 6 лет: «Решение суда сделает операции с комнатами более открытыми, а значит, и менее криминальными. Комнаты продавались и раньше, но людям приходилось искать обходные пути, идти на различные уловки» <...>

Президент агентства недвижимости «Бекар» Александр Шарапов считает, что постановление суда положительно скажется на динамике продаж комнат.

«По моим оценкам, объемы сделок увеличатся примерно на 30 %, — говорит Александр Шарапов, — законопослушные граждане не решались продавать комнаты, раз не было законов».

(Деловой Петербург, 06.11.1998)

Коммунальщики всей страны, разъединяйтесь! Конституционный суд признал ваше право на приватизацию. Сегодня в России около миллиона коммунальных квартир (из них в одной только Москве 365 тысяч). Число их ежегодно сокращается. Тем не менее до сих пор на родине коммуналки — в России — существуют квартиры, в которых «на 38 комнаток всего одна уборная». И если раньше у местных обитателей были хотя бы какие-то надежды на государство в плане улучшения жилищных условий, то теперь муниципальные очереди заморожены. И гражданам приходится рассчитывать только на самих себя. Вернее, на свои квадратные метры. Однако приватизировать отдельные комнаты в коммунальных квартирах до вчерашнего дня было нельзя. 3 ноября Конституционный суд наконец уравнил коммунальщиков в правах с остальными гражданами.

(Время МН, 04.11.1998)

Квартиру разрешалось оставить учителю только после десяти лет работы в деревне, но все равно он мог в ней только жить, а приватизировать, обменять или продать ее запрещалось. По сути, учитель, приехавший в деревню, становился чуть ли не крепостным. Конституционный Суд, рассмотрев жалобы преподавателей, принял их сторону, нормы закона признаны неконституционными <...>

Суд рассматривал только юридическую сторону вопроса, но в кулуарах и юристы по-человечески удивлялись вопиющей несправедливости. Обиженными оказались как раз те, чью работу и жизнь и так с натяжкой назовешь нормальной <...> При желании сельские учителя могут заняться приватизацией жилья уже сегодня.

(Телеканал ОРТ, 24.10.2000)

Подарок очередникам. Конституционный суд (КС) вчера разрешил приватизировать жилье, полученное по договору социального найма после 1 марта 2005 года. Судьи КС признали не соответствующей Конституции статью закона о введении в действие Жилищного кодекса (ЖК), которая запрещает приватизировать социальное жилье, предоставленное гражданам после вступления кодекса в силу <...>

Эксперты рынка недвижимости утверждают, что решение КС облегчит жизнь многим семьям. «В столице в 2006 году планируется построить 400 тысяч квадратных метров жилья для очередников — от решения суда выигрывают именно они», — пояснил «НГ» пресс-секретарь инвестиционно-строительной компании «Сити-XXI век» Сергей Лядов. Всего же в России, по официальным данным, в очереди на получение квартиры находятся 4,5 млн семей. Научный руководитель Центра социальных исследований и инноваций Евгений Гонтмахер также поддерживает это решение КС, отмечая что «отмененные положения были, по сути, дискриминационными». Приватизировав социальное жилье, его обладатели получают право передавать такие дома и квартиры по наследству, а также их продавать.

(Независимая газета, 16.06.2006)

Сторонник отмены нормы закона «О введении в действие Жилищного кодекса», ограничивающей приватизацию жилья, полученного очередниками, депутат Оксана Дмитриева вчера заявила Ъ, комментируя вынесенное решение КС: «Это абсолютно правильное решение. Люди встали в очередь на квартиру по другим правилам, ждали 20 лет и теперь не имеют права приватизировать квартиру...»
(Коммерсант-Daily, 16.06.2006)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 1995 года № 8-П «По делу о проверке конституционности части первой и пункта 8 части второй статьи 60 Жилищного кодекса РСФСР в связи с запросом Муромского городского народного суда Владимирской области и жалобами граждан Е.Р.Такновой, Е.А.Оглоблина, А.Н.Ващука»

В производстве Муромского городского народного суда Владимирской области находилось гражданское дело по иску акционерного общества «Красный Луч» к А.Н.Кузнецову о признании его утратившим право пользования жилым помещением в связи с тем, что он был осужден к двум годам лишения свободы. На практике одинокие граждане, осуждаемые к лишению свободы, автоматически лишались жилых помещений, нанимателями которых они являлись. Городской суд, рассматривавший это дело по первой инстанции, пришел к выводу о том, что оспариваемые нормы Жилищного кодекса РСФСР, лишаящие жилища всех граждан, осужденных к лишению свободы на срок более полугода (часть первая и пункт 8 части второй статьи 60), потенциально нарушают их конституционное право на жилище, и обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности этих норм. Аналогичные требования поступили в Конституционный Суд от граждан Е.Р.Такновой, Е.А.Оглоблина и А.Н.Ващука, которые в разное время были признаны утратившими право пользования занимаемыми ими жилыми помещениями на основании пункта 8 части второй статьи 60 ЖК РСФСР.

Конституционный Суд установил, что положение пункта 8 части второй статьи 60 ЖК РСФСР, фактически вводящее не предусмотренное уголовным законом дополнительное наказание в виде лишения жилой площади, приводит к дискриминации в жилищных правах отдельных категорий граждан по признаку наличия у них судимости. Это, в свою очередь, нарушает гарантируемый государством принцип равенства прав и свобод человека и гражданина (статья 19, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации). Руководствуясь этим, Конституционный Суд решил, что временное отсутствие гражданина (нанимателя жилого помещения или членов его семьи), в том числе в связи с осуждением к лишению свободы, само по себе не может служить основанием для лишения права пользования жилым помещением.

Данное решение Конституционного Суда Российской Федерации было поддержано и исполнено федеральным законодателем: в новый Жилищный кодекс Российской Федерации, введенный в действие с 1 марта 2005 года, была включена статья 71, согласно которой временное отсутствие нанимателя жилого помещения по договору социального найма, кого-либо из проживающих совместно с ним членов его семьи или всех этих граждан не влечет за собой изменение их прав и обязанностей по договору социального найма.

Конституционный суд отстоял права заключенных на жилье. Решение признать положения части 1 и пункта 8 части 2 ст. 60 Жилищного кодекса России, допускающие лишение гражданина права пользования жилым помещением в случае его временного отсутствия, не соответствующими Конституции России принял вчера Конституционный суд России. Судьи сочли, что отсутствие гражданина по месту прописки в течение более 6 месяцев, в том числе и в связи с нахождением в местах лишения свободы, само по себе не может служить основанием для лишения его права пользования жилым помещением <...> Судьи КС признали, что лишение жилья является фактически дополнительным наказанием, не предусмотренным Уголовным кодексом, а потому оно незаконно.

(Коммерсант-Daily, 24.06.1995)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 апреля 1998 года № 10-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1, 3 и 4 статьи 32 и пунктов 2 и 3 статьи 49 Федерального закона от 15 июня 1996 года «О товариществах собственников жилья» в связи с запросом Советского районного суда города Омска»

В соответствии с Конституцией Российской Федерации каждый имеет право на объединение (статья 30, часть 1); никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем (статья 30, часть 2). В свою очередь, пункты 1, 3 и 4 статьи 32 и пункты 2 и 3 статьи 49 действовавшего на тот момент Федерального закона «О товариществах собственников жилья» предполагали, что собственник жилого помещения в многоквартирном доме мог быть против своей воли признан членом товарищества собственников жилья, а потому стали предметом пристального внимания со стороны Конституционного Суда Российской Федерации. Поводом для рассмотрения этого конституционно-значимого вопроса послужил запрос Советского районного суда города Омска, посчитавшего оспариваемые нормы нарушающими конституционную свободу каждого самостоятельно решать, ассоциировать ли себя с тем или иным общественным объединением или воздержаться от пребывания в нем.

Конституционный Суд Российской Федерации согласился с заявителем и признал нарушение конституционной свободы объединений, разрешив гражданам отказаться от вступления в товарищество собственников жилья. Однако он подчеркнул, что такой отказ не освобождает их от участия в несении необходимых расходов на содержание единого комплекса недвижимого имущества (кондоминиума), а товарищество не может устанавливать преференции по владению и пользованию общим имуществом только для членов товарищества либо налагать на домовладельцев, не являющихся членами товарищества, дополнительные обязанности, выходящие за рамки возмещения необходимых затрат по управлению кондоминиумом и его эксплуатации. Конституционный Суд также отметил, что определение необходимых расходов, связанных с управлением, содержанием и эксплуатацией кондоминиума, должно производиться в порядке достижения общего согласия всех домовладельцев, а споры по данным вопросам — разрешаться в судебном порядке.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 апреля 1998 года № 10-П полностью исполнено законодателем: в принятый впоследствии новый Жилищный кодекс Российской Федерации была включена статья 143, закрепляющая, что членство в товариществе собственников жилья возникает у собственника помещения в многоквартирном доме на основании заявления о вступлении в товарищество собственников жилья (часть 1). Без такого заявления включить собственника жилого помещения в товарищество собственников жилья невозможно. Тем самым и по сегодняшний день в этом вопросе обеспечено фундаментальное конституционное право граждан свободно вступать в общественные объединения.

Конституционный суд признал сегодня неконституционными две статьи Федерального закона «О товариществах собственников жилья», предусматривающие принудительное вступление всех домовладельцев в эти добровольные объединения с последующей оплатой содержания их аппарата <...>

Товарищество не может нарушать права жильцов, отказавшихся от членства в товариществе. Однако и отказ части домовладельцев от вступления в члены товарищества не освобождает их от участия в несении необходимых расходов, связанных с управлением кондоминиумом в целях его содержания и эксплуатации.

Принимая это «соломоново решение», члены Конституционного суда отметили также, что расходы не должны выходить за рамки необходимых затрат. А определение этих «необходимых расходов» должно производиться «в порядке достижения общего согласия всех домовладельцев», споры по данным вопросам — разрешаться в судебном порядке.

(ТАСС, 03.04.1998)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2001 года № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобами граждан А.С.Стаха и Г.И.Хваловой»

Право граждан на получение жилищных субсидий за счет средств федерального бюджета при переселении из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в другие регионы России установлено законодателем в конституционно значимых целях, связано с реализацией права на жилище, права на вознаграждение за труд, права свободно передвигаться, выбирать место жительства, а также имущественных прав (статья 37, часть 3; статья 40; статья 27, часть 1; статья 35, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации) и, следовательно, подлежит государственной, в том числе судебной, защите. Заявителями по данному делу выступили лица, которые в соответствии с ранее действовавшим законодательством приобрели право на получение жилищных субсидий для граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, при наличии стажа работы в указанных районах и местностях не менее 10 лет, однако в связи с изменением законодателем условий их предоставления (увеличение минимальных требований к стажу до 15 лет) не смогли реализовать его.

Конституционный Суд Российской Федерации установил, что распространение нового условия о минимальном 15-летнем стаже работы (времени проживания) для получения жилищной субсидии на лиц, которые выполнили требования, предусмотренные ранее действовавшим законодательством, означает придание обратной силы закону, ухудшающему положение граждан. Он признал отмену для этих лиц права на получение жилищной субсидии несовместимой с требованиями Конституции Российской Федерации.

В указанном Постановлении был сформулирован принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимости внесения произвольных изменений, а также предоставление гражданам в случае необходимости возможности, в частности посредством установления временного регулирования, в течение некоего разумного переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям.

Значение рассмотренного Постановления Конституционного Суда РФ заключается в том, что оно, по сути, подтвердило право лиц, имеющих трудовой стаж в районах Крайнего Севера не менее 10 лет, заработанный до вступления в силу в 1998 году Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей», на получение жилищной субсидии для приобретения жилья.

(Жилищное право, № 4, 2012)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2011 года № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 7 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой граждан А.С.Епанечникова и Е.Ю.Епанечниковой»

В соответствии со статьей 40 Конституции Российской Федерации органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище (часть 2); малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами.

В рамках реализации приведенных конституционных требований оспоренная норма предоставляет гражданам, проживающим в домах, которые ранее были общежитиями государственных или муниципальных предприятий и учреждений, а затем переданы в ведение органов местного самоуправления, право использовать занимаемые ими жилые помещения на условиях договора социального найма. Соответственно, у этих граждан возникает право и на приватизацию таких помещений. Однако судебная практика придала данному законоположению ограничительное толкование: возможность пользоваться жилыми помещениями на условиях социального найма признавалась лишь за гражданами, проживающими в жилых помещениях в общежитиях, которые были переданы в муниципальную собственность до 1 марта 2005 года

(даты введения Жилищного кодекса Российской Федерации в действие), в то время как заявители вселились в жилое помещение в 2006 году, а здание общежития передано в муниципальную собственность в 2007 году.

Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что ограничения конституционного права на жилище могут быть установлены в конституционно значимых целях только федеральным законом, но не могут следовать из него по умолчанию или на основании ограничительного толкования его норм. Государство же должно гарантировать равенство прав граждан, находящихся в одинаковых условиях, в данном случае — проживающих на законных основаниях в жилых домах, ранее использовавшихся в качестве общежитий, независимо от даты передачи таких домов в ведение органов местного самоуправления (до или после введения в действие Жилищного кодекса Российской Федерации) и даты заселения. Соответственно, правила о договоре социального найма должны применяться также и к отношениям по пользованию упомянутыми жилыми помещениями, если они были предоставлены гражданам на законных основаниях и после 1 марта 2005 года и соответствующие здания переданы в ведение органов местного самоуправления также после этой даты.

Таким образом, были защищены права граждан в жилищной сфере, а в адрес судов направлен посыл о недопустимости ограничительного толкования законоположений, предусматривающих права граждан, по сравнению с тем, как эти права сформулированы самим законодателем. Законодатель в порядке исполнения данного Постановления принял Федеральный закон от 2 октября 2012 года № 159-ФЗ, который внес соответствующие уточнения в статью 7 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации».

Конституционный суд принял решение, которое может повлиять на судьбу многих российских семей, проживающих в общежитиях. Переход помещения из федеральной собственности в муниципальную — это изменение правового статуса в момент изменения статуса передачи общежития муниципалам, а не день вступления в силу Жилищного кодекса. Иное толкование нарушает конституционное право на жилище. (НТВ, 11.04.2011)

Конституция действует и в общежитии. Ранее (заявители) говорили о том, что, когда они проиграли свое дело в суде, химкинские власти подготовили более сотни встречных исков, чтобы выселить из общежития и другие семьи. Теперь дело подлежит пересмотру, а значит, многие тысячи людей по всей стране могут надеяться на то, что их не выбросят на улицу из бывших общежитий, где они проживают. (Радио Свобода, 11.04.2011)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 января 2018 года № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статей 1814 и 1815 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А.Логинова»

Судом исследовался вопрос о том, могут ли собственники помещений в многоквартирном доме устанавливать различные размеры платы за содержание общего имущества

для собственников жилых и нежилых помещений (например, могут ли быть разными соответствующие платежи для собственников квартир и торговых площадей в одном и том же доме). Так, в случае заявителя решением общего собрания было установлено, что плата с 1 кв. м жилого помещения превышала плату с 1 кв. м коммерческих помещений в доме почти в два раза.

Конституционный Суд подчеркнул, что собственники всех помещений в многоквартирном доме (жилых и нежилых) должны участвовать в расходах на содержание общего имущества в таком доме соразмерно своей доле в праве общей собственности на это имущество. При этом общее собрание собственников своим решением может изменить доли участия собственников того или иного вида помещений в расходах, но не может делать это произвольно. Это решение должно обеспечивать содержание общего имущества в многоквартирном доме и основываться на объективных обстоятельствах, таких как особенности помещений в данном доме, их назначение и условия использования. Суд установил, что дифференциация платежей не должна приводить к недопустимым различиям в правовом положении собственников помещений в многоквартирном доме, относящихся к одной и той же категории.

При этом решение общего собрания собственников о различных размерах такого рода платежей может быть признано судом недействительным, если оно нарушает требования закона.

Вчера Конституционный суд обнародовал свое постановление по интересному делу, волнующему многих жителей многоквартирных домов. Высший суд ответил на вопрос — сколько должно стоить для граждан обслуживание общедомового имущества в многоквартирном доме? Конституционный суд в своем решении заявил, что нормы закрепляют за всеми собственниками недвижимости обязанность вносить платежи за содержание общего имущества. И это не оспаривается. А вот размер этих платежей устанавливается собственниками на общем собрании.

(Российская газета, 30.01.2018)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2018 года № 46-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 40 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов в связи с жалобами граждан В.И.Леоновой и Н.Я.Тимофеева»

Подавляющее большинство многоквартирных домов подключено к централизованным сетям теплоснабжения, и все жилые помещения в них, как правило, отапливаются централизованно. Однако в силу разных объективных причин некоторые граждане в таких домах были вынуждены перейти на автономное отопление своих квартир, например, из-за низкой эффективности централизованного теплоснабжения или потому, что изначально помещение не было подсоединено к внутридомовой инженерной системе отопления. Изменив квартирную систему отопления с централизованной на автономную в соответствии с действовавшим в период такого изменения правовым регулированием, люди сталкивались с требованиями оплатить коммунальную услугу по централизованному отоплению своей квартиры.

Это было вызвано тем, что оспоренная гражданами норма не допускала раздельного расчета платы за отопление квартиры и платы за отопление в целях содержания общего имущества в многоквартирном доме. В связи с этим при начислении платы невозможно было учесть самостоятельный обогрев гражданами квартир, переведенных на автономное отопление в законном порядке.

Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что такой порядок нарушает права граждан, поскольку они вынуждены оплачивать услугу, которая им фактически не оказывается. Суд обратил внимание на то, что переход на индивидуальное отопление квартир не освобождает собственников от обязанности вносить плату за отопление общего имущества в многоквартирном доме. Однако норма не позволяла вносить плату за эту коммунальную услугу лишь в части ее потребления в целях содержания общего имущества. В результате несовершенное правовое регулирование приводило к тому, что с граждан взыскивалась плата и за не поступающую непосредственно в их помещения тепловую энергию.

В связи с этим оспоренная гражданами норма была признана не соответствующей Конституции Российской Федерации, а Правительству Российской Федерации поручено изменить порядок определения платы за отопление, чтобы он учитывал подобные случаи. Изменения вступили в силу менее чем через две недели с момента вынесения Постановления — с 1 января 2019 года в связи с принятием Постановления Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2018 года № 1708.

Отсутствие необходимого правового регулирования не повод возлагать на граждан дополнительные обязанности, в данном случае по оплате фактически не полученной услуги. В противном случае оказывается нарушенным конституционный принцип равенства перед законом и судом: собственники индивидуальной системы отопления оказываются в заведомо худшем положении, вынужденные платить дважды.

(Российская газета, 25.12.2018)

28. ЗАЩИТА ПРАВ ВКЛАДЧИКОВ ПО ДОГОВОРУ БАНКОВСКОГО ВКЛАДА

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 февраля 1999 года № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О.Ю.Веселяшкиной, А.Ю.Веселяшкина и Н.П.Лазаренко»

Федеральным законом «О банках и банковской деятельности» было предусмотрено, что кредитная организация в случаях, предусмотренных федеральным законом или договором с клиентом, имеет право в одностороннем порядке изменять процентные ставки по кредитам, вкладам (депозитам), комиссионное вознаграждение и сроки действия договоров с клиентами. Заявителями по настоящему делу, гражданами О.Ю.Веселяшкиной, А.Ю.Веселяшкиным и Н.П.Лазаренко, были заключены договоры срочного банковского вклада, по которым кредитная организация в одностороннем

порядке снизила процентную ставку. Граждане, посчитав, что указанное положение, позволяющее банку в силу договора снижать в одностороннем порядке процентные ставки по срочным вкладам граждан, нарушает их конституционные права, обратились с жалобой в Конституционный Суд Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации поддержал позицию заявителей. Суд указал, что, несмотря на то что свобода договора выступает одной из гарантируемых государством свобод человека и гражданина, она не является абсолютной и не должна приводить к отрицанию или умалению других общепризнанных прав и свобод, а также может быть ограничена федеральным законом. Однако такое ограничение допустимо лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, прав и законных интересов других лиц. При этом отсутствие в законе обоснованных ограничений экономически сильной стороны в договоре срочного банковского вклада приводит к чрезмерному ограничению (умалению) конституционной свободы договора. Следовательно, возможность банка произвольно изменять в одностороннем порядке процентную ставку по срочным вкладам граждан без определения в федеральном законе оснований, обуславливающих такую возможность, не соответствует Конституции Российской Федерации.

Данная позиция Конституционного Суда Российской Федерации в последующем стала основной для защиты прав иных граждан в отношениях с кредитными организациями, выступающими более сильной экономической стороной в кредитно-расчетных отношениях.

Простые вкладчики наконец-то одержали победу над коммерческими банками. На днях Конституционный суд (КС) России принял решение, запрещающее банкам в одностороннем порядке менять процентные ставки по срочным вкладам <...>

Тот факт, что Конституционный суд занял сторону простых вкладчиков, сам по себе необычайно важен. Теперь банки не смогут обманывать клиентов, заманивая их заоблачными процентами в надежде либо на последующее одностороннее снижение ставок, либо вообще на невыполнение своих обязательств. Любой гражданин, которому коммерческий банк теперь попытается вручить договор, содержащий пункт о возможности в одностороннем порядке изменить процентную ставку по депозитным вкладам (или вообще снизить ставку во время действия договора), может преспокойно отправиться в суд со стопроцентной гарантией выиграть дело. Прецедент уже был создан, и суды в подобных спорных вопросах будут, скорее всего, занимать позицию именно рядовых вкладчиков.

(Независимая газета, 27.02.1999)

КС признал не соответствующей Конституции РФ статью закона «О банках и банковской деятельности», которая оставляла за банком формальное право снижать ставки только потому, что индивидуальный договор с клиентом предусматривал это право. Суд также констатировал, что такой пункт включаться в типовые договоры банка с клиентом вообще не должен. Конституционный суд обязал районные суды, где ранее заявители оспаривали действия своих банков и проиграли, пересмотреть эти решения. Постановление Конституционного суда РФ является окончательным, обжалованию не подлежит, вступает в силу немедленно после его провозглашения и действует непосредственно.

(Финмаркет, 23.02.1999)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 октября 2015 года № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 836 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.С.Билера, П.А.Гурьянова, Н.А.Гурьяновой, С.И.Каминской, А.М.Савенкова, Л.И.Савенковой и И.П.Степанюгиной»

Гражданским кодексом Российской Федерации предусмотрено, что договор банковского вклада должен быть заключен в письменной форме, которая считается соблюденной, если внесение вклада удостоверено сберегательной книжкой, сберегательным или депозитным сертификатом либо иным выданным банком вкладчику документом, отвечающим определенным требованиям.

Граждане И.С.Билер, П.А.Гурьянов, Н.А.Гурьянова, С.И.Каминская и И.П.Степанюгина заключили договоры банковского вклада в здании банка в присутствии его работников, осуществлявших обслуживание клиентов. Тем не менее граждане не смогли досрочно вернуть денежные средства по этим вкладам. Банк сообщил заявителям, что договоры между ними и банком заключены не были, поскольку подписавшее их лицо не имело полномочий на совершение этих сделок от имени банка. Кроме того, денежные средства в кассу банка не поступали, хотя на принятие их для зачисления во вклад указано в выданных гражданам документах.

Суд общей юрисдикции, отказывая в удовлетворении исковых требований этих граждан, отметил, что сам по себе договор банковского вклада не может удостоверить факт внесения денежных средств, если отсутствуют документы, свидетельствующие об открытии вкладчику счета и надлежащим образом подтверждающие поступление на этот счет денежных средств.

Граждане А.М.Савенков и Л.И.Савенкова также заключили с кредитной организацией договоры банковского вклада, по условиям которых документом, удостоверяющим прием вклада, и основанием для исполнения банком принятых на себя обязательств является сам договор. Впоследствии при банкротстве банка А.М.Савенков и Л.И.Савенкова обратились к конкурсному управляющему с заявлениями о включении их суммы вкладов с начисленными процентами в первую очередь реестра требований кредиторов банка, в чем им было отказано. Признавая возражения заявителей на решение конкурсного управляющего необоснованными, арбитражный суд отметил, что при заключении договоров банковского вклада не были соблюдены требования к их форме, а сам факт внесения вклада не может удостоверяться одним только договором, оформленным в виде единого документа, подписанного сторонами, при отсутствии иных доказательств фактической передачи банку денежных сумм, составляющих размер банковского вклада.

Заявители, посчитав, что нарушены их конституционные права, обратились в Конституционный Суд Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации согласился с заявителями и указал, что оспариваемая норма не препятствует суду, оценив фактические обстоятельства дела, признать требования к форме договора банковского вклада соблюденными, а договор — заключенным. В частности, суд вправе признать форму договора соблюденной, а договор — заключенным, если будет установлено, что прием от гражданина денежных средств для внесения во вклад подтверждается документами, которые были выданы ему лицом, которое, исходя из обстановки заключения договора, восприни-

малось гражданином как действующее от имени банка, и в тексте которых отражен факт внесения соответствующих денежных средств. При этом поведение гражданина при заключении договора должно было быть разумным и добросовестным.

Позиции Конституционного Суда по этом делу, защищающие граждан от недобросовестного поведения сотрудников кредитных организаций, имеют важное значение для разрешения соответствующих споров судами.

Конституционный Суд постановил, что договоры о банковских вкладах нельзя признать ничтожными на том основании, что они заключены неуполномоченным работником банка или в кредитной организации отсутствуют данные о вкладе. Таким образом, был создан уникальный прецедент, на который суды будут в дальнейшем ориентироваться <...> Вердикт Суда эксперты считают абсолютно обоснованным и уверены, что это едва ли не единственный способ защитить вкладчиков от недобросовестных сотрудников финорганизации, ведь спорные ситуации возникают периодически. (Гудок, 02.11.2015)

«Постановление позволяет надежно защитить добросовестных вкладчиков от небрежности и возможных злоупотреблений, которые могут допускать банки при открытии вкладов. Теперь вкладчику нельзя будет отказать в выплатах на основании того, что в базе данных банка не оказалось сведений о вкладе гражданина либо банк оформил вклад нестандартными документами», — приветствует решение управляющий партнер юридической фирмы «Инфралекс» Артем Кукин.

«Отличное постановление о защите правомерных ожиданий клиента банка», — оценил позицию КС партнер «Пепеляев групп» Роман Бевзенко, отметив убедительность подхода высшего суда — «политико-правовые рассуждения, поиск баланса интересов, магистральную линию для интерпретации норм права судами в других схожих делах».

(Коммерсант, 30.10.2015)

29. ЗАЩИТА ПРАВ ГРАЖДАН, СТРАДАЮЩИХ ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2009 года № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 3791 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в связи с жалобами граждан Ю.К.Гудковой, П.В.Штукатурова и М.А.Яшиной»

Нормы процессуального законодательства позволяли судам при рассмотрении заявления о признании гражданина недееспособным, которое, как правило, подается в суд близкими родственниками этого гражданина нередко из корыстных побуждений в целях получения полномочий на распоряжение принадлежащим ему имуществом, в том числе квартирой, не извещать гражданина о времени и месте судебного

заседания, т.е. разрешать вопрос, имеющий важнейшее значение для дальнейшей судьбы гражданина, в его отсутствие на основании только лишь заключения судебно-психиатрической экспертизы. На суде не лежали обязанности самостоятельно убедиться в состоянии здоровья гражданина, выслушать его мнение относительно необходимости лишения его дееспособности с тем, чтобы затем принять справедливое, законное и обоснованное решение по этому вопросу.

Кроме того, вынесение судом решения о признании гражданина недееспособным блокировало ему и выбранным им представителям возможность обжалования этого решения, поскольку вышестоящие суды полагали, что названное решение суда, в том числе после вступления его в законную силу, лишает гражданина такой возможности. Также оспариваемыми нормами допускалась возможность госпитализации недееспособного гражданина в недобровольном порядке при наличии согласия его опекуна без судебного решения.

Такое положение дел не могло сохраняться долго, и вопрос о необходимости соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина в этой ситуации был поставлен перед Конституционным Судом Российской Федерации рядом граждан, признанных судами недееспособными.

При рассмотрении данного дела Конституционный Суд Российской Федерации разрешил важную проблему допустимости (приемлемости) жалоб, поданных гражданами, признанными судом недееспособными, и представителями, выбранными ими лично и не являющимися их законными представителями (опекунами). Отметив, что установление нарушений конституционных прав гражданина при признании его недееспособным при исчерпанности иных внутригосударственных способов защиты возможно исключительно в ходе конституционного судопроизводства, Конституционный Суд признал поданные жалобы допустимыми. В дальнейшем данные критерии допустимости были применены и в других делах о защите конституционных прав граждан, признанных судом недееспособными.

Разрешая дело по существу, Конституционный Суд встал на сторону заявителей и признал неправомерными действия судов, которые при рассмотрении заявления о признании гражданина недееспособным руководствовались лишь заключением судебно-психиатрической экспертизы, и указал на необходимость предоставления гражданину права присутствовать в судебном заседании и изложить суду свою позицию лично либо через выбранных им самим представителей в случае, если такое присутствие не создает опасности для жизни и здоровья самого гражданина или для жизни и здоровья окружающих.

Когда же такие требования не были соблюдены, гражданину должно быть предоставлено право обжаловать решение суда о признании его недееспособным. Что касается вопроса о допустимости помещения гражданина, признанного недееспособным, в психиатрический стационар по просьбе или с согласия его опекуна без судебного решения, принимаемого по итогам проверки обоснованности госпитализации в недобровольном порядке, законодательное регулирование, позволявшее такое помещение гражданина в стационар без судебного контроля, было признано неконституционным.

Тем самым Конституционный Суд защитил конституционные права весьма уязвимой категории граждан — лиц, страдающих психическим расстройством, как при рассмотрении судами вопросов о признании их недееспособными и проверке правомерности

такого рода решений, так и при госпитализации гражданина, признанного недееспособным, в психиатрический стационар в недобровольном (принудительном) порядке.

Данное Постановление послужило основанием для внесения значительных изменений в законодательство, регулирующие соответствующие правоотношения, и активизации дискуссии в обществе о необходимости дальнейших шагов к гуманизации процедуры признания гражданина недееспособным и установлению дополнительных гарантий защиты его прав и свобод.

Адвокат одного из заявителей по данному делу Дмитрий Бартенев: «Я очень доволен решением. Считаю, что оно очень прогрессивное. Конституционный Суд учел современные подходы к защите прав людей с такими проблемами. Международные подходы имеются в виду. Поэтому я считаю, что это великолепное решение, и надеюсь, что оно поможет многим тысячам других людей, которые в такой же ситуации находятся».

(Эхо Москвы, 27.02.2009)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2012 года № 15-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б.Деловой»

Гражданка И.Б.Делова была признана недееспособной решением суда. В ее жалобе утверждалось, что ее право на неприкосновенность частной жизни и право частной собственности нарушены нормами, которые не позволяют ограничить дееспособность гражданина соразмерно степени нарушения способности понимать значение своих действий или руководить ими. Признанный недееспособным гражданин не вправе был даже распоряжаться своей пенсией для удовлетворения бытовых нужд.

Конституционный Суд Российской Федерации согласился с этими доводами. Международные обязательства Российской Федерации и конституционные гарантии требуют эффективной защиты прав страдающих психическими расстройствами лиц и учета их индивидуальных особенностей. Наличие у гражданина психического расстройства может не препятствовать ему принимать самостоятельные решения по некоторым вопросам, если это не нарушает чьи-либо права и законные интересы. Существовавшая же система регулирования такие индивидуальные особенности не учитывала и позволяла лишь признать гражданина недееспособным. Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что регулирование рассматриваемого вопроса должно быть более гибким.

С учетом позиций, выраженных в данном Постановлении, в законодательство были внесены изменения, позволяющие в случае наличия у гражданина психического расстройства не только признавать его недееспособным, но и ограничивать его в дееспособности. Такое регулирование позволяет лучше учесть потребности и привычки граждан с психическими расстройствами, в том числе если они ранее недееспособными признаны не были и самостоятельно решали какие-то бытовые вопросы. Граждане, уже признанные недееспособными, могут по решению суда вновь

получить возможность самостоятельно осуществлять свои права в ряде ситуаций. Тем самым гражданам с психическими расстройствами был предоставлен более высокий уровень гарантий уважения частной жизни и достоинства личности, в том числе с учетом международных стандартов.

Права и свободы граждан, страдающих психическими расстройствами, должны быть расширены в зависимости от степени их дееспособности. Такое постановление вынес Конституционный суд РФ <...>

По мнению заявителей, есть разные виды психических расстройств. Некоторые из них явно не позволяют пациентам осознавать все последствия продажи квартиры, но купить пирожок в столовой люди с такими нарушениями вполне в состоянии.

В то же время действующая редакция Гражданского кодекса не разделяет граждан по степени дееспособности. Есть формулировка: дееспособные граждане могут распоряжаться своим имуществом, недееспособные не могут. И за рамки этой нормы судьи выйти не имеют права. Сегодня решением КС эта норма была признана неконституционной <...> Теперь законодатели обязаны до конца этого года внести соответствующие поправки в Гражданский кодекс.

(НТВ, 27.06.2012)

«Фактически Конституционный суд сегодня сказал, что система недееспособности, система опеки над дееспособными не соответствует Конституции и требует от государства радикальных изменений», — сообщил адвокат Дмитрий Бартенев.

«Нигде нет черно-белого представления о дееспособности, во всех развитых странах суд решает очень дифференцированно, в каких именно правах и каких именно решениях человек должен быть ограничен. И у нас так будет. Вопрос времени», — уверена клинический психолог Мария Островская.

(Первый канал, 27.06.2012)

«Сегодня принято историческое решение, — заявил журналистам адвокат заявительницы Дмитрий Бартенев, — КС подтвердил, что все граждане РФ, в том числе с психическими расстройствами, обладают неотъемлемым правом на уважение достоинства личности <...> Он также считает, что четкие требования к законодателю обеспечат возможность российским гражданам «сохранить право на участие в жизни общества как самостоятельными личностями».

(Российская газета, 28.06.2012)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2020 года № 3-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 54 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки С.»

Право на судебную защиту — как по буквальному смыслу закрепляющей его статьи 46 Конституции Российской Федерации, так и по смыслу, вытекающему из взаимосвязи этой статьи с другими положениями главы 2 «Права и свободы человека

и гражданина» Конституции Российской Федерации, а также с общепризнанными принципами и нормами международного права, — является личным неотчуждаемым правом каждого человека.

Гражданка С. во время нахождения в психиатрическом стационаре была признана судом недееспособной на основании заявления этой медицинской организации. Судебное заседание проводилось в помещении стационара в присутствии С., которая, как было установлено, по тем или иным причинам не смогла дать пояснения по поводу происходящего. После вынесения данного решения С. была помещена в психоневрологический интернат.

Впоследствии адвокатом С. была подана апелляционная жалоба на указанное решение суда и заявление о восстановлении пропущенного срока на ее подачу. Суд отказал в восстановлении срока на апелляционное обжалование решения суда о признании С. недееспособной, поскольку признал причины его пропуска неуважительными, частная жалоба адвоката на определение об отказе в восстановлении срока была возвращена судом, поскольку отсутствовала доверенность, в которой такое полномочие адвоката, действовавшего на основании только ордера, было бы специально закреплено в соответствии с требованиями статьи 54 ГПК Российской Федерации.

Поскольку, по общему правилу, доверенность в гражданском процессе может быть удостоверена в нотариальном порядке либо перечисленными в статье 53 ГПК Российской Федерации организациями или должностными лицами, гражданин, признанный судом недееспособным, лишается тем самым возможности самостоятельно оформить доверенность на представителя. Что касается наличия такого права у опекуна, то велика вероятность (и это произошло в деле С.) его бездействия по обжалованию соответствующего решения суда по тем или иным основаниям.

Изложенное приводило к нарушению конституционного права недееспособного гражданина на судебную защиту, поскольку в условиях пассивности его опекуна и невозможности оформления доверенности на адвоката он лишался возможности обжаловать вступившее в законную силу решение суда о признании его недееспособным.

Конституционный Суд согласился с доводами жалобы С. о нарушении ее конституционных прав и свобод таким положением вещей и подчеркнул важность наличия у гражданина, признанного недееспособным, возможности воспользоваться профессиональной помощью адвоката на этапе, предшествующем кассационному оспариванию судебного решения о признании его недееспособным, в том числе в целях восстановления процессуального срока на апелляционное обжалование.

В этом деле было также указано на недопустимость отказа гражданину в праве на обжалование решения суда о признании его недееспособным через выбранного им адвоката, действующего на основании ордера, по той формальной причине, что у адвоката отсутствует нотариально оформленная доверенность: если из конкретных обстоятельств следует, что адвокат действует в интересах и по воле гражданина, то поданная им жалоба должна быть принята судом и рассмотрена по существу. Соответствующее конституционно-правовое истолкование норм ГПК Российской Федерации, обязательное для судов и всех остальных правоприменителей, было дано Конституционным Судом в постановлении по данному делу.

Таким образом, гражданам, признанным недееспособными и не имеющим возможности обратиться к нотариусу за удостоверением доверенности на адвоката для

защиты своих интересов, была обеспечена возможность оспорить признание их недееспособными в суде через профессионального представителя и тем самым в полном объеме реализовать свое конституционное право на судебную защиту.

Конституционный суд РФ разрешил адвокатам обжаловать решение суда о недееспособности гражданина без соответствующей доверенности <...>

Право на судебную защиту относится к числу основных и неотчуждаемых прав и свобод человека, а также выступает «процессуальной гарантией всех иных конституционных прав и свобод». Суд также напомнил свое решение 2009 года, в котором говорилось о необходимости особых гарантий защиты прав лиц, которые страдают психическими расстройствами и в отношении которых возбуждается производство по признанию их недееспособными.

(Российская газета, 21.01.2020)

Конституционный суд РФ защитил права недееспособных граждан на обжалование решений судов <...> Право на судебную защиту «является личным неотчуждаемым правом каждого человека», что распространяется и на тех, кто страдает психическими расстройствами. Такие люди должны иметь возможность правовой защиты от необоснованного признания недееспособными, воспользовавшись юридической помощью лица, не зависящего от опекуна, чьи функции в случае помещения недееспособного человека в медучреждение выполняет само это учреждение.

(РИА Новости, 21.01.2020)

30. ЗАЩИТА ПРАВА НА ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 1997 года № 18-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»

В соответствии с Конституцией Российской Федерации каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением (статья 42), а также право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (статья 53).

Оспариваемые нормы предусматривали изменение размера и порядка предоставления компенсаций, льгот и доплат гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, что привело в зависимости от категории пострадавших либо к снижению уровня возмещения вреда (ежемесячных выплат), либо к сужению круга лиц, пользующихся ими.

Принимая решение по делу, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что вред, причиненный гражданам, оказавшимся в зоне влияния радиационного излучения и других неблагоприятных факторов, возникших в момент чернобыльской катастрофы, является реально невозполнимым, неисчисляемым и государство обязано стремиться к его возможно более полному возмещению, в том числе посредством установленных законодательством денежных и других материальных компенсаций и льгот. Отметив право законодателя вносить изменения в способы возмещения вреда, уточнять критерии дифференциации или адресности, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что уже признанный государством объем возмещения вреда должен безусловно соблюдаться; снижение уже установленного объема и размера возмещаемого вреда не допускается.

В связи с этим Конституционный Суд Российской Федерации признал не соответствующими Конституции Российской Федерации снижение размера ежемесячных денежных компенсаций и доплат к пенсиям и пособиям; уменьшение дополнительных отпусков гражданам, проживающим на территориях, пострадавших в результате чернобыльской катастрофы, а также лишение военнослужащих, получающих пенсию за выслугу лет и ставших инвалидами вследствие чернобыльской катастрофы, права на ежемесячные выплаты в возмещение вреда, причиненного их здоровью.

Данное решение способствовало совершенствованию законодательства, направленного на возмещение вреда лицам, пострадавшим в результате воздействия радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Конституционный суд России <...> признал нарушающими конституционно-правовую обязанность государства по возмещению вреда, причиненного чернобыльской катастрофой ликвидаторам, именно те пункты закона, которые существенно снижают материальные выплаты инвалидам.

(Новые известия, 09.12.1997)

Конституционный суд отменил ряд положений федерального закона «О внесении изменений и дополнений в закон «О социальной защите граждан, подвергшихся радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС». Поводом к рассмотрению послужил запрос президента Бориса Ельцина и группы граждан. Нормы закона, которые КС признал не соответствующими Конституции, касаются, в частности, льгот на жилье, ежемесячных денежных компенсаций и доплат к пенсиям, ежегодных дополнительных оплачиваемых отпусков. Согласно закону размеры пенсий, пособий, льгот, компенсаций «чернобыльцам», а также гражданам, проживающим и работающим на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, были существенно снижены.

(Русский телеграф, 02.12.1997)

Суд в целом встал на сторону чернобыльцев. Вред, причиненный гражданам в результате аварии, расценивается как реально невозполнимый, а значит, государство обязано хотя бы возместить убытки в максимально возможном объеме. Из этого исходили судьи, принимая сегодняшнее постановление. Неконституционно лишать надбавок к зарплатам и пенсиям граждан, прибывших в зону с 1991 года.

Их условия проживания, расходы на питание и медикаменты точно такие же, как и у тех, кто живет здесь с момента аварии <...> Суд <...> в целом согласился с тем, что некоторые положения новой редакции закона о социальной защите чернобыльцев идут вразрез с Основным законом страны. А посему Федеральному Собранию поручено в шестимесячный срок внести необходимые изменения в чернобыльский закон.

Сергей Шахрай: «КС защитил права граждан, которые пострадали в зоне чернобыльской катастрофы. Как представитель президентской стороны, я удовлетворен решением суда, потому что запрос президента КС удовлетворил, за исключением одного пункта технического характера».

(Российское телевидение, Вести, 01.12.1997)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 2009 года № 13-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 29 Закона Российской Федерации «О милиции» и статьи 1084 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Нижегородского районного суда города Нижнего Новгорода и Сормовского районного суда города Нижнего Новгорода»

Конституция Российской Федерации гарантирует государственную поддержку инвалидов, установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты (статья 7, часть 2), социальное обеспечение в случае болезни, инвалидности и в иных случаях, установленных законом (статья 39, часть 1). Несколько судов, рассматривая дела по искам граждан к территориальному управлению Министерства внутренних дел Российской Федерации, отказавшему им в предоставлении ежемесячных денежных выплат в счет возмещения вреда здоровью, причиненного при исполнении служебных обязанностей сотрудниками милиции, посчитали, что фактически сложившийся механизм возмещения сотрудникам полиции такого вреда нарушает названные конституционные гарантии и принцип равенства всех перед законом.

Нарушение равенства заявители усмотрели в том, что в других случаях законодательство об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний предусматривает страховое обеспечение в виде не только единовременной страховой выплаты, но и ежемесячных страховых выплат.

Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил правоту заявителей. Нормативное регулирование вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина при исполнении обязанностей службы в милиции, должно не исключать, а, напротив, предполагать обеспечение выплаты государством в полном объеме возмещения вреда, причиненного здоровью сотрудника милиции при исполнении им этих обязанностей, в качестве меры гражданско-правовой ответственности государственных органов или их должностных лиц как причинителей этого вреда.

Конституционный Суд Российской Федерации дал конституционное истолкование оспариваемым положениям как предполагающим выплату государством ежемесячной денежной компенсации сотрудникам милиции в возмещение вреда, причиненного повреждением здоровья в связи с осуществлением ими служебной деятельности, после которого они не могут проходить службу в дальнейшем.

Данное решение было в полной мере учтено законодателем, и действующее законодательство предусматривает для гражданина, уволенного со службы в полиции, при установлении ему инвалидности вследствие военной травмы, полученной в связи с выполнением своих служебных обязанностей и исключившей возможность дальнейшего прохождения службы в полиции, право на выплату ежемесячной денежной компенсации (часть 6 статьи 43 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции»).

КС огласил постановление, покончившее с привычкой экономить на ежемесячных денежных выплатах для милиционеров, травмированных на службе.

(Российская газета, 17.07.2009)

Лишившиеся средств милиционеры считают, что уклонение государства (даже при отсутствии его вины) от обязанности компенсировать потерю жизни или здоровья на военной и аналогичной ей службе противоречит Конституции. С этим согласились все участники процесса. КС также подчеркнул, что объем выплат за вред, причиненный при выполнении служебного долга, должен максимально компенсировать изменение материального и социального положения пострадавших — по крайней мере не хуже, чем в случае производственных травм. Признав, что оспариваемые нормы соответствуют Конституции в буквальном смысле, но практика их применения неконституционна, КС таким образом исключил возможность иного толкования в присуждающих компенсации судах общей юрисдикции.

(Коммерсант, 16.07.2009)

Конституционный суд вернул выплаты ветеранам милиции, раненым на службе. Возможность получать положенные по закону компенсации появится у всех сотрудников милиции.

(Первый канал, 15.07.2009)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 октября 2010 года № 18-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статьи 18 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и статьи 1084 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ногайского районного суда Республики Дагестан»

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 мая 2011 года № 8-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статьи 18 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 5 Федерального закона «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» и статьи 1084 Гражданского кодекса Российской

Федерации в связи с жалобами граждан А.П.Кузьменко и А.В.Орлова и запросом Избербашского городского суда Республики Дагестан»

Согласно Конституции Российской Федерации в Российской Федерации охраняется труд и здоровье людей, обеспечивается государственная поддержка инвалидов, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты (статья 7, часть 2), гарантируется равенство прав и свобод человека и гражданина (статья 19, часть 2), каждому гарантируется социальное обеспечение в случае болезни, инвалидности и в иных случаях, установленных законом (статья 39, часть 1).

Оспариваемые нормы, устанавливая виды возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью военнослужащих, проходивших военную службу по контракту, не предусматривали возможность назначения им при установлении инвалидности вследствие травмы, полученной при исполнении обязанностей военной службы, и досрочном увольнении с военной службы, а в случае смерти — членам их семей ежемесячных денежных выплат.

Конституционный Суд Российской Федерации установил, что в случае причинения вреда жизни и здоровью военнослужащих в связи с исполнением ими обязанностей военной службы государство призвано гарантировать им и членам их семей возмещение вреда в объеме, позволяющем в максимальной степени компенсировать последствия изменения их материального и (или) социального статуса вследствие невозможности прохождения военной службы или смерти кормильца.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, оспариваемые нормы не предполагают, что возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью военнослужащего, проходившего военную службу по контракту, при досрочном увольнении в связи с признанием негодным к военной службе вследствие увечья (ранения, травмы, контузии), полученного им при исполнении обязанностей военной службы, а также членам его семьи — в случае его смерти, при отсутствии виновных противоправных действий государственных органов и их должностных лиц будет осуществляться в объеме, не обеспечивающем достаточный уровень восполнения материальных потерь.

Данные решения были полностью исполнены законодателем — действующее правовое регулирование предусматривает установление указанным категориям лиц ежемесячных денежных компенсаций в возмещение вреда (статья 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 года № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат»).

Сегодня Конституционный суд вынес решение, защищающее интересы семей военных, которые погибли при исполнении служебных обязанностей. Судьи признали, что механизм расчета компенсаций, положенных по закону вдовам и детям офицеров, нужно усовершенствовать <...> Материальное положение детей и вдов погибших военных после сегодняшнего решения Конституционного суда может измениться в лучшую сторону.

(НТВ, 20.10.2010)

При подсчете компенсаций должен использоваться реальный заработок, а не минимальный оклад. Это постановление суда касается и тех военных и членов их

семей, кто уже получил выплаты по прежним нормам. Теперь они имеют право обратиться за пересчетом.

(Первый канал, 20.10.2010)

Военнослужащие, которые получили ранение и признаны инвалидами, теперь кроме пенсий и разных социальных пособий смогут получать и ежемесячную денежную компенсацию. Конституционный Суд признал, что им должны платить суммы, сопоставимые с их прошлой зарплатой.

(Первый канал, 17.05.2011)

Выплаты военным, получившим инвалидность, будут регулярными <...> Не только единовременную, но и ежемесячную компенсацию будут получать в ближайшем будущем военные, ставшие инвалидами во время службы.

(Московский комсомолец, 19.05.2011)

Вчера Конституционный суд РФ потребовал от законодателей изменить существующий порядок страхования военнослужащих, признав законы «О статусе военнослужащих» и «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих» частично не соответствующими основному закону. Спорные положения предусматривали для военных, ставших инвалидами, максимум шесть лет страховых выплат — теперь государство должно поддерживать таких граждан всю жизнь. Эксперты называют решение суда «благородной идеей».

(Коммерсант, 18.05.2011)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2018 года № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 11 Федерального закона «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.В.Матросова»

Жизнь и здоровье лиц, несущих военную и аналогичную ей службу, по смыслу Конституции Российской Федерации, подлежат обязательному государственному страхованию, гарантирующему материальное обеспечение и компенсации в случае причинения вреда жизни или здоровью при прохождении службы. Гражданин И.В.Матросов, признанный инвалидом I группы вследствие заболевания, полученного в период службы в органах уголовно-исполнительной системы, и уволенный с нее, неоднократно обращался за страховой суммой, которая была выплачена ему страховой компанией не добровольно, а только по решению суда.

За несвоевременную выплату страховой суммы И.В.Матросов предъявил к страховой компании иск о взыскании штрафа, полагая, что он должен начисляться со дня неисполнения страховщиком своих обязанностей в срок, установленный законом. С таким подходом не согласились суды общей юрисдикции и посчитали, что штраф

за просрочку в выплате страховой суммы может быть взыскан с момента неисполнения страховщиком вступившего в законную силу решения суда о ее взыскании.

Конституционный Суд Российской Федерации указал, что именно день получения страховщиком документов, необходимых для принятия решения о выплате страховых сумм по договору страхования жизни и здоровья военнослужащих и приравненных к ним лиц, указан в законе в качестве момента, с которого исчисляется предоставленный ему для осуществления этой выплаты 15-дневный срок. Конституционный Суд подчеркнул, что если решение суда принято в пользу выгодоприобретателя и если из состава и содержания полученных от него документов следовало, что право на получение страховых сумм возникло у выгодоприобретателя до его обращения за судебной защитой, то время необоснованной задержки в выплате страховых сумм должно исчисляться со дня нарушения права выгодоприобретателя.

В результате данного Конституционным Судом Российской Федерации толкования был восстановлен баланс прав и обязанностей участников соответствующего гражданско-правового договора: застрахованные лица — военнослужащие и приравненные к ним лица получили более полную конституционно-правовую защиту, а недобросовестные страховщики, уклонявшиеся от исполнения своих обязательств в добровольном порядке, утратили возможность извлекать выгоду из такого противоправного поведения.

Конституционный суд РФ по жалобе инвалида-колясочника из Чувашии Ивана Матросова рассмотрел конституционность одной из норм федерального законодательства и принял решение в его пользу. Жалоба касалась порядка взыскания штрафов за несвоевременную выплату страховых сумм в случаях, когда страховые случаи оспорены в суде. Инвалид настаивал на том, что «счетчик» должен включаться с момента обращения за страховой премией. А страховая компания полагала, что платить следует только с момента вступления в силу судебного решения. (Правда ПФО, 09.08.2018)

31. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВА НА ТРУД

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2011 года № 25-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 31, пункта 6 части 1 статьи 33 и статьи 37 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки В.Ю.Боровик»

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2012 года № 31-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 части 1 статьи 33 и подпункта «а» пункта 3 части 1 статьи 37 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Л.А.Пугиевой»

Согласно Конституции Российской Федерации политика Российской Федерации как правового и социального государства направлена, в частности, на обеспечение

государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства; материнство и детство, семья находятся под защитой государства (статья 1, часть 1; статья 7; статья 38, часть 1).

Трудовой кодекс Российской Федерации содержит ряд гарантий, предоставляемых работающим женщинам, имеющим детей, в частности часть четвертая его статьи 261 обеспечивает одиноким матерям, воспитывающим ребенка в возрасте до 14 лет, защиту от увольнения по инициативе работодателя по основаниям, не связанным с виновным поведением. Нет препятствий и для предоставления данной гарантии и женщинам, проходящим государственную гражданскую службу. Однако гражданка В.Ю.Боровик не получила такой защиты: будучи одинокой матерью с малолетним ребенком, она была уволена в рамках проводимых мероприятий по сокращению должностей государственной гражданской службы, однако предусмотренное для таких случаев основание увольнения — отказ государственного гражданского служащего от предложенной для замещения иной должности гражданской службы в связи с сокращением должностей гражданской службы, а также при непредоставлении ему в этих случаях иной должности гражданской службы — формально не было отнесено законодателем к основаниям увольнения по инициативе представителя нанимателя. Это и явилось препятствием для удовлетворения судом ее требования о признании увольнения незаконным и восстановлении на службе.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 22 ноября 2011 года № 25-П указал на недопустимость лишения проходящих государственную гражданскую службу одиноких матерей, воспитывающих детей в возрасте до 14 лет, государственной защиты, предоставляемой в аналогичных ситуациях женщинам, работающим по трудовому договору, поскольку такие меры имеют целью как обеспечение женщинам с детьми возможности сочетать семейные обязанности с профессиональной деятельностью, так и защиту интересов ребенка, создание условий, необходимых для его полноценного развития. В результате оспариваемые гражданкой В.Ю.Боровик нормы были признаны в указанном аспекте неконституционными, а законодателю было предписано внести соответствующие изменения в действующее правовое регулирование, а до внесения таковых был установлен запрет на увольнение с государственной гражданской службы одиноких матерей, воспитывающих ребенка в возрасте до 14 лет, в аналогичных ситуациях.

Федеральный законодатель выполнил указания Конституционного Суда Российской Федерации и Федеральным законом от 5 апреля 2013 года № 57-ФЗ «О внесении изменений в статью 7 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» и Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» предусмотрел такие основания расторжения служебного контракта по инициативе представителя нанимателя, как сокращение должностей гражданской службы и упразднение государственного органа.

В результате в настоящее время одиноким матерям с малолетними детьми при прохождении государственной гражданской службы в полной мере обеспечивается гарантия в виде защиты от увольнения по инициативе представителя нанимателя по данным основаниям.

Парадокс <...> в том, что матери-одиночки защищены государством от увольнений практически во всех сферах деятельности, и только Закон о госслужбе вступил в противоречие с Трудовым кодексом <...>

Точку в законодательных спорах поставил Конституционный суд. Он определил: основной закон страны в отношении матерей-одиночек на чиновничьей службе действительно нарушался <...> Как только прозвучало решение Конституционного суда, несправедливая норма закона перестала действовать.

(Первый канал, 22.11.2011)

Чиновница остается в первую очередь женщиной и матерью, а уже потом госслужащим. Так постановил Конституционный суд, дисквалифицировавший нормы закона «О государственной гражданской службе», которые позволяли увольнять по сокращению штатов одиноких матерей с детьми до 14 лет.

Тем самым КС защитил права работающих матерей-одиночек, он постановил, что гарантии от увольнения, которые предоставляет женщинам Трудовой кодекс, должны распространяться и на госслужащих, чьи отношения с работодателем регулируются не ТК, а отдельным законом <...>

КС и усмотрел в действующей норме закона «О государственной гражданской службе» ущемление конституционного принципа равенства и права женщины на защиту материнства и детства.

(Московские новости, 22.11.2011)

Похожий вопрос — о возможности распространения на государственных гражданских служащих гарантий, предусмотренных для лиц, работающих по трудовому договору, — возник и у гражданки Л.А.Пугиевой, которая также проходила государственную гражданскую службу и, будучи беременной, была уволена за прогул. Заявительница обратилась в суд с иском о восстановлении на службе, сославшись в обоснование своих требований на часть первую статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации, которая запрещает увольнять беременных женщин по инициативе работодателя практически по любым основаниям. Однако суд посчитал, что часть 3 статьи 37 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» предусматривает исчерпывающий перечень гарантий, предоставляемых государственным гражданским служащим при расторжении трудового договора по инициативе представителя нанимателя, не содержит запрета на увольнение беременных женщин, не находящихся в отпуске по беременности и родам, а норма Трудового кодекса Российской Федерации, не допускающая увольнение беременных женщин, на государственных гражданских служащих не распространяется.

В Постановлении от 6 декабря 2012 года № 31-П Конституционный Суд Российской Федерации, опираясь на принцип социального государства, обязывающий публичную власть надлежащим образом осуществлять охрану труда и здоровья людей, государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, устанавливать гарантии социальной защиты на основе общепринятых в правовом и социальном государстве стандартов и гуманитарных ценностей, и указав на то обстоятельство, что беременные женщины, по смыслу статьи 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации и части I Европейской социальной хартии, в равной мере нуждаются в повышенной государственной защите независимо от того, где они работают (проходят государственную службу), признал оспариваемые положения Федерального закона «О государственной

гражданской службе Российской Федерации» неконституционными, поскольку они вводили различия в правовой защите беременных женщин исходя исключительно из формального критерия — сферы осуществляемой профессиональной деятельности.

Соответственно, данным Постановлением Конституционный Суд Российской Федерации распространил установленные трудовым законодательством гарантии для беременных женщин (защита от увольнения по инициативе работодателя) на женщин, проходящих государственную гражданскую службу. Вместе с тем было подчеркнуто, что данное решение не означает полного освобождения беременных женщин от дисциплинарной ответственности в случае совершения дисциплинарного проступка, поскольку к ним могут быть применены иные, помимо увольнения, дисциплинарные взыскания.

Конституционный суд уже второй раз вынужден исправлять закон о госслужбе. Год назад судьи встали на сторону Виктории Боровик. Мать-одиночка из республики Коми была уволена с государственной службы по сокращению штатов. Хотя Трудовой кодекс запрещает лишать работы женщин, которые самостоятельно воспитывают несовершеннолетних детей. Дело Боровик и сегодняшнее постановление в отношении Лилии Пугиевой позволяют юристам говорить: только теперь женщины на госслужбе оказались социально защищены в полной мере.

(Пятый канал, 06.12.2012)

Вчера Конституционный суд РФ <...> огласил постановление по делу гражданки Российской Федерации Лилии Пугиевой, придя к выводу, что, безусловно, госслужащего можно наказывать за совершенный дисциплинарный проступок или нарушение, но увольнять беременного работника — категорически нельзя.

(Самарские родители, 09.12.2012)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2011 года № 28-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е.Остаева»

Политика Российской Федерации как социального государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека; в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства; материнство и детство, семья находятся под защитой государства; мужчины и женщины имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации (статья 7; статья 19, часть 3; статья 38, часть 1).

В целях реализации данных конституционных положений Трудовой кодекс Российской Федерации предусматривает для таких работников ряд гарантий и льгот, которые позволяли бы им наравне с другими гражданами трудиться без ущерба для воспитания детей. К таким нормам относится и часть четвертая его статьи 261, предусматривавшая защиту от увольнения по инициативе работодателя по основаниям, не связанным с виновным поведением работника, для женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, и других лиц, воспитывающих детей указанного возраста без матери.

Заявитель по данному делу гражданин А.Е.Остаев, на иждивении которого находилось трое малолетних детей (один из которых не достиг трехлетнего возраста, а другой являлся инвалидом) и неработающая, занятая уходом за детьми жена, был уволен по сокращению численности (штата) работников организации. Суд не восстановил А.Е.Остаева на работе, поскольку работодатель не допустил нарушений при его увольнении, а в круг лиц, которым предоставляется гарантия, предусмотренная частью четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации, он не входит.

Конституционный Суд Российской Федерации указал, что введение для женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, и других лиц, воспитывающих детей указанного возраста без матери, повышенного уровня защиты от увольнения направлено на обеспечение им действительно равных с другими гражданами возможностей для реализации прав и свобод в сфере труда, что обусловлено объективно существующими трудностями, с которыми сталкиваются лица, стремящиеся сочетать трудовую деятельность с воспитанием детей, а также на предоставление таким лицам возможности иметь работу и заработок для создания ребенку надлежащих условий для всестороннего развития. Вместе с тем Конституционный Суд счел, что лишение такой гарантии отца — кормильца в многодетной семье приводит к нарушению конституционных принципов равенства и справедливости, и признал оспариваемую норму не соответствующей Конституции Российской Федерации, как исключаящую возможность пользоваться предусмотренной в ней гарантией отцу, являющемуся единственным кормильцем в многодетной семье, воспитывающей малолетних детей, в том числе ребенка в возрасте до трех лет, где мать в трудовых отношениях не состоит и занимается уходом за детьми.

Данное Постановление стало посылком для законодателя, и Федеральным законом от 12 ноября 2012 года № 188-ФЗ «О внесении изменений в статью 261 Трудового кодекса Российской Федерации» была обеспечена защита от увольнения по инициативе работодателя не только для женщины-матери, но и для родителя (иного законного представителя ребенка), являющегося единственным кормильцем ребенка-инвалида в возрасте до восемнадцати лет либо единственным кормильцем ребенка в возрасте до трех лет в семье, воспитывающей трех и более малолетних детей, если другой родитель (иной законный представитель ребенка) не состоит в трудовых отношениях.

КС поддержал единственного кормильца <...> Алексей Остаев с двумя дочерьми пришел в пресс-центр КС РФ в Москве, где организуются прямые трансляции заседаний Суда, чтобы услышать постановление по делу:

«Я надеялся на то, что Конституционный Суд РФ разрешит дело по закону... Дети — наше будущее, решение суда должно быть целесообразно для них».

(Адвокатская газета, 1–15.01.2012)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2020 года № 25-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого части первой статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.А.Сысоева»

К числу основных прав и свобод человека и гражданина Конституция Российской Федерации относит свободу труда, право каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду и выбирать род деятельности и профессию (статья 37, часть 1). В сфере трудовых отношений свобода труда реализуется, прежде всего, через свободу трудового договора, условия которого определяются на основе соглашения между сторонами.

Одним из условий трудового договора является срок. По общему правилу, трудовые договоры заключаются на неопределенный срок. Срочный трудовой договор может заключаться лишь в случаях, предусмотренных законом, например, с лицами, принимаемыми для выполнения заведомо определенной работы в случаях, когда ее завершение не может быть определено конкретной датой (абзац восьмой части первой статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации).

Конституционность названной нормы оспаривалась И.А.Сысоевым, с которым работодатель многократно на протяжении длительного времени заключал срочные трудовые договоры на выполнение одной и той же работы и который впоследствии был уволен в связи с истечением срока трудового договора. При этом срок выполнения работы определялся сообразно сроку действия гражданско-правового договора об оказании охранных услуг, заключенного работодателем с заказчиком таких услуг.

Конституционный Суд Российской Федерации указал, что истечение срока действия отдельного договора возмездного оказания услуг, как правило, не свидетельствует ни о прекращении работодателем своей уставной деятельности, ни о завершении работы его работниками, обеспечивающими исполнение обязательств работодателя по такому гражданско-правовому договору. Следовательно, работодатели не освобождены от обязанности предоставить работникам работу в соответствии с трудовой функцией, предусмотренной заключенными с ними трудовыми договорами.

Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что оспариваемое положение не предполагает заключения с работником срочного трудового договора (особенно многократного заключения такого договора на выполнение работы по одной и той же должности (профессии, специальности) в целях обеспечения исполнения обязательств работодателя по заключенным им гражданско-правовым договорам об оказании услуг, относящихся к его уставной деятельности. Данная норма не может также служить основанием для последующего увольнения работника в связи с истечением срока трудового договора, если срочный характер трудовых отношений обусловлен исключительно ограниченным сроком действия указанных гражданско-правовых договоров.

Адвокат МКА «СЕД ЛЕКС», старший партнер «Альтависта» Валерия Аршинова заметила, что постановление важно для судебной практики, поскольку в большинстве случаев суды по подобным делам отказывают в признании срочного трудового договора заключенным на неопределенный срок и в восстановлении на работе, не оценивая гражданско-правовую сторону вопроса отношений работодателя с контрагентами и причин прекращения таких отношений <...>

Валерия Аршинова отметила, что в постановлении же КС РФ отмечено важное обстоятельство о том, что работник не является субъектом осуществляемой работодателем экономической деятельности, а потому не может и не должен нести каких

бы то ни было сопутствующих ей рисков и не обязан разделять с работодателем бремя такого рода рисков. «То есть нельзя ставить трудовые отношения с работником в зависимость от гражданско-правовых договоров работодателя, стороной которых сотрудники компаний не являются», — подчеркнула она.

(Адвокатская газета, 22.05.2020)

32. ЗАЩИТА ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВУЮ ОПЛАТУ ТРУДА

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2017 года № 38-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой, второй, третьей, четвертой и одиннадцатой статьи 1331 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.С.Григорьевой, О.Л.Дейдей, Н.А.Капуриной и И.Я.Кураш»

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2019 года № 17-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, а также частей первой — четвертой и одиннадцатой статьи 1331 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ф.Жарова»

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2019 года № 40-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, а также частей первой — четвертой и одиннадцатой статьи 1331 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Г.П.Лукичова»

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда (статья 37, часть 3). Право на справедливую заработную плату и равное вознаграждение за труд равной ценности без какого бы то ни было различия признается одним из важнейших прав в сфере труда Всеобщей декларацией прав человека (статья 23), Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах (статья 7), а также Европейской социальной хартией (пересмотренной), принятой в городе Страсбурге 3 мая 1996 года (статья 4 части II).

Трудовой кодекс Российской Федерации обязывает работодателя обеспечивать работникам равную оплату за труд равной ценности (статья 22), а также определяет, что при выполнении работ в условиях, отклоняющихся от нормальных, работнику производятся соответствующие выплаты.

Рассогласованность во мнениях по вопросу о повышенной оплате труда лиц, осуществляющих трудовую деятельность в условиях, отклоняющихся от нормальных, возникла в связи с вступлением в силу 1 сентября 2007 года Федерального закона от 20 апреля 2007 года № 54-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О минимальном размере оплаты труда» и другие законодательные акты Российской Федерации», которым, наряду с повышением минимального размера оплаты труда (МРОТ),

были изменены нормы Трудового кодекса Российской Федерации, касающиеся МРОТ: из статьи 129 Трудового кодекса Российской Федерации исчезло правило о том, что в минимальную оплату труда не включаются компенсационные, стимулирующие и социальные выплаты, а часть четвертая статьи 133 названного Кодекса, предусматривавшая невозможность установления тарифных ставок (окладов, должностных окладов) в размере меньше МРОТ, утратила силу.

Следствием такого изменения явилась возможность установления окладов работников в размере меньше минимального размера оплаты труда при сохранении правила о том, что месячная заработная плата работника не может быть ниже минимального размера оплаты труда. В результате работодатели посчитали возможным определять заработную плату работника, труд которого осуществляется в особых условиях, в размере не ниже МРОТ с включением в нее стимулирующих и компенсационных выплат (за работу во вредных, опасных, тяжелых условиях труда, в местностях с особыми климатическими условиями и пр.).

7 декабря 2017 года Конституционный Суд Российской Федерации принял Постановление № 38-П по делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой, второй, третьей, четвертой и одиннадцатой статьи 133 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами ряда граждан, в котором, признав оспариваемые нормы не противоречащими Конституции Российской Федерации, выявил их конституционно-правовой смысл: они не предполагают включения в состав минимального размера оплаты труда (минимальной заработной платы в субъекте Российской Федерации) районных коэффициентов (коэффициентов) и процентных надбавок, начисляемых в связи с работой в местностях с особыми климатическими условиями, в том числе в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

Соответственно, МРОТ должен обеспечиваться всем работающим независимо от условий, в которых труд осуществляется, а труд в условиях, отклоняющихся от нормальных, в том числе в особых климатических условиях, должен оплачиваться в повышенном размере, т.е. компенсационные выплаты — районные коэффициенты (коэффициенты) и процентные надбавки — должны начислять на заработную плату, равную или превышающую МРОТ.

После принятия указанного Постановления на практике районные коэффициенты (коэффициенты) и процентные надбавки, о которых шла речь в Постановлении Конституционного Суда, работодатели стали начислять на заработную плату, увеличенную до МРОТ, однако продолжали включать в заработную плату работника, не превышающую МРОТ, другие выплаты.

По этой причине Конституционному Суду Российской Федерации вновь пришлось обращаться к вопросу о конституционности тех же самых положений Трудового кодекса Российской Федерации применительно к обеспечению повышенной оплаты сверхурочной работы, работы в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни и доплаты за совмещение профессий (должностей).

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2019 года № 17-П Конституционный Суд Российской Федерации указал, что установление повышенной оплаты сверхурочной работы, работы в выходные и нерабочие праздничные дни, работы в ночное время обусловлено повышенными трудовыми затратами работника, вызванными сокращением времени отдыха либо работой в то время, которое

биологически не предназначено для активной деятельности, а также лишением работника возможности распоряжаться временем отдыха, использовать его по прямому назначению, что приводит к дополнительной физиологической и психоэмоциональной нагрузке и создает угрозу причинения вреда здоровью работой в ночное время либо сокращением времени на восстановление сил и работоспособности. При этом законодательное регулирование призвано не только компенсировать работнику отрицательные последствия отклонения условий его работы от нормальных, но и гарантировать эффективное осуществление им права на справедливую заработную плату: каждому работнику в равной мере должны быть обеспечены как заработная плата в размере не ниже установленного федеральным законом МРОТ, так и повышенная оплата в случае выполнения работы в условиях, отклоняющихся от нормальных. Соответственно, сделал вывод Конституционный Суд, в состав заработной платы (части заработной платы) работника, не превышающей МРОТ, не может включаться повышенная оплата сверхурочной работы, работы в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни.

В 2019 году перед Конституционным Судом Российской Федерации был поставлен вопрос о включении в состав заработной платы (части заработной платы) работника, не превышающей МРОТ, дополнительной оплаты (доплаты) работы, выполняемой в порядке совмещения профессий (должностей). Оказывается, на практике и эти доплаты пытались включить в состав МРОТ.

В Постановлении от 16 декабря 2019 года № 40-П Конституционный Суд Российской Федерации указал, что при совмещении профессий (должностей) в течение рабочего дня (смены) работник выполняет как свою основную работу, так и дополнительную работу по другой профессии (должности), что приводит к дополнительной физиологической и психоэмоциональной нагрузке, которая должна быть компенсирована, поэтому таким работникам должна быть обеспечена повышенная оплата труда, в связи с чем размер доплаты за совмещение профессий (должностей) не может включаться в состав заработной платы (части заработной платы), не превышающей МРОТ.

Таким образом, работникам должна быть обеспечена заработная плата не менее МРОТ при работе в обычных условиях, а при выполнении работ в условиях, отклоняющихся от нормальных, она должна быть увеличена на соответствующие выплаты, призванные компенсировать работнику неблагоприятное воздействие на его здоровье условий труда.

Конституционный суд России постановил, что компенсационные и стимулирующие выплаты в минимальный размер оплаты труда (МРОТ) не включаются. Более того, начисляются на весь фактический заработок <...>

Профсоюзы России расценивают это как свою победу. Они боролись за «чистый» МРОТ 10 лет, с тех пор как из Трудового кодекса была изъята соответствующая норма, поскольку ее применение препятствовало дальнейшему повышению минимального размера оплаты труда.

(PrimaMedia.ru, 08.12.2017)

Конституционный суд России разъяснил, что в состав зарплаты, которая не превышает минимальный размер оплаты труда (МРОТ), для его достижения не включаются выплаты за сверхурочную работу, работу в выходные и в праздники.

(РБК, 13.04.2019)

КС разъяснил, как должна начисляться зарплата за сверхурочную работу <...>

Комментируя «АГ» постановление, управляющий партнер АБ Ольги Башковой Ольга Башкова отметила его высокую практическую значимость. «В своей правоприменительной деятельности столкнулась с вопросом о правильности начисления заработной платы при условии работы в выходные, праздничные дни и ночное время, — пояснила она. — Думается, что данное постановление будет полезно не только судам, но и бухгалтерам, а также трудовой инспекции и другим контрольным органам, так как оно исключило все иные толкования правильности начисления зарплаты».

По мнению партнера и руководителя практики трудового права Группы правовых компаний «ИНТЕЛЛЕКТ-С» Анны Устюшенко, особенно приятно, что КС сформулировал обоснование, почему труд в условиях, отклоняющихся от нормальных, подлежит оплате сверх минимума. «Таким образом, КС высказался не только «про право», но и «про жизнь», чем существенно облегчил задачу судей».

По мнению адвоката ПА Нижегородской области Василия Шавина, приятно, что КС исправил ситуацию. «Такие решения изменяют практику — как судебную (довольно быстро), так и правоприменительную (не очень быстро)», — резюмировал он.

(Адвокатская газета, 15. 04. 2019)

Конституционный суд запретил включать в основную сумму заработной платы выплаты, которые полагаются работнику за совмещение должностей <...> Каждому работнику в равной мере должны быть обеспечены как зарплата в размере не ниже установленного федеральным МРОТ (минимальной заработной платы в субъекте РФ), так и повышенная оплата в случае выполнения работы в условиях, отклоняющихся от нормальных, в том числе при совмещении профессий (должностей), — указал КС.

Иной подход, считает суд, противоречит как конституционному принципу равенства перед законом и судом (статья 19), так и статье 37 Конституции РФ, гарантирующей право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации.

(Российская газета, 17.12.2019)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2018 года № 26-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 153 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.В.Апухтина, К.К.Багирова и других»

Согласно части первой статьи 153 Трудового кодекса Российской Федерации, также закрепляющей правила оплаты труда в условиях, отклоняющихся от нормальных, работа в выходной или нерабочий праздничный день (которая возможна только в исключительных случаях, поскольку такие дни предназначены для отдыха работника) оплачивается не менее чем в двойном размере с тем, чтобы компенсировать работникам повышенные трудовые затраты, обусловленные увеличением рабочего времени и сокращением времени отдыха.

Вместе с тем данное положение на практике истолковывалось как позволяющее оплачивать работу в выходные и нерабочие праздничные дни в повышенном размере

исключительно исходя из оклада, без учета всех установленных надбавок компенсационного и стимулирующего характера, что не только не увеличивало оплату работы, но и приводило к уменьшению ее размера по сравнению с размером оплаты работы в обычные дни. Именно такая ситуация сложилась, в частности, у лиц, работающих по трудовому договору в воинских частях и организациях Вооруженных Сил Российской Федерации (гражданский персонал воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации). Ряд таких граждан, которые в судебном порядке не смогли защитить свое право на получение повышенной оплаты труда в выходные и нерабочие праздничные дни, обратились в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобами о проверке конституционности части первой статьи 153 Трудового кодекса Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации указал на недопустимость такого понимания предусмотренных названной нормой правил и разъяснил, что оплата за работу в выходные и нерабочие праздничные дни (если эта работа не компенсировалась предоставлением другого дня отдыха) должна включать наряду с удвоенной (или увеличенной в большем размере) тарифной частью заработной платы все компенсационные и стимулирующие выплаты, предусмотренные установленной для работников системой оплаты труда.

Однако, учитывая, что вопрос о конституционности данной нормы был разрешен по жалобам граждан, работающих в воинских подразделениях, некоторые суды отказывались воспринимать сформулированную правовую позицию как имеющую универсальный характер, в связи с чем Конституционный Суд Российской Федерации вынужден был вернуться к этому вопросу и в Определении от 12 ноября 2019 года № 2669-О указать, что содержащиеся в рассматриваемом Постановлении правовые позиции в полной мере применимы к оплате труда всех работников, заработная плата которых помимо оклада (должностного оклада) либо тарифной ставки включает компенсационные и стимулирующие выплаты.

Соответственно, труд любых работников, привлеченных к работе в выходные и нерабочие праздничные дни, независимо от вида работодателя и выполняемой работы должен оплачиваться по правилам части первой статьи 153 Трудового кодекса Российской Федерации в ее истолковании, данном в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2018 года № 26-П.

Александр Ксенофонов, руководитель группы трудового и спортивного права юридической фирмы «ЮСТ», полагает, что в части выплат, которые призваны компенсировать работнику отклонение от нормы в условиях труда, правильность подхода КС сомнений не вызывает, поскольку при таком отклонении, по смыслу закона, компенсация должна следовать вне зависимости от того, в какой день — рабочий или выходной — человек работает <...>

Эксперт также добавил: хотя постановление непосредственно касается гражданского персонала воинских частей, нельзя исключать, что выявленный в нем конституционно-правовой смысл ст. 153 Трудового кодекса на практике будет распространен на всех работников и работодателей.

(Адвокатская газета, 03.07.2018)

33. ЗАЩИТА ОТ БЕЗРАБОТИЦЫ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 октября 2009 года № 15-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 30, пункта 2 статьи 32, пункта 1 статьи 33 и пункта 1 статьи 34 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан М.А.Белогуровой, Т.А.Ивановой, С.Г.Климовой и А.В.Молодцова»

Конституция Российской Федерации гарантирует гражданам как свободу труда и право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, так и право на защиту от безработицы (статья 37, части 1 и 3) и право на социальное обеспечение (статья 39, часть 1).

По смыслу указанных статей Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 1, 7 и 19 (части 1 и 2) правовое регулирование занятости населения и защиты от безработицы должно обеспечивать лицам, временно лишившимся работы и, следовательно, заработка, трудового дохода, эффективную государственную защиту.

Оспоренные законоположения закрепляли различные правила предоставления гарантий в рамках защиты от безработицы, в том числе пособия по безработице, для граждан, работавших у индивидуальных предпринимателей, и граждан, уволенных из организаций. Последние получали указанное пособие пропорционально среднемесячному заработку, для них устанавливался более высокий максимальный размер пособия. Кроме того, для лиц, уволенных индивидуальными предпринимателями, не предусматривалась возможность досрочного выхода на пенсию.

Конституционный Суд Российской Федерации признал установление указанных различий в зависимости от того, где работник до своего увольнения осуществлял трудовую деятельность — в организации или у индивидуального предпринимателя, не имеющими разумного оправдания и пришел к выводу о необходимости обеспечения со стороны государства равной социальной защиты на период поиска новой работы лицам, работавшим по трудовому договору в организациях и у индивидуального предпринимателя.

Данное решение было в полной мере реализовано законодателем: Федеральный закон от 27 декабря 2009 года № 367-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» предусмотрел для лиц, уволенных индивидуальными предпринимателями, и лиц, уволенных из организаций, одинаковый порядок исчисления пособия по безработице, а также единые условия досрочного назначения пенсионного обеспечения.

КС решил, что дифференцированный подход к бывшим работникам организаций и ПБОЮЛ нарушает конституционный принцип равенства. Не стоит забывать, отметили в суде, что социальная поддержка безработных не связана непосредственно ни с какими налогами или взносами, уплачиваемыми работодателями. Соответственно, различия в правилах начисления пособий по безработице не имеют объективного оправдания <...>

Олег Шеин, зампред комитета Госдумы по труду и социальной политике, член Счетной комиссии Госдумы:

— Я приветствую нынешнее постановление КС, потому что те, кто работал

на предпринимателя без образования юридического лица, фактически лишался права на пособие по безработице. Но ведь это нелепо, потому что малый предприниматель — это такой же субъект экономической и хозяйственной деятельности, как и любое акционерное общество. Более того, у него и оборот может быть гораздо больше, чем у акционерного общества. Так что это очень хорошее и справедливое решение КС, которое мы ждали очень давно.

Михаил Шмаков, председатель Федерации независимых профсоюзов России: — КС принял очень справедливую норму, особенно в сегодняшних условиях. Как известно, от тюрьмы и от сумы никто зарекаться не может и не должен.

То же самое относится и к пособию по безработице.

Сергей Зивенко, президент торгово-промышленной группы «Кристалл»:

— Считаю, что КС принял социально правильное решение. Если гражданин России долго не мог найти работу, его старость все равно должна быть обеспечена.
(Газета, 23.10.2009)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2012 года № 10-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого статьи 2 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Е.Н.Эрлих»

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 января 2013 года № 2-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого статьи 2 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в редакции Федерального закона от 17 июля 1999 года № 175-ФЗ в связи с жалобой гражданина К.В.Чумакина»

Российская Федерация как социальное государство гарантирует каждому как свободу труда и право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, так и право на защиту от безработицы (статья 37, части 1 и 3). Последнее означает в том числе и право на социальную поддержку, включающую выплату пособия по безработице. Такое право предоставлено Законом Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» только гражданам, которые не относятся к категории занятых.

В Конституционный Суд Российской Федерации обратилась гражданка Е.Н.Эрлих, являвшаяся учредителем товарищества собственников жилья, и член жилищного накопительного кооператива К.В.Чумакин, которым органы службы занятости отказали в признании их безработными на том основании, что действовавшая в то время редакция абзаца десятого статьи 2 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» предполагала возможность признания занятыми граждан, являющихся учредителями (участниками) таких некоммерческих организаций, и, соответственно, лишала таких граждан предусмотренных законодательством гарантий защиты от безработицы.

Конституционный Суд Российской Федерации, обратив внимание на формализм нормы закона и создание законодателем препятствий для признания безработными таких граждан, признал оспоренную норму противоречащей Конституции Российской Федерации.

Федеральный закон от 30 декабря 2012 года № 328-ФЗ «О внесении изменения в статью 2 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» исправил данную ситуацию, указав, что учредители (участники) некоммерческих организаций, участие в которых не предполагает получение дохода от их деятельности, не могут признаваться занятыми.

Конституционный суд РФ признал право учредителей товариществ собственников жилья на получение пособия по безработице <...> По мнению Суда, федеральный закон «О занятости населения РФ» противоречит Основному закону государства, так как не предусматривает исключения для учредителей ТСЖ, которое бы позволило им претендовать на получение пособия по безработице.

(ИТАР-ТАСС, 26.04.2012)

Членство в жилищных накопительных кооперативах не может расцениваться как экономическая деятельность, направленная на получение регулярного дохода, говорится в постановлении, опубликованном в пятницу на сайте Конституционного суда (КС) РФ.

(РАПСИ, 01.02.2013)

Безработные участники жилищных кооперативов не могут считаться занятыми гражданами. Конституционный Суд РФ признал не соответствующей Конституции норму закона о занятости населения, препятствующую признанию безработными членов жилищного накопительного кооператива как учредителей и участников некоммерческой организации.

(Клерк, 06.02.2013)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 октября 2015 года № 24-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 3 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина М.В.Чайковского»

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 октября 2019 года № 31-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 3 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина М.В.Чайковского»

Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» определяет основания и порядок признания лица безработным. Принимая решение о признании гражданина безработным, органы службы занятости в соответствии со статьей 3 названного Закона требуют от гражданина предъявить пакет документов, среди которых справка о среднем заработке за последние три месяца по последнему месту работы и документ об образовании (о квалификации). Эти документы органы службы занятости потребовали представить и от гражданина М.В.Чайковского — бывшего индивидуального предпринимателя, который после прекращения предпринимательской

деятельности обратился к ним для постановки на учет в качестве безработного с целью получения мер социальной поддержки. Учитывая, что данных документов у заявителя не оказалось (при первом обращении в органы службы занятости он не смог предъявить справку о среднем заработке в связи с ликвидацией организации, в которой он ранее работал, а при последующем — документ об образовании), в признании безработным ему было отказано.

Между тем органами службы занятости при принятии решения не учитывалась цель представления этих документов: справка о среднем заработке нужна для исчисления размера пособия по безработице, а документ об образовании (квалификации) — для предложения гражданину подходящей работы, т.е. работы, соответствующей его профессиональной подготовке, на что и указал Конституционный Суд Российской Федерации. В случае же обращения в органы службы занятости бывших индивидуальных предпринимателей и лиц, стремящихся возобновить трудовую деятельность после длительного (более одного года) перерыва, которым пособие по безработице может быть назначено только в минимальном размере (а не в зависимости от их предыдущего заработка), и любая предложенная органами службы занятости работа будет считаться подходящей, отсутствие таких документов не может служить основанием для отказа в регистрации их в качестве безработных. Иной подход создавал бы искусственные препятствия для реализации такими лицами прав, гарантированных законом безработным гражданам в целях оказания помощи в трудоустройстве и социальной поддержки в период безработицы, и, соответственно, в правоприменительной практике должен быть исключен.

КС РФ указал, что оспоренный закон должен обеспечивать гражданам защиту от безработицы, в том числе через бесплатное содействие в трудоустройстве, консультации, возможность обучения.

(Российская газета, 08.10.2015) КС РФ разъяснил порядок постановки граждан на учет в качестве безработных. Центры занятости населения не вправе требовать от соискателей предоставления исключительного полного пакета бумаг и справок <...>

КС прежде всего напомнил, что право на защиту от безработицы прямо гарантировано в статье 37 Конституции РФ. Механизмы такой защиты реализует государство — как через содействие в трудоустройстве, так и через социальную поддержку граждан, не имеющих работы и заработка. Статус безработного в данном случае обеспечивает расширенную поддержку, но требует предоставления определенного перечня документов.

(Российская газета, 10.10.2019)

34. ГАРАНТИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЗАБАСТОВКУ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 мая 1995 года № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 12 Закона СССР от 9 октября 1989 года «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» (в редакции от 20 мая 1991 года) в части, запрещающей проведение забастовок работниками гражданской авиации, в связи с жалобой Профсоюза летного состава Российской Федерации»

Статья 37 (часть 4) Конституции Российской Федерации признает право на индивидуальные и коллективные трудовые споры с использованием установленных федеральным законом способов их разрешения, включая право на забастовку. Таким образом, забастовка является конституционным способом разрешения спора в сфере труда. Между тем статьей 12 Закона СССР «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» запрещалось использовать забастовку как средство разрешения коллективного трудового спора в некоторых предприятиях и организациях, в частности гражданской авиации.

Профсоюз летного состава Российской Федерации, по инициативе которого в авиаотрядах и на авиапредприятиях регионов России была проведена забастовка летного состава – членов данного Профсоюза, признанная незаконной в судебном порядке на основании оспоренной нормы, усомнился в конституционности осуществленного законодателем правового регулирования и обратился в Конституционный Суд Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации, основываясь на необходимости согласования в правовом регулировании интересов работников, использующих забастовку как средство защиты в коллективных трудовых спорах, и общественных интересов, которым забастовка может причинить ущерб, указал, что само по себе ограничение права на забастовку не противоречит Конституции Российской Федерации, однако нельзя вводить запрет на забастовку на основании только лишь принадлежности работников к определенной отрасли, и признал такое ограничение права на забастовку неконституционным.

Несмотря на то что данный Закон в ноябре 1995 года был признан не действующим в Российской Федерации, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации оказало значительное влияние на правовое регулирование – в Федеральном законе от 23 ноября 1995 года № 175-ФЗ «О порядке разрешения коллективных трудовых споров» предусматривалось, что незаконными являются забастовки, создающие реальную угрозу основам конституционного строя и здоровью других лиц (статья 17); Трудовой кодекс Российской Федерации уточнил, что забастовки не допускаются в организациях, непосредственно связанных с обеспечением жизнедеятельности населения, но только в том случае, если проведение забастовок создает угрозу обороне страны и безопасности государства, жизни и здоровью людей; Федеральным законом от 8 июля 1999 года № 150-ФЗ «О внесении дополнения в статью 52 Воздушного кодекса Российской Федерации» было уточнено правовое регулирование для работников гражданской авиации – круг лиц, не имеющих право бастовать, был сужен до авиационного персонала гражданской авиации, осуществляющего обслуживание (управление) воздушного движения.

Соответственно, изменившееся в связи с принятием Конституционным Судом Российской Федерации Постановления правовое регулирование расширило потенциальные возможности защиты работниками своих трудовых прав в рамках коллективного трудового спора.

Занимаясь рассмотрением дела по запросу профсоюза летного состава, суд в какой-то мере определял дальнейшую историю российской судебной практики в части разрешения трудовых споров, в том числе и о правомерности забастовок. По сути, вопрос стоял так: относится ли конституционное право – право на забастовку – ко всем без исключения?

(Коммерсант, 18.05.1999)

35. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВА НА ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июня 1998 года № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 2, 5 и 6 Закона Российской Федерации «О выплате пенсий гражданам, выезжающим на постоянное жительство за пределы Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан»

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (статья 39, часть 1). На основе оспариваемых законоположений пенсионеры — граждане, выехавшие на постоянное место жительства за пределы СССР (Российской Федерации), лишались права на получение назначенных трудовых пенсий, если они выехали до распада СССР (1 июля 1993 года) либо после, но не проживали непосредственно перед выездом на территории Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации встал на сторону пенсионеров и указал, что права гражданина в области пенсионного обеспечения производны от его трудовой или иной общественно полезной деятельности. Пенсии по старости, за выслугу лет и другие пенсии, назначаемые в связи с трудовой или иной деятельностью, заработаны, заслужены предшествующим трудом, службой, выполнением определенных, значимых для общества обязанностей, и право на их получение не может связываться с таким условием, как постоянное проживание в Российской Федерации: государство обязано гарантировать это право независимо от того, где проживает гражданин, которому назначена пенсия.

Установление различий в праве граждан Российской Федерации на получение трудовых пенсий, обусловленных исключительно таким обстоятельством, как место постоянного жительства — на территории Российской Федерации или за ее пределами, было признано Конституционным Судом Российской Федерации не оправданным и не обоснованным и с точки зрения требований статьи 19 (часть 2) Конституции Российской Федерации, закрепляющей принцип равенства прав и свобод человека и гражданина.

Данное решение было полностью исполнено законодателем: действующее правовое регулирование, в том числе Федеральный закон «О страховых пенсиях», не устанавливает для граждан ограничений на получение страховой пенсии по старости или пенсии за выслугу лет в зависимости от места их проживания (на территории Российской Федерации или за ее пределами).

Решение судей обрадует всех эмигрантов пенсионного возраста: КС обязал правительство платить пенсии гражданам России, выехавшим за рубеж на постоянное место жительства <...> Конституционный суд решил, что пенсии нужно выплачивать всем. В том числе и эмигрантам, обосновавшимся за пределами России до 2 июля 1993 года. Отменены статьи закона «О выплате пенсий гражданам, выезжающим на постоянное жительство за пределы РФ», которые определяли особую категорию граждан, не имеющих права на получение пенсии. Любопытно, что эмигрировавшим еще во времена СССР пенсии исправно платили (сейчас таких, по данным Пенсионного фонда, 430 человек). Экономии на гражданах России, уехавших в

период с 1992 по 1993 год. Теперь же КС ликвидировал «пенсионную дискриминацию», напомнив, что по Конституции «государство гарантирует равенство прав и свобод гражданина независимо от пола, расы, национальности». Правительству поручено пересмотреть порядок выплат.

(Коммерсантъ-Daily, 16.06.1998)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 января 2004 года № 2-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 30 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы, а также Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), Думы Чукотского автономного округа и жалобами ряда граждан»

Конституция Российской Федерации в соответствии с целями социального государства (статья 7, часть 1) гарантирует каждому социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (статья 39, часть 1); право на пенсию является важнейшим элементом социального обеспечения, основное содержание которого — предоставление человеку средств к существованию. При этом на основании ряда норм правоприменительные органы, определяя продолжительность стажа для оценки ранее приобретенных пенсионных прав застрахованных лиц (по состоянию на 1 января 2002 года), а также размер пенсионного обеспечения, исключали льготный (кратный) порядок исчисления общего трудового стажа и не учитывали некоторые периоды общественно полезной деятельности, включавшиеся в стаж в соответствии с ранее действовавшим законодательством, в том числе Законом Российской Федерации от 20 ноября 1990 года № 340-1 «О государственных пенсиях в Российской Федерации», что и явилось поводом обращения в Конституционный Суд Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации выявил конституционно-правовой смысл оспариваемых норм и обосновал невозможность ухудшения условий реализации права на пенсионное обеспечение. При определении права на пенсию и ее расчетного размера они не препятствуют исчислению страхового стажа и (или) специального стажа на соответствующих видах работ, имевших место до 1 января 2002 года (даты вступления в силу Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»), по нормам действовавшего на 31 декабря 2001 года правового регулирования независимо от продолжительности стажа на указанную дату, т.е. с применением в том числе льготного порядка.

Данное решение полностью реализовано: в статье 30 Федерального закона «О трудовых пенсиях» предусмотрено несколько вариантов исчисления страхового стажа и расчетного размера пенсии, в том числе с учетом норм, действовавших до 1 января 2002 года.

Конституционный суд постановил, что новый закон о пенсиях ничьи права и свободы не умалает. Потому как он теоретически «не препятствует пенсионеру» получать пенсию по старому закону, 1997 года.

(Новые известия, 30.01.2004)

КС сегодня подчеркнул, что граждане, которые считают, что по новой системе их пенсия уменьшилась, вправе потребовать перерасчета пенсии по старому законодательству.

(ИТАР-ТАСС, 29.01.2004)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июля 2007 года № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 10 и пункта 2 статьи 13 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и абзаца третьего пункта 7 Правил учета страховых взносов, включаемых в расчетный пенсионный капитал в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Учалинского районного суда Республики Башкортостан и жалобами граждан А.В.Докукина, А.С.Муратова и Т.В.Шестаковой»

Обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина как высшую ценность, предполагающая установление такого правопорядка, который гарантировал бы каждому государственную защиту его прав и свобод (статья 2; статья 17; статья 18; статья 45, часть 1, Конституции Российской Федерации), в сфере пенсионного обеспечения лиц, работавших по трудовому договору, означает необходимость такого правового регулирования, которое бы предусматривало эффективные гарантии права на трудовую пенсию, исключало возможность блокирования реализации приобретенных этими лицами пенсионных прав и позволяло им на основе доступных процедур своевременно и в полном объеме получить полагающуюся пенсию. Однако оспариваемые положения законодательства приводили к тому, что если страхователь (работодатель) не исполнял или ненадлежащим образом исполнял обязанность по уплате страховых взносов, в том числе в случае признания его банкротом, то граждане, работавшие у такого работодателя, лишались права на назначение трудовой пенсии с учетом данных периодов, а размер их пенсии занижался.

Конституционный Суд Российской Федерации признал такое правовое регулирование противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку реализация гражданами права на социальное обеспечение не может зависеть от исполнения страхователем своих обязанностей: застрахованные лица должны иметь возможность реализовать приобретенные ими в системе обязательного пенсионного страхования права независимо от того, насколько добросовестным было поведение страхователя (работодателя).

В настоящее время застрахованным лицам (работникам) в страховой стаж включаются все периоды трудовой деятельности (после 31 декабря 2001 года), за которые начислялись страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации, а пенсия рассчитывается с учетом начисленных страховых взносов — независимо от факта их уплаты страхователем (работодателем).

Судьбоносное решение принял Конституционный суд для сотен тысяч российских пенсионеров <...> Истцы потребовали проверить закон на соответствие Конституции. КС постановил, что он и впрямь несовершенен, этот закон, поскольку ставит право гражданина в зависимость от честности начальства.

Последствия вердикта будут самые серьезные. Парламенту придется вносить изменения в закон, а пенсионеры смогут теперь прийти в отделение Пенсионного фонда <...> и написать заявление на перерасчет пенсии. А если откажут, юристы советуют обращаться в суд и говорят, что успех таких дел гарантирован.

(Радио России, 10.07.2007)

По мнению начальника аналитического управления юридической фирмы «Вегас Лекс» Максима Черниговского, данное постановление Конституционного суда немного облегчило положение граждан, которые работают в теневом или сером секторе, где компания изначально не настроена платить налоги, в том числе и ЕСН. По словам эксперта, вчерашнее решение защищает этот тип работников.

(Независимая Газета, 11.07.2007)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2009 года № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта «а» части третьей статьи 29 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей», пункта 3 статьи 57 Закона Российской Федерации «Об образовании» и подпункта 1 пункта 2 статьи 9 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Н.С.Лаппы»

Конституция Российской Федерации в соответствии с целями социального государства, закрепленными в ее статье 7 (часть 1), гарантирует каждому социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (статья 39, часть 1). Однако на основании толкования оспоренных законоположений правоприменительные органы отказывали гражданам, обучающимся в иностранном учебном заведении, поступившим туда самостоятельно (без направления на учебу в соответствии с международным договором Российской Федерации) совершеннолетним детям военнослужащих, погибших при прохождении службы по контракту, в выплате пенсии по случаю потери кормильца до достижения возраста 23 лет.

Конституционный Суд Российской Федерации встал на защиту граждан и указал, что такая пенсия является особой мерой социальной поддержки совершеннолетних детей погибшего военнослужащего, обучающихся в учебном заведении, и при реализации пенсионных прав им должны быть обеспечены равные условия вне зависимости от места расположения образовательного учреждения (на территории Российской Федерации или за ее пределами), в котором они обучаются, и от факта направления на учебу.

Однако данное решение Конституционного Суда Российской Федерации не в полной мере было реализовано законодателем, и в 2017 году Конституционный Суд Российской Федерации был вынужден рассматривать вопрос о праве совершеннолетних детей, обучающихся в иностранных учебных заведениях самостоятельно (без направления на учебу в соответствии с международным договором Российской Федерации),

на страховую пенсию по случаю потери кормильца, не являвшегося военнослужащим (Постановление от 5 декабря 2017 года № 36-П).

В указанном решении Конституционный Суд Российской Федерации, сославшись на статью 19 (часть 1) Конституции и ранее высказанные правовые позиции, в очередной раз подтвердил, что в сфере пенсионного обеспечения нельзя вводить не имеющие объективного и разумного оправдания различия для лиц, принадлежащих к одной и той же категории: лица, потерявшие кормильца и обучающиеся по очной форме обучения, должны обладать равными пенсионными правами.

Решения Конституционного Суда Российской Федерации были в полной мере учтены законодателем в Федеральном законе от 12 ноября 2018 года № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части выплаты пенсии по случаю потери кормильца», исключившем направление на обучение в иностранное учебное заведение в соответствии с международными договорами Российской Федерации из условий, необходимых для отнесения детей умершего к числу лиц, имеющих право на пенсию по случаю потери кормильца.

Сложившаяся правоприменительная практика искажает конституционный смысл исследованных <...> законоположений. Суть закона в том, чтобы оказать социальную поддержку утратившим кормильца детям военнослужащих и приравненных к ним лиц до окончания ими обучения с отрывом от производства, но не более чем до 23 лет. При этом главное условие — это получение очной формы образования, но ни в коей мере право на пенсию не зависит от типа и места расположения образовательного учреждения, а также способа поступления.

(Фонтанка.ру, 27.11.2009)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2018 года № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 7 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», пунктов 1 и 2 статьи 25 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», статей 1102 и 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.Н.Горностаевой»

Согласно Конституции Российской Федерации Россия является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 7, часть 1), в качестве одного из основных направлений социальной защиты определено обеспечение государственной поддержки инвалидов (статья 7, часть 2), в числе основ правового статуса личности закреплено право каждого на социальное обеспечение, в частности в случае инвалидности (статья 17, часть 1; статья 39, часть 1; статья 64). С заявительницы по данному делу гражданки Н.Н.Горностаевой, признанной инвалидом, правоприменительными органами без установления признаков недобросовестности или противоправности в ее действиях были взысканы ранее полученные суммы пенсии по инвалидности и ежемесячной денежной выплаты только на том основании, что при проведении повторной медико-социальной экспертизы выявлены допущенные в ходе ранее проведенной медико-социальной

экспертизы процедурные нарушения и в связи с этим признаны недействительными выданные гражданину документы (справки) об установлении инвалидности, необходимые для назначения пенсии и выплат. Полагая, что этот подход противоречит Конституции Российской Федерации, она обратилась за защитой нарушенных прав в Конституционный Суд Российской Федерации.

Проверяя конституционность правовых норм, предусматривающих ответственность физических и юридических лиц за достоверность сведений, содержащихся в документах, представляемых ими для установления и выплаты трудовой пенсии, Конституционный Суд Российской Федерации затронул проблему обоснованности привлечения к ответственности получателя пенсии по инвалидности в случае представления для ее назначения составленной по итогам медико-социальной экспертизы справки, признанной недействительной вследствие процедурных нарушений, допущенных при проведении такой экспертизы.

До вмешательства Конституционного Суда Российской Федерации представление такой справки в территориальный орган Пенсионного фонда Российской Федерации в ряде случаев рассматривалось как сообщение недостоверных сведений и совершение гражданином недобросовестных действий независимо от основания признания справки недействительной, что являлось основанием для взыскания денежных сумм в связи с перерасходом средств Пенсионного фонда Российской Федерации на выплату пенсии.

Осуществляя конституционно-правовое толкование оспариваемых норм, Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что судебные органы, рассматривая в каждом конкретном деле вопрос о наличии оснований для взыскания соответствующих средств с пенсионера, обязаны, не ограничиваясь установлением одних лишь формальных условий применения взыскания, исследовать по существу фактические обстоятельства дела, свидетельствующие о наличии либо отсутствии признаков недобросовестности (противоправности) в действиях лица, которому была назначена пенсия.

Конституционный суд запретил взыскивать с инвалидов переплату пенсии из-за ошибок в документах, допущенных не по их вине <...>

Это уже не первое решение, в котором Конституционный суд дает понять: граждане не должны отвечать за ошибки госорганов.

(Ведомости, 28.02.2018)

Линь Нгуен, юрист РООИ «Перспектива»: «Это дело является весьма показательным с точки зрения деятельности и правоприменения госорганами и учреждениями. Сами допустили ошибку, сами исправили, а ответственность возложили на гражданина. Ни суд первой, ни второй инстанций не смогли разобраться в сути проблемы и подошли с чисто формальной стороны.

И только Конституционный суд — последняя и высшая инстанция — смог разобраться в деле по существу и правильно применил не только нормы материального и процессуального права, но и один из основных принципов правосудия — справедливость. Несправедливо налагать ответственность на человека с инвалидностью и заставлять его вернуть уже давно потраченные деньги. Тем более если на нем нет вины».

(РООИ «Перспектива», 28.03.2018)

За бюрократов не в ответе. Конституционный суд вступился за инвалидов <...>

Андрей Лапин, заместитель председателя профсоюза адвокатов России: «В целом это постановление имеет очень важные последствия. Оно показывает, что государство в лице чиновников, желающих сэкономить на простых людях, должно сдать назад. Человека нельзя обирать, тем более за чужие ошибки».

(Солидарность, 20.03.2018)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2020 года № 20-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки И.К.Дашковой»

При установлении сообразно предписаниям статьи 7 (часть 2) Конституции Российской Федерации о государственной поддержке семьи, материнства, отцовства и детства гарантий социальной защиты для граждан, имеющих детей, должны учитываться особые потребности отдельных категорий лиц. К числу таких категорий относятся, в частности, дети-инвалиды и инвалиды с детства, а также родители этих лиц.

Часть 3 статьи 17 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» предусматривает повышение фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости или по инвалидности для родителей детей-инвалидов. По достижении ребенком возраста 18 лет, когда он приобретает статус инвалида с детства с установлением ему группы инвалидности, фиксированная выплата к пенсии его родителю продолжала осуществляться в повышенном размере лишь при условии подтверждения факта его нахождения на иждивении родителя.

Однако в судебной практике были примеры удовлетворения требований родителей инвалидов с детства о сохранении повышенного размера данной выплаты и после достижения их детьми совершеннолетия. В таких случаях суды, руководствуясь конституционными принципами справедливости, гуманизма, а также конституционными предписаниями о государственной поддержке семьи и инвалидов, исходили из презумпции нахождения инвалидов с детства на иждивении родителей.

Иначе было разрешено дело И.К.Дашковой — матери инвалида с детства I группы, признанного недееспособным. Конституционный Суд Российской Федерации посчитал отсутствие в правоприменительной практике единого подхода к толкованию оспариваемого положения подтверждением его неопределенности, не совместимой с требованиями статей 19 (части 1 и 2) и 39 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

Эта неопределенность была устранена путем внесения в оспариваемый Федеральный закон изменений, предусматривающих повышение фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости и к страховой пенсии по инвалидности родителям, которые являются опекунами лиц из числа недееспособных инвалидов с детства (если эти лица не находятся на полном государственном обеспечении).

В России будут пересмотрены положения пенсионного законодательства, позволяющие лишать доплат к пенсии за иждивенцев родителей, воспитывающих взрослых детей-инвалидов. Такое решение принял Конституционный суд <...>

«Это прекрасный прецедент», — прокомментировала принятое решение portalу Милосердие.ru активист родительского сообщества, организатор кампании за достойные выплаты лицам, осуществляющим уход за инвалидами (ЛОУ), Светлана Штаркова. «Прецедент хорош тем, что частное лицо не побоялось идти в суд. Женщина не остановилась, проиграв суд первой инстанции, дошла до КС — и в итоге выиграла дело не просто для себя, но и для всех, кто находится в таком же положении. Это достойно восхищения и гордости: семьи с инвалидами — больше не забытые жертвы, они становятся на защиту своих прав. Хочется надеяться, что будут новые суды и новые решения в защиту семей с инвалидами, потому что, к сожалению, такого плана несовершенств в нашем законодательстве еще очень много», — подчеркнула Светлана Штаркова.

(Милосердие.Ru, 24.04.2020)

36. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВ В ГРАЖДАНСКОМ, АРБИТРАЖНОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2001 года № 17-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 208 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Г.В.Истомина, А.М.Соколова, И.Т.Султанова, М.М.Хафизова и А.В.Штанина»

Принцип свободного волеизъявления народа на выборах предполагает предоставление надлежащих гарантий реализации избирательного права (активного и пассивного) всему избирательному корпусу на основе баланса публичных и частных интересов в соответствии с предписаниями Конституции Российской Федерации (статьи 1, 2, 3, 17 и 32). Статья 17 Конституции Российской Федерации возлагает на государство обязанность обеспечить возможность беспрепятственного осуществления конституционных прав и свобод личности.

Опираясь на приведенные конституционные предписания, Конституционный Суд Российской Федерации разрешил важный вопрос о конституционности лишения граждан России возможности обжалования в кассационном порядке судебных решений по делам о нарушениях избирательных прав, не связанным с оспариванием результатов выборов или референдумов. Невозможность такого обжалования была обусловлена тем, что такие судебные решения вступали в законную силу немедленно после их провозглашения, а в кассационном порядке в то время обжаловались судебные решения, не вступившие в законную силу. Вводя такое регулирование, законодатель руководствовался стремлением обеспечить оперативное рассмотрение судами соответствующих дел и немедленное исполнение вынесенных ими решений, тем самым способствуя проведению избирательных кампаний в установленные сроки.

Вместе с тем таким правовым регулированием был нарушен баланс конституционно защищаемых ценностей, поскольку полная и эффективная судебная защита избирательных прав граждан даже в случае их существенного ущемления, влекущего искажение волеизъявления избирателей, не гарантируется.

Конституционный Суд отметил, что, нарушив системное единство гражданских процессуальных норм, ранее обеспечивавших кассационное обжалование судебных решений по любым делам о нарушениях избирательных прав граждан, оспариваемая норма создала препятствия для выявления и устранения судебной ошибки и тем самым — для восстановления нарушенных избирательных прав. Более того, факты, установленные такими незаконными судебными решениями, в силу их преюдициального значения в ряде случаев вовсе не могли бы оспариваться участниками этого дела.

Дефекты регулирования, сложившегося в результате принятия оспариваемой нормы, не могли быть компенсированы и при рассмотрении дел в порядке надзора, поскольку возбуждение производства в этой стадии осуществлялось по усмотрению должностных лиц, а объем процессуальных прав лиц, участвующих в деле, в этой стадии был значительно ограничен по сравнению с предусмотренным в производстве по проверке не вступивших в законную силу судебных постановлений.

В связи с этим Конституционный Суд Российской Федерации посчитал недопустимым такое положение вещей, при котором отсутствует возможность обжаловать в кассационном порядке судебные решения (за исключением решений, вынесенных по делам об оспаривании результатов выборов или результатов референдумов) по делам о нарушении избирательных прав граждан. Признание соответствующего регулирования неконституционным означало, что суды впредь не вправе были отказывать в приеме кассационных жалоб снятым с выборов кандидатам.

При принятии нового Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации законодатель учел позицию Конституционного Суда Российской Федерации, и в этот Кодекс были включены правила, предоставляющие гражданину право обжаловать решения и действия (бездействие) избирательных комиссий, комиссий референдума, а также иные нарушения своих избирательных прав. Такие заявления должны были рассматриваться судом в сокращенные сроки, решение суда могло быть обжаловано во вторую инстанцию в сокращенный срок, которая в течение пяти дней должна была такую жалобу рассмотреть.

По мнению судей Конституционного Суда Российской Федерации, ГПК нарушает не только право на защиту в суде, но и право избирать и быть избранными <...> Возможность обойти признанное неконституционным положение ГПК существовала и раньше: достаточно было добиться рассмотрения жалобы на нарушение избирательных прав в порядке надзора и вынесения протеста на решение нижестоящего суда. Однако удавалось это лишь известным и влиятельным кандидатам <...> Теперь благодаря решению КС отстоять свои права в кассационной инстанции смогут и менее известные кандидаты.

(Коммерсант, 26.12.2001)

Председатель ЦИК Александр Вешняков положительно оценил это решение, особенно отметив, что КС принял его, не дожидаясь поправок законодателей. По его мнению, избирательные комиссии и суды должны немедленно принять к руководству это постановление Конституционного суда.

(Время Новостей, 26.12.2001)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 2006 года № 1-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 336 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан К.А.Инешина, Н.С.Никонова и открытого акционерного общества «Нижекамскнефтехим»

Граждане К.А.Инешин и Н.С.Никонов, полагая, что решением суда, вынесенным без их участия, были нарушены их права, обратились в суд с жалобами на него. Однако жалобы были возвращены судом без рассмотрения по существу со ссылкой на отсутствие у заявителей права на их подачу. Действующее в то время гражданское процессуальное законодательство не предусматривало для лиц, не привлеченных судом к участию в деле, возможности обжаловать не вступившее в силу решение суда по этому делу. Такое правовое регулирование ограничивало процессуальные возможности защиты лиц, лишенных возможности влиять на ход и развитие гражданского процесса, затрагивающего их права.

Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что отсутствие у лиц, не привлеченных к участию в деле, вопрос о правах и обязанностях которых разрешен судом первой инстанции, возможности обжаловать такое решение в суд второй инстанции существенно снижало бы уровень реализации ими конституционного права на судебную защиту. Исходя из этого Конституционный Суд при оценке конституционности статьи 336 ГПК Российской Федерации, на тот момент закреплявшей право подачи жалобы на не вступившее в законную силу решение суда, пришел к выводу о том, что данное законоположение не предполагает отказ суда второй инстанции в принятии к рассмотрению жалобы только на том основании, что лицо, ее подавшее, ранее не было привлечено судом к участию в рассмотрении дела.

Данная правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации впоследствии была воспринята федеральным законодателем, в результате чего были внесены соответствующие изменения, предоставившие гражданам эффективное средство защиты своих прав от незаконных и необоснованных судебных решений об их правах и обязанностях, вынесенных без их привлечения к участию в деле.

При вынесении решения конституционные судьи вновь прибегли к уже проверенной тактике, которую все чаще стали применять в последние годы, когда общая кодификация законодательства более или менее состоялась: оспариваемая норма сохраняется, но корректируется правоприменительная практика коллег из соседних ветвей судебной власти <...>

В постановлении судьи КС разъяснили, что суд второй инстанции не вправе отказать лицам, не привлеченным к участию в деле, вопрос о правах и обязанностях которых был разрешен судом первой инстанции, в проведении кассационной проверки наличия оснований для отмены вынесенного судом первой инстанции решения. А значит, даже не участвовавшее в процессе рассмотрения дела в первой судебной инстанции лицо может подать кассационную жалобу.

(Российская газета, 21.02.2006)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан»

Одним из важнейших постановлений Конституционного Суда является Постановление от 5 февраля 2007 года № 2-П, закрепившее основные принципы системы обжалования вступивших в законную силу судебных постановлений. Существовавшая система российского надзорного обжалования неоднократно подвергалась критике со стороны Европейского Суда по правам человека. Указанное Постановление Конституционного Суда, по существу, направлено на имплементацию в российское процессуальное законодательство как основных правовых позиций Европейского Суда по правам человека, касающихся порядка пересмотра дел судами экстраординарных инстанций, так и созвучных им подходов самого Конституционного Суда.

Конституционный Суд отметил необходимость обеспечения строгой определенности в вопросах стадийности, сроков, субъектов и объектов пересмотра, ограничения оснований пересмотра в целях обеспечения принципа правовой определенности и стабильности вступивших в законную силу судебных актов и указал на обязательность четкой регламентации полномочий Председателя, заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации, сопряженных с возможностью влиять на ход гражданского судопроизводства.

При этом с целью не допустить отказа в реализации права на судебную защиту гражданам, обратившимся в суд надзорной инстанции, Конституционный Суд воздержался от признания неконституционными ряда положений главы 41 ГПК Российской Федерации, вместе с тем напомнив законодателю о его обязанности в разумные сроки провести реформирование института надзора, чтобы привести его в соответствие с международно-правовыми стандартами.

Данное Постановление, по существу определив направление совершенствования процедур пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений, стало отправной точкой последовавшей реформы производства в судах кассационной и надзорной инстанций, основные положения которой были реализованы в Федеральном законе от 9 декабря 2010 года № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» и в принятых впоследствии иных законах.

Речь шла, по существу, о судьбе одного из важнейших правовых институтов в системе российского судопроизводства — о надзорной инстанции.

«Это лучшее постановление Конституционного суда!» — воскликнул уполномоченный РФ при Европейском суде по правам человека Павел Лаптев. Он уверен, что это постановление серьезно повлияет на систему гражданского судопроизводства, а «вместе с тем не допущено никаких препятствий для прекращения деятельности по рассмотрению дел в порядке надзора».

(Российская газета, 06.02.2007)

Представитель президента РФ в Конституционном суде Михаил Кротов также высказал удовлетворение решением КС, подчеркнув, что «без реформы судебной системы невозможно было принять решение о неконституционности оспоренных положений ГПК РФ». По его словам, законодателем уже ведется определенная работа по подготовке реформирования надзорной инстанции.

(Газета.Ру, 05.02.2007)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2010 года № 7-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 397 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В.Амосовой, Т.Т.Васильевой, К.Н.Жестковой и других»

Действовавшая на тот момент редакция части второй статьи 397 ГПК Российской Федерации закрепляла, что определения суда об удовлетворении заявления о пересмотре вступивших в законную силу судебных решений по вновь открывшимся обстоятельствам обжалованию не подлежат. В то же время статья 46 (часть 2) Конституции Российской Федерации гарантирует каждому возможность обжалования в суд правовых актов органов государственной власти, включая суды, поэтому в вопросе о конституционности упомянутого положения неизбежно возникали обоснованные сомнения.

С жалобами на эту норму в Конституционный Суд Российской Федерации обратились граждане, вынесенные в пользу которых судебные решения были отменены по вновь открывшимся обстоятельствам. Выиграв дело однажды, граждане были вынуждены вновь участвовать в споре. Если отмена судебного решения, вынесенного в их пользу, произошла в результате ошибки суда или даже намеренного злоупотребления с его стороны, то никакой возможности проверить это в апелляционном либо кассационном порядке гражданское процессуальное законодательство не предусматривало.

Конституционный Суд признал указанный запрет не соответствующим Конституции Российской Федерации, подчеркнув необходимость наличия возможности исправления судебных ошибок, допущенных при разрешении вопроса о наличии вновь открывшихся обстоятельств и повлекших незаконную отмену судебных постановлений, вступивших в законную силу (а зачастую уже исполненных и лежащих в основе сделок между первоначально выигравшей стороной и третьими лицами). Дополнительным аргументом в пользу принятого решения послужило различие между оспариваемым регулированием и нормами арбитражного процессуального законодательства, допускавшими обжалование определений об отмене вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам.

Федеральному законодателю было предписано внести в оспоренную норму соответствующие изменения. Это предписание исполнено: Федеральным законом от 9 декабря 2010 года № 353-ФЗ часть вторая статьи 397 ГПК Российской Федерации была изложена в ее действующей редакции, прямо предусматривающей возможность апелляционного обжалования определений суда первой инстанции об удовлетворении заявления, представления о пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Тем самым для граждан был обеспечен надлежащий уровень определенности в том, что вынесенное в их пользу судебное решение не будет отменено произвольно, без предусмотренных в законе оснований и без соблюдения установленной законом процедуры.

КС в итоге встал на сторону заявителей, подтвердив, что понижение уровня процессуальных гарантий защиты прав граждан в делах, рассматриваемых судами общей юрисдикции, в отличие от арбитражных, нарушает конституционный принцип равенства. Норму ГПК, запрещающую обжалование решений о пересмотре, КС признал неконституционной. Отменив запрет на обжалование решений о пересмотре, КС предписал законодателю внести изменения в ГПК, регулирующие порядок такого обжалования. Впредь до внесения изменений суды общей юрисдикции не вправе отказывать в рассмотрении частных жалоб на определения о пересмотре дел, указал КС, предписав также пересмотреть решения по делам заявителей.

(Коммерсант, 22.03.2010)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2017 года № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А.Абрамова, В.А.Ветлугаева и других»

В Российской Федерации, чья правовая система основана на принципе верховенства права, право каждого на судебную защиту относится к основным неотчуждаемым правам и свободам и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод, а правосудие по своей сути может признаваться таковым, только если оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает действенное восстановление в правах. Правовая определенность является одним из фундаментальных аспектов верховенства права, предполагая уважение принципа окончательного характера судебных решений.

Рассматривая дела с участием заявителей, суды общей юрисдикции, включая Верховный Суд Российской Федерации, признали в качестве достаточного основания для пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений изменившуюся практику применения правовых норм, изложенную в ряде определений Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации. Поскольку дела с участием заявителей были пересмотрены не в их пользу, они обратились в Конституционный Суд Российской Федерации, полагая, что таким расширительным толкованием норм закона, выразившимся во введении в правовое регулирование не предусмотренного действующим законодательством основания для ревизии судебных постановлений, нарушаются их права, закрепленные ранее вступившим в законную силу судебным постановлением. Конституционный Суд согласился с этими доводами и признал недопустимым ограничением принципа правовой определенности и окончательности вступивших в законную силу судебных актов их пересмотр в связи с вынесением судебной коллегией Верховного Суда определения, в котором дается иное толкование примененной в деле нормы. Иными словами, неконституционной была признана правоприменительная практика судов общей юрисдикции по приданию определению судебной коллегии Верховного

Суда Российской Федерации, вынесенному в кассационном порядке по другому делу, такого же правового значения, как вынесенному в надзорном порядке постановлению Президиума Верховного Суда Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации призвал федерального законодателя закрепить недопустимость придания обратной силы толкованию правовых норм, ухудшающему положение граждан в социально значимых правоотношениях (пенсионных, жилищных, по предоставлению обеспечения в порядке обязательного социального страхования и др.) с органами государственной власти, органами местного самоуправления или организациями, наделенными отдельными государственными или иными публичными полномочиями (их должностными лицами), по сравнению с тем, как оно было определено в пересматриваемом судебном постановлении. Изменения, направленные на исполнение этого Постановления, в положения главы 42 ГПК Российской Федерации были внесены Федеральным законом от 2 декабря 2019 года № 406-ФЗ. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации также был дополнен правилом о том, что в случае отмены судебного акта по аналогичному основанию не может быть ухудшено положение лиц, которые подали административное исковое заявление или в интересах которых подано административное исковое заявление, по сравнению с положением, установленным судебным актом, отмененным по новым обстоятельствам (часть 5 статьи 351).

Конституционный суд встал на сторону слабых.

Конституционный суд РФ запретил пересмотр вступивших в силу судебных решений на основании определений судебных коллегий Верховного суда.

Федеральному законодателю предписано устранить неопределенность в законах и учесть недопустимость ухудшения положения граждан в их правовых отношениях с органами власти.

Положения Гражданского процессуального кодекса проверили в КС после ряда жалоб граждан России на определения Верховного суда, которые отменяли принятые ранее положительные решения. В частности, речь шла об исках по поводу индексации страховых выплат, возмещения вреда здоровью, предоставления санаторно-курортных путевок.

(Пятый канал, 17.10.2017)

«Решение суда превзошло наши ожидания. По сути, оно защищает социальные, трудовые, жилищные, пенсионные и другие права простых граждан в спорах с органами власти и ограничивает права судебных инстанций в пересмотре решений. Суд также обязал установить пресекательный срок для таких пересмотров. Это очень важно для предотвращения таких ситуаций в будущем» (Ирина Фаст, адвокат АК «Гражданские компенсации»).

Фаст также добавила, что защита слабой стороны в процессе презюмируется во многих нормативных актах, но этого, как показывает сложившаяся ситуация, недостаточно. «Сегодня Конституционный суд поставил точку в данном вопросе, фактически наложив запрет на такой вид воздействия на простых граждан», — сказала она.

(Право.ру, 17.10.2017)

Конституционный суд (КС) вчера принял решение, останавливающее массовую практику пересмотра вступивших в силу решений судов общей юрисдикции по гражданским делам на основании определений судебных коллегий Верховного суда (ВС). Законодателю и ВС предписано исполнить постановление КС 2010 года о прецедентах высших судов — оно было реализовано только в арбитражном, но не в гражданском процессе. Обзоры судебной практики ВС с новыми позициями, исходя из решения КС, не могут считаться основанием для пересмотра других дел, а пересмотр по постановлениям президиума и пленума ВС не должен ухудшать положение «слабой стороны» в процессе — в первую очередь граждан по «социальным» спорам, жалобы в которых стали предметом рассмотрения КС <...> «КС однозначно указал на то, что решить, является ли правовая позиция высшего суда значимой и важной для других дел и может ли она послужить основанием для пересмотра других схожих с ним дел, могут только пленум и президиум применительно к конкретному делу, определений коллегий ВС нет в тексте ГПК. Кроме того, в отличие от постановлений президиума ВС, определение коллегии выражает мнение только трех судей ВС», — отметил важность решения КС управляющий партнер адвокатского бюро «Бартолиус» Юлий Тай.

(Коммерсант, 18.10.2017)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 января 2019 года № 2-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.М.Андреева»

В данном Постановлении Конституционным Судом Российской Федерации разрешен вопрос о возможности пересмотра по новым обстоятельствам судебного постановления, в основу которого судом общей юрисдикции положен нормативный правовой акт, признанный в дальнейшем по административному исковому заявлению участника данного дела недействующим с момента вступления судебного решения об этом в законную силу. Пункту 1 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации было дано конституционно-правовое истолкование: вне зависимости от того, с какого момента утратил силу соответствующий нормативный правовой акт, возможен пересмотр тех судебных постановлений, принятием которых было обусловлено оспаривание заявителем указанного нормативного правового акта.

Тем самым лицу, добившемуся в суде признания незаконного нормативного акта недействующим, в исключение из общего правила действия во времени решений суда об оспаривании нормативных актов и в качестве поощрения за деятельность в пользу неопределенного круга лиц была предоставлена возможность требовать пересмотра основанного на этом нормативном акте судебного акта по делу с его участием, которой он не был наделен до рассмотрения дела в Конституционном Суде Российской Федерации.

Конституционный суд РФ еще раз подтвердил, что отмена нормативного акта является основанием для пересмотра судебного решения по вновь открывшимся

обстоятельствам. Ранее судьи утвердили такой подход после проверки положений Арбитражного процессуального кодекса, на этот раз анализу подвергли Гражданский процессуальный кодекс РФ.

(Российская газета, 14.01.2019)

Конституционный суд <...> напомнил: оспаривая нормы закона, заявитель тратит свои силы, средства и время, а потому вправе рассчитывать, что сможет извлечь из этого выгоду. Иное ставило бы его в неравное положение с теми, кто в будущем сможет воспользоваться результатами успешного оспаривания нормативно-правового акта.

(Право.ру, 14.01.2019)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2019 года № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 112 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой граждан Н.А.Баланюк, Н.В.Лаврентьева, И.В.Попова и В.А.Чернышева»

Заявители по данному делу обратились в суд с административным иском об оспаривании утвержденных уполномоченным государственным органом градостроительных планов. В качестве заинтересованного лица на стороне административного ответчика выступил застройщик, по инициативе которого эти планы были подготовлены. Суд отказал в удовлетворении требований заявителей и взыскал с них судебные расходы в пользу застройщика (по его заявлению), который как лицо, заинтересованное в исходе разбирательства, принимал активное участие в судебном процессе.

Возмещение судебных расходов осуществляется той стороне, в пользу которой вынесено решение суда, за счет другой стороны. Однако дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти имеют определенную специфику. При их рассмотрении в суде право граждан оспаривать нарушающие, как они полагают, их права акты государственных органов может столкнуться с интересом организации, участвующей в деле в качестве заинтересованного лица, по защите своих прав, поскольку она осуществляет свою деятельность с применением оспариваемого акта. Отказ гражданину в удовлетворении его административного иска, притом что при обращении в суд он полагал свои права нарушенными, мог повлечь возложение на него в соответствии с оспариваемой нормой в полном объеме судебных расходов заинтересованного лица, активно выступавшего на стороне государственного органа — административного ответчика.

Придание такого смысла оспариваемому процессуальному регулированию означало бы, что взыскание в этой ситуации судебных расходов с административного истца можно рассматривать в качестве санкции за активную позицию гражданина, пытающегося в судебном порядке реализовать свое конституционное право на судебную защиту и оспорить решения, действия (бездействие) органов публичной власти. К тому же это не исключало практики отказа таких органов от реализации своих прав в процессе для защиты своей позиции по делу — с расчетом на активное процессуальное поведение заинтересованного лица.

Принимая изложенное во внимание, Конституционный Суд Российской Федерации дал конституционно-правовое толкование закона, которое ограничило возможность взыскания в заявленном объеме судебных расходов с граждан в пользу заинтересованных лиц, выступавших на стороне органа публичной власти. Одного того, что фактическое процессуальное поведение заинтересованного лица способствовало принятию данного судебного акта, недостаточно для взыскания судебных расходов с административного истца — гражданина в случае отказа в удовлетворении его требований. Расходы, понесенные заинтересованным лицом на оплату услуг представителя, должны быть необходимыми (вынужденными) и носить разумный характер. При этом важно, чтобы такие расходы не были обусловлены исключительно целью воспрепятствования деятельности административного истца — гражданина по защите своих прав, свобод и законных интересов.

Адвокат АК «Бородин и Партнеры» Ольга Рогачева отметила, что <...> Конституционный Суд правильно акцентирует внимание на вопросе о том, должен ли быть единым процессуальный режим возмещения издержек в административном и гражданском судопроизводстве. Также нужно учитывать, что КАС регулирует рассмотрение споров в сфере административных и иных публичных правоотношений. «Последняя включает в себя как отношения, возникающие в результате установления правовых порядков организации и функционирования публичного управления, так и отношения, порождаемые незаконными решениями, действиями (бездействием) органов публичной власти, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, которые реализуют административные властные полномочия к физическим лицам и организациям», — отметила Ольга Рогачева. По ее словам, распределение бремени доказывания при оспаривании действий (бездействия), решений органов публичной администрации осуществляется таким образом, что законность принятых решений должны доказать органы государственной власти. При этом адвокат отметила, что КС в своем постановлении также акцентирует внимание на активной роли суда, которая закреплена в КАС РФ, но пока не получила должного применения и понимания.

(Адвокатская газета, 29.01.2019)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июля 2018 года № 35-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Т.В.Ивановой, И.М.Митина и Е.В.Шкотова»

В пользу граждан Т.В.Ивановой, И.М.Митина и Е.В.Шкотова судами были взысканы денежные средства, которые не были им своевременно выплачены должниками, не исполнившими возложенных на них судами обязанностей. Ввиду данных обстоятельств и происходящих в государстве инфляционных процессов присужденные гражданам денежные суммы утратили часть своей покупательской способности, что побудило взыскателей обратиться в суды с заявлениями об индексации причитающихся

им сумм. Однако в удовлетворении указанных заявлений судами было отказано. Основанием отказов послужило то, что в действующем законодательстве, по мнению судов, не был установлен сам механизм индексации (не закреплены ее критерии), без чего проведение индексации судом было невозможно.

Поскольку граждане Т.В.Иванова, И.М.Митин и Е.В.Шкотов не смогли добиться компенсации неблагоприятных для них последствий несвоевременного исполнения вынесенных в их пользу судебных актов о взыскании денежных средств, они были вынуждены обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации.

Обращаясь к данному вопросу, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что невозможность индексации взысканных судом денежных сумм с целью восстановления их покупательской способности приводит к тому, что право на судебную защиту, гарантированное каждому статьей 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, оказывается существенно ущемленным.

С целью устранения законодательного пробела, не позволившего гражданам проиндексировать присужденные им суммы, Конституционным Судом Российской Федерации федеральному законодателю дано поручение внести в действующее правовое регулирование изменения, направленные на установление возможных критериев осуществления индексации взысканных судом денежных сумм, а судам — до момента такого внесения использовать в качестве критерия осуществления индексации утверждаемый Федеральной службой государственной статистики индекс потребительских цен.

Трое заявителей добились пересмотра своих дел в Конституционном суде (КС) РФ: долги им возвращали так долго, что — с учетом инфляции — получили обратно они гораздо меньше, чем отдавали займы. Конституционный суд признал право граждан на индексацию сумм долга.

(Пятый канал, 24.07.2018)

КС рассмотрел все возможные варианты индексации долгов, взысканных в рамках уголовного, гражданского и административного дел — как с физических, так и с юридических лиц <...>

Глава аналитической службы «Пепеляев групп» Вадим Зарипов считает важной позицию КС. «Тем самым в полной мере выполняется конституционная норма о том, что права и свободы гражданина действуют непосредственно и обеспечиваются правосудием. Фактически это означает, что суды обязаны восполнить законодательный пробел на основе общих и отраслевых принципов права. А если законодатель полагает, что судебная практика движется не в том направлении, он может установить регулирование», — отмечает эксперт.

(Коммерсант, 24.07.2018)

37. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ИСПОЛНИМОСТИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июля 2001 года № 13-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества «Разрез «Изыхский»

В данном Постановлении Конституционным Судом выявлены важнейшие принципы и условия взыскания с должника исполнительского сбора. Один из заявителей по данному делу — юридическое лицо, с которого был взыскан исполнительский сбор без учета уважительности причин неисполнения исполнительного документа в установленный срок.

Определив, что взыскание исполнительского сбора представляет собой меру штрафной санкции административного характера за неисполнение законных требований государства, Конституционный Суд Российской Федерации установил, что исполнительский сбор во всяком случае должен отвечать конституционным требованиям к мерам юридической ответственности.

Во-первых, Суд указал, что должна иметься возможность судебного обжалования постановления судебного пристава-исполнителя о взыскании исполнительского сбора, как того требуют конституционные предписания, в том числе о праве каждого на обжалование затрагивающих его права правовых актов органов государственной власти и их должностных лиц.

Во-вторых, важнейшим обстоятельством, подлежащим установлению судебным приставом-исполнителем при взыскании исполнительского сбора, является вина должника в неисполнении судебного акта в добровольном порядке. При наличии же уважительных причин такого неисполнения, как установил Конституционный Суд, исполнительский сбор взыскиваться не может. Также было указано на необходимость установления критериев для освобождения должника от его уплаты.

Наконец, в-третьих, Конституционный Суд обратил внимание на то, что в законодательстве удовлетворение требования об уплате исполнительского сбора имело приоритет над удовлетворением требований взыскателя, и подчеркнул недопустимость такого положения вещей. В самом деле, при недостаточности имущества должника для одновременного погашения долга перед взыскателем и уплаты исполнительского сбора риски возлагались на взыскателя, притом что ради защиты его нарушенных прав и возбуждалось исполнительное производство, а также взыскивался исполнительский сбор.

Конституционный Суд Российской Федерации признал оспариваемые нормы не противоречащими Конституции Российской Федерации в их конституционно-правовом истолковании, учитывающем изложенные им правовые позиции. На их основании в законодательство об исполнительном производстве внесены значительные изменения, уточняющие порядок взыскания исполнительского сбора с должника и основания для уменьшения его размера или освобождения от его уплаты.

Благодаря этому Постановлению был существенно улучшен правовой климат в сфере российского исполнительного производства. Была внесена определенность в вопрос о правовой природе исполнительского сбора, что позволило четко определить, какие гарантии конституционно-правового статуса личности должны соблюдаться при его взыскании.

Государство не должно брать деньги первым, до удовлетворения требований кредиторов. Так что частная собственность защищена и теперь в закон должны быть подготовлены поправки.

(Коммерсант, 31.07.2001)

Как считали многие юристы, норма закона была сформулирована так, что фактически порождала произвол со стороны приставов. По оценке экспертов, благодаря решению суда теперь это станет невозможным <...>

Отныне приставам нельзя сначала забирать деньги себе, а уж потом отдавать, что осталось, кредитору. Второе — теперь, прежде чем определить сумму штрафа, пристав обязан выслушать причины, почему должник не смог отдать долг в указанный срок. 7 % от суммы должны рассматриваться как максимум, «потолок». И назначаться только в крайнем случае. И, наконец, с сегодняшнего дня постановление пристава должник может обжаловать в суде.

(ОПТ, 30.07.2001)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2007 № 10-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьей части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.В.Безменова и Н.В.Калабуна»

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х.Гумеровой и Ю.А.Шикунова»

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2021 года № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 21325 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И.И.Ревкова»

Право на судебную защиту, гарантируемое статьей 46 Конституции Российской Федерации, было бы иллюзорным, если бы в законодательстве отсутствовали гарантии правильного и своевременного исполнения судебных актов. Конституционный Суд отмечал, что законодатель обязан установить непротиворечивое регулирование отношений в этой сфере, создавать для них стабильную правовую основу и не ставить под сомнение конституционный принцип исполнимости судебного решения. В то же

время осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно создавать препятствия в реализации прав и свобод других лиц (статья 17, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Руководствуясь этим, федеральный законодатель определил перечень видов имущества, на которое во всяком случае не может быть обращено взыскание. Предоставляя гражданину-должнику исполнительский иммунитет, законодатель гарантирует ему наличие минимальных необходимых условий для нормального существования и деятельности, в том числе профессиональной.

Действовавшая на момент принятия Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2007 года № 10-П редакция статьи 446 ГПК Российской Федерации относилась к указанному перечню земельные участки, не используемые гражданином-должником в предпринимательской деятельности, а судебная практика применяла данную норму формально, ограничиваясь констатацией факта отсутствия у должника юридически оформленного статуса индивидуального предпринимателя и не принимая в расчет количество, общую площадь, стоимость и результат использования спорных земельных участков.

Это в ряде случаев приводило к тому, что одержавший победу в суде взыскатель не мог рассчитывать на исполнение судебного акта за счет обращения взыскания на дорогостоящий земельный участок должника, не являющийся необходимым для удовлетворения его базовых жизненных потребностей. Более того, недобросовестный должник мог намеренно вкладывать свои денежные средства в покупку земельных участков с тем, чтобы на них в силу закона нельзя было обратить взыскание.

Подобные случаи и произошли в делах граждан В.В.Безменова и Н.В.Калабуна, обратившихся в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой на норму статьи 446 ГПК Российской Федерации. Конституционный Суд был поставлен в такие условия, при которых, с одной стороны, необходимо учесть интересы взыскателя, имеющего право на исполнение вынесенного в его пользу судебного акта, а с другой — интересы добросовестных должников, земельные участки которым нужны для удовлетворения основных жизненных потребностей и не превышают разумных для этого параметров.

Конституционный Суд Российской Федерации занял взвешенную позицию, поручив законодателю уточнить критерии, соответствующий которым земельный участок не может быть предметом взыскания. В частности, должны учитываться количественные и качественные характеристики этого земельного участка, целевое назначение и фактическое использование земельных участков. Положение статьи 446 ГПК Российской Федерации было признано не соответствующим Конституции Российской Федерации.

Данное Постановление является показательным примером нахождения Конституционным Судом Российской Федерации справедливого баланса между интересами граждан, взаимно друг друга исключаящими. Обеспечив тем, кто добросовестно использует землю для собственного проживания и пропитания, гарантию того, что такие люди не останутся бездомными, Суд в то же время не забыл и о праве победителя в суде пользоваться плодами своей победы.

Выраженный Конституционным Судом подход был воспринят в правоприменительной практике. Так, в пункте 62 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 года № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного

производства» содержатся разъяснения о том, что допустимо обращение взыскания на земельные участки, на которых расположены единственно пригодные для проживания помещения должника, в части, явно превышающей предельные минимальные размеры предоставления земельных участков для земель соответствующего целевого назначения и разрешенного использования, если их фактическое использование не связано с удовлетворением потребностей гражданина-должника и членов его семьи в обеспечении необходимого уровня существования при условии, что доходы должника явно несоразмерны с объемом денежных требований, содержащихся в исполнительном документе, и не позволяют удовлетворить эти требования в разумный срок.

Подобный вопрос встал перед Конституционным Судом и применительно к обращению взыскания на единственные принадлежащие должнику жилые помещения (Постановление от 14 мая 2012 года № 11-П). Действовавшее правовое регулирование не позволяло судебному приставу-исполнителю обращать взыскание на находящееся в собственности должника жилое помещение (его часть), которое является для гражданина-должника и проживающих с ним совместно членов его семьи единственно пригодным для постоянного проживания.

Проблема заключалась в том, что взыскатель не мог рассчитывать на полное и своевременное исполнение вынесенного в его пользу судебного решения и тогда, когда указанное жилое помещение по своим характеристикам (общая и жилая площадь) превышает разумно достаточные параметры, необходимые для конституционно значимой потребности должника в жилище как неотъемлемой части достойного существования, а его стоимость позволяет в случае его реализации и удовлетворить требования взыскателя, и приобрести для должника жилое помещение меньшего размера и не оставить его самого и его семью бездомными.

Конституционный Суд Российской Федерации дал положению статьи 446 ГПК Российской Федерации конституционно-правовое истолкование как обеспечивающему исполнительский иммунитет лишь таким жилым помещениям, которые по своим объективным характеристикам (параметрам) являются разумно достаточными для удовлетворения конституционно значимой потребности в жилище как необходимом средстве жизнеобеспечения. Для того, чтобы обеспечить удовлетворение интересов взыскателя в случае, если жилище должника может быть признано скорее предметом роскоши, нежели жизнеобеспечения, Конституционный Суд поручил федеральному законодателю разработать необходимые правовые механизмы.

Конституционный Суд Российской Федерации вновь обратился к этому вопросу в Постановлении от 26 апреля 2021 года № 15-П. Несмотря на то что дело заявителя было связано с проблемой реализации имущества несостоятельного должника, выраженные в нем правовые позиции носят общий характер и имеют значение и в исполнительном производстве.

И.И.Ревков связывал нарушение своих конституционных прав с тем, что оспариваемые нормы распространяют имущественный (исполнительский) иммунитет на жилое помещение, принадлежащее признанному несостоятельным (банкротом) гражданину-должнику, приобретенное им в собственность после возбуждения исполнительного производства о взыскании долга в пользу гражданина-взыскателя и по объективным характеристикам (параметрам) значительно превышающее разумно достаточное для удовлетворения конституционно значимой потребности в жилище.

Исходя из необходимости обеспечения баланса интересов должников и кредиторов, проявляющейся в том числе в делах о банкротстве, Конституционный Суд в Постановлении от 26 апреля 2021 года № 15-П отметил, что и до внесения изменений в законодательство безусловный отказ в обращении взыскания на жилое помещение недопустим, если суд считает применение исполнительского иммунитета необоснованным. При этом в Постановлении предусмотрены критерии, которыми необходимо руководствоваться судам при принятии соответствующих решений.

«Теперь банки более охотно станут выдавать кредиты гражданам, имеющим земельные участки», — считает генеральный управляющий по розничным продуктам и услугам Международного московского банка Алексей Аксенов.

(Коммерсант-Daily, 13.07.2007)

«Вне всякого сомнения, в условиях нашей страны это такое же право человека конституционное, как право на жизнь, к примеру. Невозможно человека выкинуть на улицу путем обращения взыскания на жилое помещение», — считает представитель Государственной думы в Конституционном суде Дмитрий Вяткин.

(Первый канал, 14.05.2012)

Сегодняшнее решение Конституционного суда, в принципе, совпало с позицией заявителей. Сама оспариваемая норма Конституции не противоречит — гражданин имеет право на жилище. Однако 446-я статья Гражданского процессуального кодекса никак не определяет размеры этого жилища. Поэтому Конституционный суд обязал законодателей установить пределы так называемого имущественного иммунитета, накладываемого на жилье должника.

(НТВ, 14.05.2012)

Юрист банкротного направления Vegas Lex Валерия Тихонова называет постановление «поистине революционным для практики», добавляя, что на фоне бездействия законодателя и продолжниковой позиции арбитражных судов КС «взял на себя миссию по установлению границ исполнительского иммунитета».

(Коммерсант, 28.04.2021)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 марта 2016 года № 7-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 21, части 2 статьи 22 и части 4 статьи 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с жалобой гражданина М.Л.Ростовцева»

Правильное и своевременное исполнение судебных актов является неотъемлемым элементом судебной защиты, гарантируемой статьей 46 Конституции Российской Федерации. Законодатель в соответствии с этим обязан установить непротиворечивое регулирование отношений в этой сфере, создавать для них стабильную правовую основу и не ставить под сомнение конституционный принцип исполнимости судебного решения. Вместе с тем осуществление прав и свобод человека и гражданина имеет

в качестве своего объективного предела воспрепятствование реализации прав и свобод других лиц (статья 17, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Гражданин М.Л.Ростовцев выступал в качестве должника в отношениях с банком, получившим в свою пользу судебное решение об обращении взыскания на принадлежащее должнику и заложенное им имущество. Но банк не спешил реализовывать свое право на исполнение судебного решения, а многократно предъявлял исполнительный лист к исполнению (чем возбуждалось исполнительное производство) и по собственному заявлению забирал его обратно (чем исполнительное производство оканчивалось). Согласно же Федеральному закону «Об исполнительном производстве» в таких случаях трехлетний срок для предъявления исполнительного документа к исполнению прерывался и начинал свое течение заново. Фактически это означало, что должник в случае наличия на то воли взыскателя мог бессрочно пребывать под угрозой применения к нему исполнительных действий и мер принудительного исполнения.

Посчитав такое нормативное регулирование не отвечающим конституционным требованиям, М.Л.Ростовцев обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой. Конституционный Суд, отметив, с одной стороны, важность наличия в законодательстве гарантий правильного и своевременного исполнения судебных актов, а с другой — необходимость соблюдения прав и законных интересов должника в исполнительном производстве, встал на защиту заявителя.

Оспариваемые положения Федерального закона «Об исполнительном производстве» были признаны неконституционными в той мере, в какой предусмотренный ими порядок исчисления срока на предъявление исполнительного документа к исполнению позволял при окончании исполнительного производства на основании заявления взыскателя об отзыве исполнительного документа предъявлять впоследствии исполнительный документ к исполнению в течение неопределенно долгого периода.

Таким образом, был устранен дефект законодательного регулирования, существенно искажавший баланс интересов взыскателя и должника (сторон исполнительного производства) и позволявший взыскателю неоднократно перекладывать экономические риски (связанные с возможными трудностями реализации имущества, на которое может быть обращено взыскание, или с неблагоприятной ценовой конъюнктурой) на должника (который не только лишен возможности самостоятельно им распоряжаться, но и продолжает нести бремя содержания этого имущества до обращения на него взыскания).

Конституционный суд РФ запретил бесконечно возобновлять процедуру взыскания долгов через приставов, если исполнительные листы ранее были отозваны по инициативе взыскателя. Об этом говорится в опубликованном сегодня постановлении КС РФ. <...>

По мнению суда, подобные действия взыскателя могут привести к тому, что исполнительное производство не завершится, а должнику придется «бесконечно пребывать под угрозой применения к нему и принадлежащему ему имуществу исполнительных действий».

(ИА REGNUM, 14.03.2016)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2018 года № 40-П «По делу о проверке конституционности абзаца второй части третьей статьи 445 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.С.Волосникова»

Основанием для рассмотрения данного дела в Конституционном Суде послужила практика судов общей юрисдикции по повороту исполнения вынесенных ими решений, впоследствии отмененных вышестоящими судами, по делам о назначении, индексации и т. д. социальных выплат гражданам в возмещение вреда здоровью, полученного в основном на производстве с вредными и/или опасными условиями труда. Поворот исполнения решений судов, вынесенных в пользу граждан — получателей социальных выплат, осуществлялся на основании заявлений органов Фонда социального страхования Российской Федерации, т.е. субъекта, наделенного публичными функциями. При этом суды зачастую игнорировали положение части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации, согласно которому поворот исполнения решения допускается, если отмененное решение суда было основано на сообщенных истцом ложных сведениях или представленных им подложных документах.

В результате произведенного в деле В.С.Волосникова поворота исполнения решения суда с него в пользу Фонда социального страхования Российской Федерации было взыскано по исполнительным листам более 170 тысяч рублей.

Конституционный Суд, куда В.С.Волосников обратился с жалобой на нарушение своих конституционных прав и свобод в такой ситуации, поддержал заявителя и отметил, что регулирование части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации, допускающей поворот исполнения решения суда по делам о взыскании денежных сумм по требованиям, вытекающим из трудовых отношений, о возмещении вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, только в случаях, когда отмененное решение принято вследствие прямо указанных в ней действий самого истца, само по себе отражает гуманистические начала российского законодательства и согласуется с обязанностью федерального законодателя при выборе тех или иных процедур судопроизводства, включая механизм восстановления прав ответчика, нарушенных взысканием денежных сумм в пользу истца на основании ошибочного судебного решения, впоследствии отмененного вышестоящим судом, не ставить под сомнение конституционный принцип равенства путем приоритетной защиты прав лишь одной из сторон судопроизводства.

Конституционный Суд обратил внимание судов на то, что гражданин, получивший в порядке исполнения судебного решения ежемесячные страховые выплаты, предусмотренные названным Федеральным законом, не должен претерпевать всю полноту неблагоприятных последствий (поворота исполнения решения) в случаях, если это решение отменено судом кассационной или надзорной инстанции как ошибочное, притом что отмененное решение не было основано на сообщенных истцом ложных сведениях или представленных им подложных документах.

Оспариваемая норма была признана не противоречащей Конституции Российской Федерации, как не предполагающая, согласно ее конституционно-правовому смыслу, поворота исполнения решения суда в рассмотренном случае, при условии что отмененное решение не было основано на сообщенных истцом ложных сведениях или представленных им подложных документах.

Тем самым Конституционный Суд защитил права граждан, получающих денежные выплаты социального характера на основании норм Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», как слабой стороны в отношениях с Фондом социального страхования Российской Федерации и дал необходимые разъяснения судам относительно такого применения части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации, которое не нарушало бы права данных граждан в условиях, когда Конституция Российской Федерации провозглашает Россию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, и в котором охраняются труд и здоровье людей, устанавливаются гарантии социальной защиты (статья 7), каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены (статья 37, часть 3), на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, предусмотренных законом (статья 39, часть 1).

КС РФ запретил взыскивать полученные страховые выплаты. Конституционный суд объяснил особенности поворота исполнения решения суда. Несмотря на то, что Гражданский процессуальный кодекс РФ предписывает вернуть ответчику все, что было с него взыскано в пользу истца по отмененному решению суда, поворот судебного решения не должен ухудшать положение гражданина в его взаимоотношениях с государством, постановили судьи.

(Российская газета, 14.11.2018)

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 июня 2020 года № 30-П «По делу о проверке конституционности частей третьей и пятой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», части первой статьи 439 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 4 части 1 статьи 43 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с жалобой граждан В.В.Однодворцева, Е.В.Однодворцева, М.Е.Однодворцева, Н.В.Однодворцевой и Т.П.Однодворцевой»

Поводом для его принятия послужила жалоба добросовестных приобретателей жилого помещения, выбывшего из владения публичного собственника против его воли и впоследствии им истребованного у заявителей. Норма гражданского законодательства, послужившая правовой основой для истребования от них данного жилого помещения, была ранее расценена Конституционным Судом как неконституционная в Постановлении от 22 июня 2017 года № 16-П, однако с учетом действовавшего в то время законодательства они не могли претендовать на пересмотр решения об истребовании у них спорного имущества, поскольку не относились к числу лиц, обращение которых послужило поводом для вынесения этого Постановления. В удовлетворении же требования о прекращении исполнения решения — фактически означающего продолжение применения нормы в неконституционном истолковании — суды им отказали в связи с отсутствием для этого формальных, установленных в законе оснований.

Оспариваемым нормам, регулирующим отдельные вопросы исполнительного производства и юридической силы решений Конституционного Суда, было дано конституционно-правовое истолкование, в соответствии с которым они не предполагают исполнения судебного решения, основанного на оспоренных в порядке конституционного судопроизводства правовых нормах и не исполненного на момент окончания этого судопроизводства. Федеральному законодателю же было предписано установить для граждан, оказавшихся в той же ситуации, что и заявители, механизм пересмотра вынесенных в отношении таких граждан решений в связи с установленной судом невозможностью их исполнения.

Алексей Шапошников, Председатель Московской городской думы: Конституционный суд РФ принял без преувеличения историческое решение, вручившее настоящую «палочку-выручалочку» добросовестным приобретателям жилых помещений, которые попали в сложную ситуацию из-за мошенников <...> У обманутых собственников появился шанс склонить чашу весов Фемиды в свою пользу, воспользовавшись принципиально новым инструментом, предусмотренным постановлением Конституционного суда <...>

Уникальность этого решения, на мой взгляд, в том, что Конституционный суд впервые обязал федерального законодателя закрепить механизм, который позволит пересматривать все аналогичные дела, если решение по ним было принято на основании норм, признанных неконституционными. То есть теперь право на пересмотр своего дела получили даже те граждане, которые не обращались в Конституционный суд.

Характерно, что для прерывания выселения по таким делам не обязательно ждать изменений в федеральном законе: постановление Конституционного суда уже является основанием для прекращения исполнительного производства.

(Федеральное Агентство Новостей, 13.08.2020)

Материал составлен сотрудниками Секретариата Конституционного Суда Российской Федерации.

Автор вступительной статьи — начальник Управления конституционных основ публичного права, д.ю.н. Е.В.Тарибо